

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 8 ИСТОРИЯ

Издательство Московского университета
LOMONOSOV HISTORY JOURNAL

№ 6 • Том 66 • 2025 • НОЯБРЬ–ДЕКАБРЬ

Выходит один раз в два месяца
Published once in two months

СОДЕРЖАНИЕ

Белянкин Ю.С. Выговское послание «Благопослушным и трудо- подвижным братьям»	3
Бодров А.В. Образ М.Н. Каткова во французской прессе в послед- ней трети XIX века	13
Юй Цзе. Деятельность Общества ревнителей русского историчес- кого просвещения по популяризации зарубежной литературы в конце XIX — начале XX века	33
Загора М.Г., Петрова О.С., Пожарский А.Ю. Миграционные процессы начала 1920-х годов в Советской России в отражении делопроизводственных материалов Правительственной кон- трольно-оптационной комиссии Эстонской Республики	44
Бабюк М.И. Хозяйственные аспекты развития издательства «Прав- да» в 1920-е годы	60
Парфирьев Д.С., Аджиева З.А., Олифер Л.В. Политика СССР по отношению к Русской православной церкви в Запорожской и Херсонской областях в 1944–1948 гг.	87
Волгин Е.И. Парламентские выборы 1993 г.: основные аспекты мо- дернизации избирательной системы Российской Федерации	106
Абрамова Н.Г. Из истории становления исторической географии как учебной дисциплины в Московском университете	134
Юденкова Т.В. П.М. Третьяков и В.М. Васнецов: к истории взаимо- отношений коллекционера и художника	145
Окрошидзе Л.Г. Портрет адмирала Петра Ивановича Рикорда из собрания Центрального военно-морского музея имени им- ператора Петра Великого: новая атрибуция	172
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 2025 г.	185

CONTENTS

Beliankin Iu.S. The Vyg Epistle “To the Obedient and Diligent Brethren”	3
Bodrov A.V. M.N. Katkov’s Image in the French Press in the Last Third of the 19th Century	13
Yu Jie. Activities of the Society of Zealots of Russian Historical Enlightenment to Popularize Foreign Literature in the Late 19th — early 20th Centuries	33
Zagora M.G., Petrova O.S., Porzarskiy A.Yu. Migration Processes In the Early 1920s in Soviet Russia as Reflected in the Administrative Records of the Governmental Control and Optation Commission of the Republic of Estonia	44
Babyuk M.I. Economic Aspects of the Development of the <i>Pravda</i> Publishing House in the 1920s.	60
Parfir’ev D.S., Adzhieva Z.A., Olifer L.V. The USSR Policy towards the Russian Orthodox Church in Zaporozhye and Kherson Regions, 1944–1948	87
Volgin E.I. The 1993 Parliamentary Elections: Key Dimensions of the Modernization of the Russian Federation’s Electoral System.	106
Abramova N.G. On the Emergence of Historical Geography as an Academic Discipline at Moscow University.	134
Yudenkova T.V. Pavel Tretyakov and Viktor Vasnetsov: toward a History of the Relationship between Collector and Artist	145
Okroshidze L.G. Portrait of Admiral Petr Ivanovich Rikord from the Collection of the Emperor Peter the Great Central Naval Museum: A New Attribution	172
Index of articles and materials published in the journal in 2025.	185

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2025-66-6-3-12

Ю.С. Белянкин

ВЫГОВСКОЕ ПОСЛАНИЕ «БЛАГОПОСЛУШНЫМ И ТРУДОПОДВИЖНЫМ БРАТИЯМ»

Iu.S. Beliankin

THE VYG EPISTLE “TO THE OBEDIENT AND DILIGENT BRETHREN”

Аннотация. Известное среди исследователей старообрядческой литературы выговское послание «благопослушным и трудоподвижным братиям» до сих пор не рассматривалось в историографии сколь-либо подробно, в том числе с точки зрения системы образов и в рамках изучения темы моря в выговских нарративах XVIII–XIX вв. Предлагаемая статья восполняет этот пробел. Данное послание было написано, как предполагается, одним из основателей старообрядческой Выговской пустыни Семеном Денисовым во второй четверти XVIII в. Появление послания было связано, очевидно, с активным зарождением и плодотворной деятельностью выговского промыслового флота в 1720-е гг. Такой флот был необходим расширявшейся поморской старообрядческой пустыни для поддержания ее физического существования, пропитания и добывания средств от продажи морской добычи. Хозяйственная сфера жизни Выгореции и ее насельников была не менее важна, чем литературно-духовная. В данном случае на примере изучаемого послания соединились оба этих аспекта, поскольку духовные власти Выга стремились регламентировать различные ключевые направления повседневной жизни старообрядческой обители, среди которых одно из важных мест занимали морские промыслы, куда посылались многие выговские трудники. В связи со всем сказанным, как можно уверенно предполагать, и было написано данное послание, обращенное к трудникам на морских промыслах. Произведение создано по всем канонам выговской ри-

Белянкин Юрий Сергеевич, кандидат исторических наук, заведующий сектором изучения особо ценных фондов Центра по исследованию проблем развития библиотек в информационном обществе Российской государственной библиотеки

Beliankin Iurii Sergeevich, PhD Candidate in History, Head, Department for the Study of Especially Valuable Collections, Center for Research on Library Development Issues in the Information Society, Russian State Library

bys86@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1236-7953

торической школы, его содержание крайне интересно и ярко отражает весь драматизм судьбы морских трудников. Эти люди каждый день рисковали жизнью, и они описываются автором послания как будущие страдальцы за Христа, которые унаследуют вечную жизнь, совершая свой подвиг на море, не только физический, но и духовный. В послании «благопослушным и трудоподвижным братиям» представлены живописные образы суровой морской природы, постоянными мотивами сочинения являются ароматы и вкусы моря, а также непрерывного молитвенного поминовения морских трудников выговской братией.

Ключевые слова: Выг, рукописи, морские промыслы, трудники, старообрядчество, Российская государственная библиотека.

Abstract. Although well known to specialists in Old Believer literature, the Vyg epistle “To the Obedient and Diligent Brethren” has never been examined in detail in the scholarship, either in terms of its imagery or in relation to the broader theme of the sea in Vyg narratives of the 18th and 19th centuries. This article addresses that gap. The epistle is thought to have been written by Semen Denisov, one of the founders of the Old Believer Vyg community, in the second quarter of the 18th century. Its composition was evidently bound up with the rise and successful development of the Vyg community’s maritime hunting fleet in the 1720s. Such a fleet was essential to the expanding Pomor Old Believer settlement, providing for its physical survival, nourishment, and income through the sale of marine products. In Vygoresia, the economic dimension of communal life was no less important than its literary and spiritual culture. The epistle examined here brings these two spheres together in a particularly revealing way. The spiritual authorities of Vyg sought to regulate key aspects of everyday life within the community, and maritime fishing and hunting to which many Vyg laborers were assigned occupied an important place among them. The epistle may therefore be read as a text directed specifically to those engaged in work at sea. Composed in full accordance with the conventions of the Vyg rhetorical school, it offers a vivid representation of the dramatic fate of maritime laborers. Constantly exposed to mortal danger, they are portrayed as future sufferers for Christ who, through their labor and endurance at sea, will inherit eternal life. Their work is thus presented not merely as physical toil, but as a form of spiritual feat. The epistle also contains striking images of the harsh northern seascape. Among its recurring motifs are the smells and tastes of the sea, together with the unceasing liturgical and prayerful commemoration of seafaring laborers by the Vyg brethren.

Keywords: Vyg, manuscripts, marine crafts, laborers, Old Believers, Russian State Library.

* * *

С самых ранних этапов своей истории Выговское общежительство если не полностью, то в значительной мере зависело от северных рек и морей. Выгореция, сохранившая уже в самом названии локус реки, была основана в конце XVII в. на реках Выг и Лекса, где

в дальнейшем, на протяжении полутора столетий, процветал центр поморского старообрядчества. Поморские старообрядцы были обязаны своим существованием и морю, арктическим морям, которые давали выговским насельникам «хлеб насущный», точнее, спасали их от голодной смерти в годы хлебных неурожаев, обеспечивали дополнительные средства существования, позволяли иметь свободные деньги от реализации морской добычи, употреблявшиеся на нужды Выгореции. Один из самых ранних промысловых судов, шкута «Преподобный Савватий», было построено в 1724 г.¹ Морская тема сопровождала Выг всё время его существования, популярен был в старообрядческих нарративах того времени образ древле-православной общины как корабля. Морские промыслы позволили Выгореции достичь определенной экономической независимости и устойчивости на случай природных бедствий и внешнего давления властей. По уровню развития морского дела Выговское общежитительство нередко сравнивают с другой, гораздо более крупной, духовной институцией, которая, к слову, считалась поморскими старообрядцами символическим истоком Выгореции — Соловецким монастырем.

Поэтому неслучайно, что тема моря и водной стихии в выговских нарративах занимает существенное место. В связи с этим большой интерес как источник о восприятии моря в духовном пространстве Выгореции, а также о некоторых реалиях северного морского дела представляет сохранившееся в рукописи второй четверти XVIII в. в собрании Барсова (ОР РГБ. Ф. 17. № 365. Л. 77–81) и неисследованное послание выговским трудникам, отправленным на морские промыслы. Известны в настоящее время всего два списка произведения, оба — в коллекциях выдающихся собирателей старообрядческой письменности: Е.В. Барсова (ОР РГБ) и В.Г. Дружинина (БАН)². Для лучшего понимания текста обратимся к контексту эпохи, в которой он был создан.

Выговские духовные власти уже на первых этапах жизни старообрядческой пустыни постарались регламентировать административно-хозяйственную сторону морских промыслов, чему был посвящен известный документ под названием «Предел братии на промыслах морских летоизмно пребывающим на Груманте и Новой

¹ Брызгалов В.В., Овсянников О.В., Ясински М.Э. Европейская Арктика: морские зверобойные промыслы Выговского старообрядческого общежитательства в XVIII–XIX веках: суда, кормишки, работные люди (к исследованию поморской экономической структуры). Архангельск, 2016. С. 49.

² Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912. С. 360. № 365.

Земле, изданный от общего церковного совета»³. Он был составлен в 1720-е гг., в период начала развития выговского флота, при участии стоявших у истоков Выгореции Семена Денисова и Мануила Петрова и состоял из девяти статей. Выговцы получили высочайшее дозволение заниматься в том числе морскими промыслами по правительственным указам от 1711 и 1714 гг.⁴ Это подразумевало добычу сала и шкур морских животных. Согласно указу Сената от 23 марта 1734 г., местные власти должны были не препятствовать промышленникам Выговского общежителства «в ловле всяких зверей и рыб и других животных различных родов и маловидных и курьезных вещей» для отправки живых диких животных к императорскому двору⁵. В выговской духовной литературе известно несколько памятников, посвященных теме морских и речных рыбных и зверобойных промыслов. Среди них «Предел на рыбных ловитвах пребывающим, яко братьям тако и постницам, еже непременно содержать», состоящий из 14 статей⁶. Добыча морского зверя и его реализация составляли весьма заметную статью дохода Выгореции, этому уделено особое внимание в упомянутом «Пределе братии на морских промыслах», который запрещал неучтенную продажу морской добычи в обход выговской казны, а также требовал избегать порчи добытых морских трофеев. По сведениям, полученным от местного крестьянина Ивана Круглова, выговские промысловые команды действовали на Шпицбергене, Вайгаче, Канином носу, Кольском полуострове и в иных местах, где добывали моржа, белугу, треску, нерпу⁷.

Интересно, что духовные руководители Выга могли выполнять и функции управителя хозяйственно-экономической части Выговского общежителства. Яркий пример такого удачного руководства столь разными сферами жизни — деятельность Мануила Петрова (1691–1759), который оставил богатое литературное наследие, вошедшее в «золотой фонд» поморской старообрядческой книжности, и вместе с тем был эффективным руководителем морских промыслов. Уже с начала — первой половины 1720-х гг. известно участие

³ Там же. С. 143.

⁴ Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. Т. 1. М., 2002. С. 41–42.

⁵ См.: Хрушкая Л.Н. Из истории миссионерской и промысловой деятельности выговцев в Архангелогородской губернии // Старообрядчество: история, культура, современность: Материалы XI Международной научной конференции. Т. 1. М., 2014. С. 108–123.

⁶ Рукопись XVIII в. ОР РНБ. Q. I, № 1065. Л. 83.

⁷ Есипов Г. Раскольничьи дела XVIII столетия. Т. 1. СПб., 1861. С. 435.

Мануила Петрова в отправке выговских промысловых судов с командами в северные моря⁸. Теме морских промыслов уделено много внимания в «Истории выговской пустыни» Ивана Филиппова. Так, описывая биографию одного из выговских насельников, Ивана Старцова, Филиппов сообщает, что он долгое время «хождавшее море Мурманское для рыбной ловли и на Канин нос для промысла рыбного и зверинаго»⁹. Еще одним известным деятелем на поприще морских промыслов Выгореции был Амос Кондратьев сын Корнилов, начало деятельности которого относится к середине XVIII в. По свидетельству Петра Челищева, оставившего записки о своем большом путешествии по Северу России в конце XVIII в., обитатели Выга ежегодно отправляли для добычи морских зверей свои лодьи (название традиционных поморских промысловых судов) «на острова Севернаго окияна к Килдьюин, Груенланд и к Новой Земле»¹⁰.

Морские рыбные и звериные промыслы были, как видно, с одной стороны повседневной рутинной частью выгорецкой хозяйственной жизни, через которую проходили многие выговские трудники. С другой стороны, дело это было опасное и тяжелое, являвшееся важной частью местной экономики, в связи с чем выговские наставники считали необходимой всестороннюю регламентацию данной сферы, в том числе с точки зрения духовного благочиния. Этому и посвящено рассматриваемое нами послание «Благопослушным и трудоподвижным братиям» из собрания Барсова.

Текст, по-видимому, был составлен Семеном Денисовым¹¹, одним из столпов Выга. Жизнь обитателей Выга строилась по монастырским правилам, что нашло свое отражение в рассматриваемом сочинении. Весь текст проникнут мыслью о послушании и труде, что прослеживается уже в самом названии сочинения: благопослушным и трудоподвижным братиям. Как неоднократно повторяет в разных выражениях автор, говоря о морских трудниках, «коль всепредобро усердие боголюбезного вашего послушания» (л. 77). Выго-Лексинское общежительство было задумано его основателями и в дальнейшем существовало как монастырь, поэтому соблюдение мона-

⁸ Брызгалов В.В., Овсянников О.В., Ясински М.Э. Указ. соч. С. 21.

⁹ Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С. 319–321.

¹⁰ Челищев П.И. Путешествие по Северу России в 1791 году отставного секунд-майора Петра Челищева. СПб., 1886. С. 22–23.

¹¹ Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежительства. Т. 1. М., 2008. С. 376.

стырского благочиния во всех сферах деятельности братии, в том числе хозяйственной, было обязательным. Даже на тяжелых морских промыслах подразумевалось, что трудники соблюдают посты. «Без благословения старшин ничтоже творяще» (л. 80 об.), пишет автор. Трудники благопослушны выговскому братству и доброприятны Богу.

Вся тяжесть морской работы отражена в тексте столь реалистично, что не остается сомнений если не в личной причастности автора текста, то в том, что описание ее получено от непосредственных участников и очевидцев. Неоднократная гибель судов и экипажей прослеживается по сохранившимся архивным документам. Например, в 1749 г. посланные из Выгореции промысловики погибли от цинги: «вси до единого оцынжаша смертною косою пожати быша и ни един из тех возвратися»¹². Летом 1759 г. суда «Данилова раскольнического скита» (т.е. с Выга), ушедшие на моржовый промысел, были раздавлены льдами по пути на Грумант, а спасшиеся промысловики были унесены ветром и штормом в сторону Финмаркена. Как сообщают свидетели, потерпевшие бедствие «с голоду и стужи почти мертвы находились»¹³.

Одна из интереснейших идей изучаемого послания — враждебное человеку море может становиться одновременно и благоухающим пространством, райской пустыней, в которой словно произрастают, как в оазисе, ароматные цветы — это сами выговские трудники, чей труд символически наполняет всё вокруг благоуханием (л. 77 об.). Тема духовной красоты морских трудников следует в послании параллельно с «благоароматностью» их труда на море, которое, в свою очередь, отступает перед ними в своей мрачности и открывается с благоприятной стороны — но только праведным и трудолюбивым людям. Послание служит образцовым примером выговской риторической школы, являющейся отличительной чертой духовно-литературного наследия Выгореции. В тексте послания происходит искусная вербализация запахов и даже вкусов: морские трудники источают запахи ароматного сада, а «всегорчайшая морская пена» становится сладостной (л. 78).

Как пишет автор послания о трудниках, «коль пречюдно терпение дивного о Христе страдальчества» (л. 77). Их работа на море — «всеблаженный изрядного тщания труд» (л. 77). В этих строках

¹² Елизарков Н.А. Выговские староверы, традиционное судоходство и судостроение Беломорско-Онежского бассейна // Труды Кольского Научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2020. Вып. 18. № 1. С. 58.

¹³ Брызгалов В.В., Овсянников О.В., Ясински М.Э. Указ. соч. С. 31.

автор послания акцентирует благодатность труда как такового, и особенно столь тяжелого, которым в качестве послушания занимаются выговские рыбаки. Они терпеливо выносят тяготы промысла и даже сравниваются автором со страдальцами Христа ради («Христова ополчения страдальцы» (л. 78 об.)), которые рискуют жизнью не только ради хлеба насущного, но и, в первую очередь, совершают духовный подвиг, будучи в любой момент готовыми к праведной кончине. Подвижнический труд выговских рыбаков сопровождается «доброароматным» (л. 77) и сладостным благоуханием, словно от цветов. Морские трудники, символически говоря, «златозарно» сияют «в темности великого нощемрачия» (л. 77) северных морей.

Описания природы под пером автора послания столь колоритны, что их мог составить только непосредственный свидетель. Он противопоставляет горесть «морского многоволненного слановодия» и «спасительную терпения сладость» нелегкого труда старообрядцев-промысловиков (л. 77). Они «на пучины дерзают», сражаются с «многобурными страхами» и «треволненным шумом» (л. 77 об.). Из этих описаний вырисовывается картина непредсказуемого и беспощадного штормового моря. «Многомрачная зима», «великобурная тяжкая зима» — постоянный мотив послания, поскольку выговские трудники уходили в море круглый год и не понаслышке знали, что такое зимнее опасное море. «Безвестное великоношное тамошнее пребывание» недвусмысленно говорит о вынужденных, иногда многолетних, зимовках промысловиков, которые не имели никакой возможности подать о себе весть на сушу. Так, например, согласно одному из документов, застрявшим на промыслах трудникам «на Новую Землю в зимовье для пропитания работным людем Выгорецкого расколнического жилища» было отправлен груз ржи и муки (1762 г.¹⁴). Волнения моря подобны волнениям непостоянно-го и превратного моря житейского.

Как подчеркивает автор послания, ночь несветла только неверным, верным же она не тьма. Наградой праведным трудникам является «всекрасно благоухающая весна» (л. 78), сменяющая шторма зимнего моря. Работа выговских трудников, праведно исполняющих обязанности, именуется легким ярмом и сладчайшим бременем. Тема райских ароматов (не всегда названных напрямую, но очевидных из контекста), к которой неоднократно обращается автор, хорошо известна в древнерусской книжности, в частности, в соловецких

¹⁴ Там же. С. 46.

средневековых нарративах. В нашем случае источником благоухания являются морские трудники, наполняющие им окружающую морскую стихию. Цветы и сладостные ароматы — постоянные атрибуты райского топоса¹⁵ в древнерусской книжности, которые были адаптированы автором выговского послания к трудящимся на морских промыслах. Они также сравниваются с новозаветными «делателями винограда» (л. 80).

«О вас всеприсная бряцают непремолчно цевницы» (л. 78 об.) — так в послании возникает еще одна важная для автора и аудитории текста тема литургического поминовения трудников, ушедших в море. Об их здравии и благополучии молится, по замыслу автора, вся Выгореция, что должно было, несомненно, поднимать дух морских работников. Далее в тексте послания приводится хорошо подходящая по контексту выдержка из ежедневной павечерницы: «Помилуй Господи труждающихся и служащих нам, милующих и питающих нас, о вас восклицают неусыпно всеособорне Господеви гласи». «По водам плавающим правитель буди к иже в путех шествующих исправи и поспеши», продолжает автор (л. 78 об.). О трудниках возносится «всебратвенное молитвенное возношение» всего братства Выгореции. Это не просто возношение, оно описывается как «ароматоносное», молитва за них — «ароматодышущая» (л. 78 об.). За трудников возносятся «всебратственные благодарственные гласы» и «немощные дряхлые моления» (л. 79). Братия сравнивается автором послания с сиротами, полностью зависящими от своих кормильцев. Неусыпные мольбы к Богу оставшихся в монастыре должны были постоянно поддерживать моральный дух и крепость трудников на море, приготовляя их к возможной гибели и наследованию вечного блаженства. Не раз, как сообщают архивные документы, выговские промышленники «вси смертным сном усноша»¹⁶. Трудолюбие и терпение — это то золото, которым, как пишет автор, позлащают себя трудники на морских промыслах. Трудникам плетутся нетленные и «всепрекрасные» венцы небесного спасения (л. 79). То есть сам их праведный труд позволяет им уповать на воздаяние в будущей жизни, поскольку они были «трудившимися о Господе» и воинами «Христова ополчения». Немалодушествуя в подвигах, они получают вечное спасение за свои труды на благо Выгореции, им плетутся «венцы бессмертия».

¹⁵ Матасова Т.А. Дыханье северных садов: свидетельства об ароматах как символах преображения пространства в соловецкой средневековой книжности // Вестник университета Дмитрия Пожарского. 2020. № 1. С. 108–135.

¹⁶ Елизарков Н.А. Указ. соч. С. 58.

Рассмотренное послание выговским трудникам, отправленным на морские промыслы, является важнейшим произведением в большом ряду посланий и наставлений, освещавших разные стороны жизни жителей Выгореции и призванных упорядочить и духовно укрепить их, в том числе, хозяйственную деятельность, существовавшую, по мысли автора текста и самих выговских наставников, не ради самой себя и стяжания (как говорится в послании, корысть трудников не в земных благах, а в стяжании сокровища вечного), но для поддержания земных потребностей старообрядческой пустыни. Послание появилось в связи с зарождением и активным развитием морского дела на Выгу, более столетия кормившего обитель. Весьма интересна система образов в послании. Это основной текст, посвященный восприятию моря в корпусе выговских риторических сочинений, показывающий весь драматизм, физическую и духовную тяжесть морских промыслов, которые, вместе с тем, автор текста смог изобразить как христианский подвиг, совершаемый потенциальными мучениками за веру, в любую минуту рискующими стигнуть в море, но вместе с тем и получить вечную память в выговских синодниках. Автором нетривиально и живописно изображена морская стихия, дуализм моря: оно является холодной темной пустыней, грозящей поглотить попавших в нее малодушных людей, но одновременно море может быть цветущим и благоухающим пространством, пахнущим грядущей весной и озаренным светом, символически источаемым самими трудниками на море, их усердием и верой.

References

Bryzgalov V.V., Ovsyannikov O.V., Yasinski M.E. *Evropeyskaya Arktika: morskije zveroboynye promysly Vygovskogo staroobryadcheskogo obshchezhitel'stva v XVIII–XIX vekakh: suda, kormshchiki, rabotnye lyudi (k issledovaniyu pomorskoy ekonomicheskoy struktury)* [European Arctic: Marine Hunting Trades of the Vyg Old Believer Communal Settlement in the 18th and 19th Centuries: Vessels, Helmsmen, and Laborers (Toward a Study of the Pomor Economic Structure)]. Arkhangelsk: Lodiya, 2016. 187 p.

Druzhinin V.G. *Pisaniya russkikh staroobryadtsev* [Writings of Russian Old Believers]. Saint Petersburg: Imperatorskaya Arkheograficheskaya komissiya, 1912. 534 p.

Elizarkov N.A. *Vygovskie starovery, traditsionnoye sudokhodstvo i sudostroenie Belomorsko-Onezhskogo basseyna* [The Vyg Old Believers, Traditional Navigation, and Shipbuilding in the White Sea — Onega Basin] // *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN. Gumanitarnye issledovaniya*. 2020. Issue 18. N 1. P. 55–76.

Esipov G.V. *Raskol'nich'i dela XVIII stoletiya* [Schismatic Affairs of the 18th Century]. Vol. 1. Saint Petersburg: Izdanie D.E. Kozhanchikova, 1861. 654 p.

Filippov I.I. *Istoriya Vygovskoy Staroobryadcheskoy pustyni* [The History of the Vyg Old Believers monastery]. Saint Petersburg: Izdanie D.E. Kozhanchikova, 1862. 480 p.

Khrushkaya L.M. *Iz istorii missionerskoy i promyslovoy deyatel'nosti vygovtsev v Arkhangelogorodskoy gubernii* [From the History of the Missionary and Economic Activities of the Vyg Community in Arkhangelsk Province] // *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'*. Materialy XI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Old Belief: History, Culture, and Modernity. Proceedings of the 11th International Scholarly Conference]. Vol. 1. Moscow: [s. n.], 2014. P. 108–123.

Matasova T.A. *Dykhaniye severnykh sadov: svidetel'stva ob aromatakh kak simvolakh preobrazheniya prostranstva v solovetskoy srednevekovoy knizhnosti* [The Breath of Northern Gardens: Evidence on Aromas as Symbols of the Transformation of Space in Solovki Medieval Book Culture] // *Vestnik universiteta Dmitriya Pozharskogo*. 2020. N 1. P. 108–135.

Yukhimenko E.M. *Literaturnoye nasledie Vygovskogo staroobryadcheskogo obshchegzhitel'stva* [The Literary Heritage of the Vyg Old Believer Communal Settlement]. Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008. 686 p.

Поступила в редакцию
16 сентября 2025 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2025-66-6-13-32

А.В. Бодров

ОБРАЗ М.Н. КАТКОВА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

A.V. Bodrov

M.N. KATKOV'S IMAGE IN THE FRENCH PRESS IN THE LAST THIRD OF THE 19th CENTURY

Аннотация. Изучение восприятия М.Н. Каткова его французскими коллегами-современниками весьма значимо с учетом той большой роли, которую этот публицист сыграл в пропаганде русско-французского сближения в конце 1880-х гг. Каков был образ М.Н. Каткова среди его коллег во Франции и был ли кто-то из них готов признать его франкофилом? Именно на этот вопрос намеревается ответить автор, предпринимая попытку закрыть соответствующий пробел в отечественной и зарубежной историографии. Следует учитывать, что матрица восприятия М.Н. Каткова во Франции была заложена еще в годы Второй империи. Его призывы — в частности, к беспощадному подавлению Польского восстания 1863 г., равно как и к активной политике России на Балканах, — уже к 1870 г. обеспечили ему славу вождя «ультрамосковской партии» и «апостола панславизма». Критический комментарий Каткова к политическим событиям во Франции 1870-х гг., мрачные предсказания недолговечности Третьей республики, рассуждения о «ничтожности» ее власти и утрате ее позиций на

Бодров Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Bodrov Andrei Vladimirovitch, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, School of International Relations, Saint Petersburg State University

bodrovandrew@yandex.ru, a.bodrov@spbu.ru

ORCID: 0000-0001-8118-331X

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-00090 «Образ российского панславизма в Западной Европе в последней трети XIX века»).

This article was prepared with the support of the Russian Science Foundation (project No. 23-28-00090 “The Image of Russian Pan-Slavism in Western European Countries at the End of the 19th Century”).

международной арене также не могли не сказываться на образе Каткова у его французских коллег, стоявших на либеральных и республиканских позициях. Тем не менее для широкого круга французских изданий — от республиканских “*La Nouvelle Revue*” и “*Le Matin*” до бонапартистской “*Le Pays*” и социалистической “*L’Intransigeant*” — антигерманского звучания публицистики «позднего Каткова» оказалось достаточно, чтобы провозгласить его «другом Франции» в логике «враг моего врага — мой друг». Близкие к правительству “*Journal des Debats*”, “*Le Temps*”, “*Republique française*” относились к «франкофильству» Каткова с еще большим скепсисом, нервно реагируя также на поднимавшуюся волну буланжистского движения. Печатный орган республиканцев-радикалов “*La Justice*” и социалистическая пресса относились к Каткову резко негативно, рисуя его портрет только черными красками. Однако уже в 1890-е гг. образ Каткова как «провозвестника» русско-французского союза и «друга Франции» возобладал.

Ключевые слова: Французская Третья республика, французская пресса, восприятие в международных отношениях, российский панславизм, русско-французский союз.

Abstract. The study of how M.N. Katkov was perceived by his French contemporaries is particularly significant in view of the major role this publicist played in promoting Russo-French rapprochement in the late 1880s. What image did Katkov have among his colleagues in France, and were any of them willing to regard him as a Francophile? This is the question addressed in the article, which seeks to fill a corresponding gap in both Russian and international historiography. The article argues that the framework through which Katkov was perceived in France had already taken shape during the Second Empire. His calls for the ruthless suppression of the Polish uprising of 1863 and for a more active Russian policy in the Balkans had, by 1870, earned him a reputation as the leader of the “ultra-Muscovite party” and an “apostle of Pan-Slavism”. His critical commentary on political developments in France in the 1870s, his gloomy predictions regarding the fragility of the Third Republic, and his reflections on the “insignificance” of its authority and the decline of its international standing likewise shaped his image among French liberal and republican journalists. Nevertheless, for a broad range of French newspapers and journals — from the republican *La Nouvelle Revue* and *Le Matin* to the Bonapartist *Le Pays* and the socialist *L’Intransigeant* — the anti-German tone of the later Katkov’s journalism was sufficient to proclaim him a “friend of France”, in accordance with the logic that “the enemy of my enemy is my friend”. Newspapers close to government circles, such as *Journal des Débats*, *Le Temps*, and *République française*, treated Katkov’s alleged Francophilia with still greater scepticism, while also reacting anxiously to the rising tide of Boulangism. The radical republican newspaper *La Justice* and the socialist press viewed Katkov in sharply negative terms, portraying him in an entirely hostile light. Yet by the 1890s, the image of Katkov as a “forerunner” of the Russo-French alliance and a “friend of France” had prevailed.

Keywords: French Third Republic, French press, perception in international relations, Russian Pan-Slavism, Russo-French alliance.

Современная историография русско-французского союза 1893–1894 гг. продолжает обогащаться, выходя за рамки сугубо дипломатических, военных и финансовых аспектов. Отечественные и зарубежные исследователи обратили внимание на усилия различных групп влияния во Франции и России в деле пропаганды русско-французского сближения, воздав должное и их контактам¹. С российской стороны ключевая роль, по общему суждению, принадлежала редактору «Московских ведомостей» М.Н. Каткову и его ближайшему окружению. Пределы реальных возможностей Каткова в воздействии на внешнюю политику России в этом вопросе очерчивают небольшие статьи И.В. Лукоянова и А.Э. Котова², но, как справедливо отмечает Ю.М. Галкина, «образ Каткова как франкофила весьма слабо изучен»³.

Так был ли М.Н. Катков франкофилом и, что не менее важно, воспринимали ли его в качестве такового во Франции? Вопрос не праздный, поскольку от восприятия Каткова в немалой степени зависела плодотворность его публицистической кампании, даже если своим главным читателем он и считал императора Александра III⁴. Для этого необходимо реконструировать образ видного российского публициста, сложившийся у его французских коллег в последней трети XIX в. — эпохи становления русско-французского союза, а также апогея политического влияния публициста.

Французская пресса того времени обеспечивает исследователя достаточной источниковой базой, позволяя собрать не только широкий спектр мнений о Каткове, но и проследить эволюцию его образа. Интерес к нему возрастал с каждым обострением «восточного

¹ См., например: *Hillis F.* The “Franco-Russian Marseillaise”: International Exchange and the Making of Antiliberal Politics in Fin de Siècle France // *The Journal of Modern History*. 2017. Vol. 89. No. 1. P. 39–78; *Hogenhuis-Seliverstov A.* Russophilie et germanophobie en France et en Russie entre 1878 et 1918 // *Deutschland – Frankreich – Russland / Htsq. von I. Mieck u. P. Guillen*. Berlin, 2000. S. 71–86; *Беспалова К.А., Ившин В.С.* Между дипломатией и интригами: неформальные аспекты франко-русских отношений в 1870–1880-х годах // *Научный диалог*. 2023. Т. 12. № 4. С. 381–401.

² *Лукоянов И.В.* М.Н. Катков и внешняя политика Российской империи в царствование Александра III (1880-е годы) // *Тетради по консерватизму*. 2018. № 3. С. 232–244; *Котов А.Э.* Русские консерваторы во второй половине 1880-х гг.: внешнеполитический аспект // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 9. С. 15–20.

³ *Галкина Ю.М.* Франко-русский союз в зеркале историографии: к вопросу о механизмах сближения // *Historia provinciae — журнал региональной истории*. 2023. Т. 7. № 2. С. 611–649;

⁴ *Котов А.Э.* Русские консерваторы... С. 16.

вопроса», с восшествием на престол Александра III, и в особенности после начала летом 1886 г. «Московскими ведомостями» кампании в пользу сближения с Францией. Обусловлено это было широко распространенным представлением о сильном влиянии Каткова на общественное мнение, если не прямо на внешнюю политику Российской империи. Но главным информационным поводом стала смерть публициста 20 июля / 1 августа 1887 г.: не только по количеству откликов, но и по их качеству — попыткам составить цельный портрет скончавшегося коллеги.

В настоящей статье предпочтение было отдано самым влиятельным и читаемым представителям «большой» парижской прессы, отражавшим политический спектр Третьей республики. Прежде всего, это «мейнстримные» печатные органы французских умеренных республиканцев: журнал *“Revue des Deux Mondes”*, газеты *“Journal des Debats”*, *“Le Temps”*, *“Le Matin”* и *“Republique française”* Леона Гамбетты. Именно они чаще всего цитировались Катковым на страницах «Московских ведомостей» как отражение французского общественного мнения и (с конца 1870-х гг.) позиции французского правительства. «Правую» часть спектра вполне репрезентативно представляли журнал Жюльет Адан *“La Nouvelle Revue”* и бонапартистская газета *“Le Pays”*, единые в симпатиях к буланжистскому движению и в открытых призывах к союзу с Россией. Позицию республиканцев-радикалов хорошо отражала газета *“La Justice”* Жоржа Клемансо, отношение социалистов — журнал *“La Revue socialiste”* и газета *“L’Intransigeant”* Анри Рошфора.

Важным дополнительным источником стали передовые статьи «Московских ведомостей»: все они прошли редактуру Каткова, даже если он не всегда был их автором. Они отражают воззрения публициста и позволяют оценить, насколько точны были в их интерпретации его французские коллеги, ставившие между статьями «Московских ведомостей» и Катковым знак равенства. В целом передовицы подтверждают тезис А.Э. Котова о том, что для московского публициста отношение к Франции или Германии было не мировоззренческой константой, а чисто ситуативным, менявшимся в зависимости от политических обстоятельств⁵. Это непостоянство было подмечено еще первыми биографами Каткова из числа его современников — Р. И. Сементковским, С.Г. Щегловитовым, и даже нашло свое отражение в энциклопедическом словаре Брок-

⁵ Котов А.Э. Бюрократический национализм Михаила Каткова // Вопросы национализма. 2014. № 1. С. 179.

гауза и Эфрона⁶. Впрочем, М.Н. Катков не скрывал, что в ремесле журналиста слепая приверженность «доктринам» только вредна⁷.

Уже в 1860-е гг. Катков как минимум три раза менял свою позицию относительно политического сближения с Францией: резко отрицательное отношение после Польского восстания 1863 г. сменилось призывами к сотрудничеству на фоне визита Александра II в Париж в июне 1867 г. и новыми сомнениями в возможности сближения двух стран после покушения А. Березовского на царя. В ходе франко-германской войны 1870–1871 гг. М.Н. Катков не спешил восторгаться успехами германских войск и высмеивал многие тезисы своих германских коллег: от ответственности всей французской нации за «действия и систему Наполеона» до попыток выставить Пруссию «орудием высшей правды, призванным покарать французскую нацию за ее грехи»⁸. Он открыто призывал к дипломатическому вмешательству нейтральной Европы ради скорейшего окончания войны и недопущению чрезмерного ослабления Франции, но эти призывы были скорее окрашены опасениями гегемонии единой Германии в Европе, нежели сентиментальными чувствами по отношению к французам⁹.

Отношение Каткова к провозглашенной во Франции республике на протяжении 1870-х гг. оставалось негативным, в чем он лишь укреплялся благодаря корреспондентам «Московских ведомостей» в Париже И.Ф. Циону и Н.В. Щербаню¹⁰. Катков с самого начала считал «консервативную республику» А. Тьера «утопией» и порождением «самого уродливого и по имени и по форме правительства». В сентябре 1874 г. он допускал, что «расшатанная революцией» Франция может повторить «участь Польши»: «томительной и медленной агонии народа, потерявшего всё, что составляет силу и величие государства»¹¹. Лейтмотивом его передовиц стал тезис

⁶ Неведенский С. [Щегловитов С.Г.] Катков и его время. СПб., 1888; Сементковский Р. И. Михаил Катков. Его жизнь и публицистическая деятельность. СПб., 1892; Катков Михаил Никифорович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIVa. СПб., 1895. С. 733.

⁷ Перевалова Е.В. «Русская Times»: газета «Московские ведомости» под редакцией М.Н. Каткова (1863–1887). М., 2020. С. 180.

⁸ Московские ведомости. 8.01.1871. № 6 // Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. М., 1897. С. 15–16.

⁹ Там же. С. 19.

¹⁰ См. подробнее: Котов А.Э. Публицисты катковского направления против левого радикализма (вторая половина 1880-х гг.) // Философия. Журнал Высшей школы экономики. Т. II. № 2. С. 38–39.

¹¹ Московские ведомости. 25.09.1874. № 240 // Катков М.Н. Указ. соч. С. 607–609.

о непрочности всего и вся во Франции¹². Показательна и первоначальная интерпретация Катковым франко-германской «военной тревоги» весны 1875 г. как тревоги «фальшивой», а поднявшейся газетной шумихи — как попытки Лондона разрушить союзнические отношения России, Германии и Австро-Венгрии¹³. Восточный кризис к осени 1876 г. окончательно ожесточил риторику Каткова, превратив французов в «так называемых друзей», лишь «кокетничавших» с Россией и «заискивавших» ее дружбы¹⁴. Публицист называл Францию «страной отжившей»: «Напрасно было бы опасаться ее в будущем, напрасно было бы и ожидать от нее поддержки. Ей предстоит безвыходный круг бессмысленных переворотов и пустого брожения»¹⁵. Иными словами, вплоть до конца 1870-х гг. «Московские ведомости» были вполне солидарны со многими ключевыми тезисами германских официозных изданий.

Невыдача Парижем царскому правительству народовольца Л.Н. Гартмана в 1880 г. стала для Каткова еще одним свидетельством «бессилия и ничтожества той власти, в руках которой находятся ныне судьбы Франции». «Эта переходная фаза, именуемая Французской республикой, не будет долговременна»,¹⁶ — вновь предрекал московский публицист. «Мы желаем видеть Францию здоровую, крепкую, сильную, и, сочувствуя ей, не можем радоваться ее теперешнему ничтожному правительству», — уверял он год спустя¹⁷. Катков декларировал безразличие к тому, в чьих руках окажется власть во Франции, лишь бы она была «крепкой», но его критика французской политической системы была созвучна с призывами к ревизии Конституции со стороны французских правых и националистов. Не менее примечательно, как мало добрых слов вплоть до середины 1880-х гг. находилось у «Московских ведомостей» о лидерах умеренных республиканцев, не говоря уже о более радикальных деятелях. Это тоже не могло не сказываться на отношении к Каткову французской республиканской прессы.

Стоит учитывать и то, что некоторые ключевые элементы образа Каткова сложились во Франции еще во второй половине 1860-х гг. в царствование Наполеона III. Имя редактору «Московских ведомостей» сделали призывы к российскому правительству решительно

¹² Московские ведомости. 28.01.1875. № 27 // Катков М.Н. Указ. соч. С. 64–65.

¹³ Московские ведомости. 12.05.1875. № 119 // Катков М.Н. Указ. соч. С. 238.

¹⁴ Московские ведомости. 12.10.1876. № 261 // Катков М.Н. Указ. соч. С. 551.

¹⁵ Московские ведомости. 03.12.1876. № 312 // Катков М.Н. Указ. соч. С. 639.

¹⁶ Московские ведомости. 19.03.1880. № 79 // Катков М.Н. Указ. соч. С. 159.

¹⁷ Московские ведомости. 31.07.1881. № 211 // Катков М.Н. Указ. соч. С. 359.

ответить на Польское восстание 1863 г. и, забегая вперед, многие французские публицисты оказались не готовы забыть эти призывы и тридцать лет спустя. Обстоятельный, но нелицеприятный портрет Каткова, набросанный историком Шарлем де Мазадом в статье для “*Revue des Deux Mondes*” в 1866 г., на которую тот даже счел необходимым публично ответить¹⁸, во многих отношениях стал матрицей последующего восприятия нашего героя его французскими коллегами. Призывы к ведению католической службы в Литве на русском языке в конце 1860-х лишь укрепили славу Каткова как представителя «ультра-московской партии»¹⁹. И вот “*Le Temps*” разъясняла своим читателям в 1870 г., что Катков «требуе России для русских», России как «главного начальника всей славянской расы», России со своими специфическими политическими институтами, которые отличались бы от других европейских государств²⁰.

Отторжение вызывал также резкий стиль публицистики консервативного редактора «Московских ведомостей». Этот мотив вышел на первый план в начале 1880-х гг., отразив опасения французов за судьбу реформ царствования Александра II. Часто отмечалось, что Катков «не церемонится с теми, кто имел несчастье ему не понравиться»²¹; осуждение вызывало и то, что «Катков видит повсюду предательство и изменников, которых следует покарать»²². Петербургский корреспондент “*Journal des Debates*” ближайшей аналогией видел печатные листки, публиковавшиеся Комитетом общественного спасения в годы Французской революции конца XVIII в.²³ Для печатного органа республиканцев-радикалов “*Justice*” М.Н. Катков был поэтому прежде всего тем, кто превратил свою газету в «инструмент обличения» и «толкал к самым кровавым репрессиям»²⁴. Французская республиканская пресса опасалась и разжигания ксенофобии в России под влиянием «Московских ведомостей». Анатоль Леруа-Больё в числе прочих подмечал, что Катков во всякой проблеме видел «источник за рубежом». В этом влиятельный французский русист усматривал глубокий парадокс личности публициста: этот «неуступчивый защитник славизма был западным человеком, подлинным европейцем», но при этом вел «борьбу не на жизнь, а на

¹⁸ Перевалова Е.В. Указ. соч. С. 203–204.

¹⁹ *Journal des Debates*. 23.09.1868.

²⁰ Scherer Ed. Les provinces allemandes de la Russie // *Le Temps*. 23.08.1870.

²¹ *Journal des Debates*. 08.07.1881.

²² *Journal des Debates*. 15.04.1881.

²³ *Lettres des provinces russes*, 15 août 1887 // *Journal des Debates*. 24.08.1887.

²⁴ V...itch. Aksakof et le parti panslaviste, 3/15 février 1886 // *La Justice*. 22.02.1886.

смерть с европейскими идеями и влияниями», стремясь, как полагал француз, «в политическом и экономическом плане к изоляции России»²⁵.

При этом даже оппоненты Каткова охотно признавали, что он был наделен всеми необходимыми для своего ремесла дарованиями: чуткостью к запросам публики, огромной работоспособностью и «ловкостью», позволявшей искусно лавировать между Сциллой и Харибдой административных и цензурных ограничений²⁶. На протяжении тридцати лет он являл стране «образец бешеного трудолюбия и гражданской смелости, которую ничто не могло утратить», и для корреспондента “*Journal des Debates*” этого было «более чем достаточно, чтобы славить память о нем»²⁷. “*Le Temps*”, со своей стороны, указывала, что редактор «Московских ведомостей» всегда придерживался в отношении властей «независимых манер» и «тона превосходства»²⁸. При всей своей апологетике самодержавия издания М.Н. Каткова и И.С. Аксакова заслужили уважение многих своих коллег-республиканцев во Франции тем, что не были сервильными официозами. Как подчеркивала “*Le Matin*”, Катков сделал из «Московских ведомостей» «ведущую газету в России» и превратился в «своего рода политического оракула», «патриарха литературы и политики», принимавшего именитых посетителей в своем редакторском кабинете «как боярин»²⁹.

Именно независимость и влияние М.Н. Каткова побуждали французскую прессу с редким единодушием говорить о нем как об удивительном феномене. Для горячей союзницы Каткова во Франции писательницы и владелицы журнала “*La Nouvelle Revue*” Ж. Адан московский публицист был «большим политическим провидцем», «вдохновителем императорской политики», пользующимся «преобладающим влиянием на императора (Александра III. — А.Б.)»³⁰. Эти оценки были близки во Франции и тем, кто Каткову не симпатизировал. “*Le Temps*” называла «Московские ведомости» «бесподобным инструментом угнетения»³¹, но признавала, что печатный орган Каткова оказывал на правительственную политику в России «реальное воздействие»³², пусть и воздействие реакционное. Специ-

²⁵ Leroy-Beaulieu A. Katkoff // *Journal des Debates*. 06.08.1887.

²⁶ *Journal des Debates*. 08.07.1881.

²⁷ *Lettres des provinces russes*, 15 août 1887 // *Journal des Debates*. 24.08.1887.

²⁸ *Lettres de Russie*, 22/3 février 1882 // *Le Temps*. 8.02.1882.

²⁹ Katkoff: Du directeur de la “*Gazette de Moscou*” // *Le Matin*. 2.08.1887.

³⁰ *Lettres sur la politique extérieure* // *La Nouvelle Revue*. 1885. T. 36. P. 425.

³¹ *Le Temps*. 06.08.1883.

³² *Lettres de Russie*. M. Katkof et la réaction, 29 janvier 1884 // *Le Temps*. 6.02.1884.

альный корреспондент парижской газеты, посетивший Москву по случаю коронации Александра III, не жалел громких эпитетов, чтобы описать «экстраординарный авторитет» Каткова: это «своего рода официозный комментатор самодержавия, первосвященник православных теорий; и в стране, в которой общественное мнение ничего не стоит, его мнение является законом»³³.

“La République française” шла еще дальше и полагала, что «простой житель Москвы Михаил Никифорович Катков» был выразителем «настроений и воли нации», «заместителем целого парламента»³⁴. Некролог “Journal des Debates” вторил этой оценке: события Восточного кризиса 1875–1878 гг. убедили Александра II в том, что «московский публицист умеет распознать смутные проявления национального чувства намного лучше, чем его министры и приближенные советники»³⁵. По оценке А. Леруа-Больё, Катков был «самым популярным, самым известным человеком» в Российской империи. Секрет могущества простого журналиста в «абсолютистском государстве, где у прессы нет никаких гарантий существования», он видел в том, что Катков стал голосом «немой нации» и дал самосознание народу, «зачастую не осознающему свои нужды и устремления»: Катков был чуть ли не единственным, «чей голос достигал самых низших слоев общества, вплоть до самой ‘русской России’»³⁶. Ж. Адан тоже видела в Каткове выразителя «гласа народа», способного пробудить и направить эту иррациональную силу³⁷. Редко кто прямо оспаривал этот тезис, подобно петербургскому корреспонденту “Journal des Debates”, доказывавшему, что имя Каткова российскому простолюдину было совершенно не известно, и оно вызывало восхищение или страх только в образованных кругах³⁸.

Петербургский корреспондент “Le Temps” вписывал феномен Каткова в более широкий контекст. Он подмечал, что «общественное мнение в России проявляет подлинно живой интерес только к тем вопросам, свободное обсуждение которых ему запрещено». Увлечение российских газет иностранными событиями объяснялось именно тем, что им приходилось «поневоле молчать о происшествиях в своей стране»; и «только когда они занимаются други-

³³ Après le couronnement (de notre correspondant spécial), 19 juin 1883 // Le Temps. 26.06.1883.

³⁴ Colani T. Katkof // La République française. 3.08.1887.

³⁵ Journal des Debates. 03.08.1887.

³⁶ Leroy-Beaulieu A. Katkoff // Journal des Debates. 06.08.1887.

³⁷ La Nouvelle Revue. 1888. T. 50. P. 907.

³⁸ Journal des Debates. 03.08.1887.

ми странами, они имеют определенную свободу слова и оценок»³⁹. “La République française” напоминала своим читателям о еще одном различии в реалиях Российской империи и Третьей республики. Во Франции, чтобы изменить общественное мнение, нужно было апеллировать к нескольким миллионам читателей, деливших свои симпатии между несколькими сотнями газет. В России же к «правлящему классу, к образованному классу» газета относилась 20–30 тыс. человек, и «каждый из них читал каждую из статей» Каткова: «ни одно из его пылких слов не пропадало зря»⁴⁰. “Le Matin” поддерживала это объяснение и полагала, что общественное мнение в России формировало «куда меньше, чем 25 тыс. человек», что объясняло огромное влияние отдельных публицистов⁴¹. Цифры эти, конечно, были совершенно умозрительны и объяснялись просто: французские журналисты отталкивались от завышенной примерно в два раза оценки тиража «Московских ведомостей» в 25 тыс. экземпляров.

Впрочем, хватало и тех, кто видел разгадку влияния Каткова не в его способности сформировать или выразить настроения общества, а в его близости к трону. Петербургский корреспондент “Journal des Debates” феномен Каткова объяснял тем, что тот «требовал от верховной власти делать то, чего эта верховная власть сама тайне желала»⁴². Один из русских корреспондентов “Le Matin” объяснял привилегию Каткова «говорить почти все, что ему вздумается» его ценностью для «несгибаемого абсолютизма»: «Император его ценит и бережет, как он берег и покойного Ивана Аксакова, поскольку славянофилы-реакционеры подобного толка являются лучшими помощниками правительства в его внутренней политике»⁴³. Этой оценке вторил и собственный корреспондент “Le Temps” в России: «сила Каткова — в его отрицании любого прогресса, который ему кажется уступкой, вырванной в силу слабости правительства»⁴⁴.

Впрочем, французов по понятным причинам особенно интересовал вопрос о способности Каткова влиять на внешнеполитический курс России. Для одних, подобно Ж. Адан, он превратился к середине 1880-х гг. в прямого противника прогерманского курса, отстаиваемого министром иностранных дел Н.К. Гирсом, и в фигуру, едва ли

³⁹ Le Temps. 19.03.1879.

⁴⁰ Colani T. Katkof // La République française. 3.08.1887.

⁴¹ Katkoff: Du directeur de la “Gazette de Moscou” // Le Matin. 2.08.1887.

⁴² Lettres des provinces russes, 15 août 1887 // Journal des Debates. 24.08.1887.

⁴³ Poitique russe // Le Matin. 5.05.1887.

⁴⁴ Lettres de Russie, 3 février 1882 // Le Temps. 8.02.1882.

не равную министру по политическому весу. Более того, “La Nouvelle Revue” последовательно продвигал мысль о том, что именно публицистика Каткова отражает подлинные мысли императора Александра III⁴⁵. «Господин Катков в Москве был министром общественного мнения», и «его статьи в 1886 и 1887 гг. часто были приказами Гирсу...», — вторил анонимный публицист провинциального “Le Messenger du Midi”⁴⁶. “Le Matin” в декабре 1886 г. и вовсе называла Каткова «вице-императором»⁴⁷.

Всё это неизменно опровергалось теми, кто был лучше знаком с российскими реалиями. Так, петербургский корреспондент “Le Temps” называл «совершенно ошибочным» распространенное за рубежом представление о Каткове как о «конфиденте императорских мыслей и советнике императора, к которому тот больше всего прислушивается». Следовало принять во внимание независимый характер и взрывной темперамент Александра III. В том, что касалось внешней политики, весьма проницательно подмечал корреспондент, Катков находился ровно в том же положении, что и остальные журналисты, чиновники МИД и даже сам министр иностранных дел: «никто не может сказать, какое решение царь примет в той или иной ситуации»⁴⁸. Жюль Дитц из “Journal des Debates” соглашался: «сколь бы сильным ни было влияние г-на Каткова, ничто до сего момента не позволяет утверждать, что его исчезновение повлияло или повлияет на внешнюю политику его страны»⁴⁹.

Газеты спорили и о том, следует ли видеть в Каткове олицетворение и движущую силу российского панславизма. Здесь разброс мнений был особенно велик, что отчасти было связано с расплывчатостью самого понятия. Примечательно, что в 1880-е гг. французские публицисты всё чаще отходили от огульного отождествления славянофильства и панславизма с прямой экспансией Российской империи и угрозой французским интересам. «Московские ведомости» и сами подмечали разительные перемены в суждениях того же рупора Л. Гамбетты “Republique Française”, которые «проникнуты ныне живейшей симпатией к славянским племенам и к будущности недавно возникших славянских государств»⁵⁰. Бельгийский

⁴⁵ Lettres sur la politique extérieure // La Nouvelle Revue. 1882. Т. 14. P. 916; Lettres sur la politique extérieure // La Nouvelle Revue. 1885. Т. 36. P. 425.

⁴⁶ Les théories de M. Katkoff // Le Messenger du Midi. 05.08.1887.

⁴⁷ Le danger. Importante déclaration d'un homme politique russe // Le Matin. 26.12.1886.

⁴⁸ Lettres de Russie, 9 février 1887 // Le Temps. 16.02.1887.

⁴⁹ Dietz J. L'Europe en 1887 // Journal des Debates. 01.01.1888.

⁵⁰ Московские ведомости. 31.01.1880. № 31 // Катков М.Н. Указ. соч. С. 63.

ученый и публицист Эмиль Лавелэ в июле 1880 г. и вовсе называл панславизм «мечтой подлинных русских патриотов, подобных Каткову или Аксакову»,⁵¹ и трудно себе представить появление в “*Revue des Deux Mondes*” подобных слов десятилетием ранее. Впрочем, благожелательные к М.Н. Каткову французские публицисты чаще избегали термина «панславизм» из-за устойчивых отрицательных коннотаций.

В 1881 г. корреспондент “*Journal des Debates*” в Петербурге аттестовал Каткова своим читателям как лидера «партии ретроградов и славянофилов»⁵². Но тенденцией было скорее подчеркивать различия между так называемой «национальной партией» Каткова и славянофилами, самым значимым и авторитетным выразителем идей которых в то время признавался И.С. Аксаков. Уже в 1871 г. «Московские ведомости» виделись некоторым коллегам во Франции союзниками славянофильской партии лишь в вопросах внешней политики и по тактическим соображениям. Отмечалось, что Катков всегда опирался на пример Европы, защищая, например, классическое образование, вместо того, чтобы «проповедовать в пользу славянской цивилизации»⁵³. В апреле 1882 г. “*Le Temps*” спешила объявить, что Аксакова и Каткова более не объединяет общность идей: «в славянофильском лагере царит разобщенность, и вожаки партии крайних ретроградов не питают друг к другу добрых чувств»⁵⁴.

Для А. Леруа-Больё Катков был скорее «трибуном», далеким от абстрактных доктрин, который вел кампанию совместно со славянофилами лишь потому, что они вместе шли к одной цели — «величию России путем укрепления в ней самодержавия», росту ее могущества и ее «будущей гегемонии на старом континенте»⁵⁵. В этом смысле для Каткова «истинными славянами были только те, кто принимал русское руководство»⁵⁶. По этой причине “*Le Messager du Midi*” видел в Каткове скорее глашатая «самодержавного и цезаристского панруссизма»⁵⁷, и это также объясняло то, почему симпатии многих французских журналистов оказывались скорее на стороне И.С. Ак-

⁵¹ Laveleye É., *de. L'Angleterre et la Russie en Orient* // *Revue des Deux Mondes*. 1 juillet 1880. P. 435.

⁵² *Journal des Debates*. 15.04.1881.

⁵³ *Journal des Debates*. 13.11.1871.

⁵⁴ *Le Temps*. 01.04.1882.

⁵⁵ Leroy-Beaulieu A. Katkoff // *Journal des Debates*. 06.08.1887.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ Les théories de M. Katkoff // *Le Messager du Midi*. 05.08.1887.

сакова, представавшего искренним, бескорыстным поборником интересов славян, лишенным политического влияния, в отличие от прагматика Каткова⁵⁸. Специальный корреспондент “La Justice” в Петербурге и вовсе относил Каткова, наряду с обер-прокурором Святейшего Синода К.П. Победоносцевым и министром внутренних Д.А. Толстым, к «мнимым» славянофилам, ценившим «в славянофильской идее лишь ее реакционную сторону»: «их система сводится к отрицанию, репрессиям, крайней реакции. Это разновидность нигилизма, который только смотрит не вперед, а назад»⁵⁹.

Иными словами, французская пресса являла разительный контраст по отношению к своим германским коллегам, для которых «панславист» стало собирательным обозначением противников всего немецкого в России, а могущество и сплоченность «вожаков» которых сильно преувеличивалась⁶⁰. Сочувствующие М.Н. Каткову французские публицисты и издания охотно высмеивали страх германских и австрийских политиков и журналистов перед «призраком панславизма» и не жалели сил, чтобы избавить от этого страха своих читателей⁶¹. Корреспонденция одного из русских «друзей» французской “Le Matin” весной 1887 г. показательно называла «вздором» образ Каткова как «апостола панславизма» и «врага западной цивилизации», созданный германской прессой. Ее автор уверял, что Катков всегда ставил превыше всего русские интересы, что «панславистской партии» в полном смысле этого слова в России никогда не существовало, и «никто в России не хотел содействовать развитию этой сколь нереализуемой, столь и вредной для подлинных интересов России доктрины»⁶². “Le Temps” после смерти Каткова соглашалась: «маловероятно, чтобы панславистские мечты посещали этот практичный и серьезный ум»⁶³.

Питал ли Катков симпатии к Франции, свободные от прагматичных расчетов? Современники-французы отвечали на этот вопрос скорее отрицательно. Даже Ж. Адан, целыми страницами сочувственно цитировавшая М.Н. Каткова в своем “La Nouvelle Revue”, периодически упрекала его «во внезапных симпатиях к Германии»

⁵⁸ Après le couronnement (de notre correspondant spécial), 19 juin 1883 // Le Temps. 26.06.1883.

⁵⁹ V...itch. Aksakof et le parti panslaviste, 3/15 février 1886 // La Justice. 22.02.1886.

⁶⁰ См. подробнее: Власов Н.А., Колосков Е.А. Образы российских панславистов в Германской империи 1880-х годов // Научный диалог. 2024. Т. 13. Вып. 6. С. 322-343.

⁶¹ Lettres sur la politique extérieure // La Nouvelle Revue. 1880. Т. 7. P. 202.

⁶² En Russie // Le Matin. 21.03.1887.

⁶³ Le Temps. 03.08.1887.

и «слишком мимолетных возвращениях к Франции»⁶⁴. Катков был расположен к Франции как к «единственной великой державе, которую Германия не смогла дипломатически аннексировать», но французская внутривластная борьба его «удивляла и расстраивала», — признавала писательница⁶⁵. Монархист Жюль Корнели, встречавшийся в Москве с Катковым, вспоминал, что его «русский собрат» в вежливых выражениях давал ему понять, что «Франция кажется ему огромной лечебницей для умалишенных, в коей здравомыслящие люди немногочисленны и бессильны». Корнели вполне допускал, что Катков не питал к Франции добрых чувств, но считал «дружбу» России с ней необходимой «страховкой» от агрессивных поползновений Германии⁶⁶.

«Мейнстримные» республиканские издания подходили к вопросу о «франкофильстве» Каткова с еще большим скепсисом. В лучшем случае это была беззлобная ирония комментария Ж. Дитца на страницах «*Journal des Debates*», восклицавшего в августе 1886 г.: «... если уж и г-н Катков пришел к тому, чтобы выразить симпатии республиканской Франции, этой нечестивице, и заговорить о возможном союзе — пусть и союзе, направленном против Великобритании, — в Москве и впрямь должно было что-то измениться»⁶⁷. Петербургский корреспондент той же газеты соглашался, откликаясь на смерть Каткова: «Я читаю, что он всегда был преданным другом Франции, и все мои воспоминания протестуют»; «этот поборник автократии и теократии едва ли преодолел свое отторжение к идеям, которые наша страна олицетворяет в мире; он никогда не скупился на анафемы по их части»⁶⁸.

А. Леруа-Больё тоже не был готов назвать Каткова франкофилом: «Франция потеряла в этом московском патриоте друга, пусть, по правде, и друга запоздалого, друга, несомненно, небескорыстного <...> Его предпочтения всегда были не в нашу пользу. Его образование было целиком немецким; долгое время он был германофилом, и умри он десятью годами ранее, он вошел бы в историю как друг Германии <...> Он питал недоверие к нам, к нашему духу, нашей нестабильности, нашей способности к пропаганде, к нашим недостаткам и нашим достоинствам. По правде сказать, из двух соперничающих

⁶⁴ *Lettres sur la politique extérieure* // *La Nouvelle Revue*. 1885. Т. 36. Р. 425.

⁶⁵ *Adam J. Lettres sur la politique extérieure*, 11 août 1887 // *La Nouvelle Revue*. 1887. Т. 47. Р. 803–804.

⁶⁶ *Cornély J. Douches* // *Le Matin*. 29.08.1887.

⁶⁷ *Journal des Debates*. 11.08.1886.

⁶⁸ *Lettres des provinces russes*, 15 août 1887 // *Journal des Debates*. 24.08.1887.

между собой Франций <...> одну он находил слишком католической, а вторую слишком демократичной»⁶⁹.

Еще дальше шла “La Justice” Ж. Клемансо, предложившая своим читателям вместо некролога о Каткове отрывки из как раз вышедшей в свет книги франко-русского литератора и публициста М.О. Ашкинази (псевдоним «Мишель Делинь») «Франция перед судом России»⁷⁰. Ее автор при помощи красноречивых цитат из «Московских ведомостей» стремился доказать, что Катков не переставал «настраивать русских против этой ‘неуёмной нации’, которой он предсказывал судьбу Польши», адресуя Франции «еще более яростные филиппики, чем филиппики наемных писак Бисмарка»⁷¹.

В силу всего вышесказанного французы терялись в догадках, что же побудило Каткова превратиться в поборника русско-французского союза. Самое расхожее объяснение давал специальный корреспондент “La République française” в Берлине. Он доказывал, что Катков отдавал предпочтение Германии и оставил мысль о союзе с ней лишь после Берлинского конгресса и Болгарского кризиса середины 1880-х гг., «когда он понял, что Россия стала жертвой двуличия немцев»⁷². Вышедшие вслед за тем первые биографии московского публициста не сильно прояснили ситуацию. Именно за это Альфред Мезьер на страницах “Le Temps”, в частности, критиковал⁷³ выпущенную в 1897 г. французским издательством «Плон» книгу «Михаил Катков и его время» за авторством журналиста и переводчика Григория Левенсона (псевдоним «Григуар Ливоф»)⁷⁴.

Фигура Каткова вызывала полемику даже внутри редакций. На страницах социалистического по своей окраске “L’Intransigeant” Бенуа Малон, основатель журнала “Revue socialiste”, отказывался «славить Каткова как друга французской демократии и образцового журналиста», видя в нем лишь недавнего «фанатичного поборника австро-германо-русского союза» и «неисправимого реакционера», чье влияние на Россию было пагубно. «Он не один из нас», — категорично резюмировал Малон⁷⁵. Редактор же “L’Intransigeant” Анри Рошфор, откликаясь на возмущенное письмо анархиста П.А. Кро-

⁶⁹ Leroy-Beaulieu A. Katkoff // Journal des Debates. 06.08.1887.

⁷⁰ Delines M. La France jugée par la Russie. Paris, 1887.

⁷¹ Delines M. L’Allemagne, jugée par la Russie — Bismarck et Katkoff // La Justice. 07.08.1887.

⁷² Lettres de l’Allemagne, 3 août 1887 // La République française. 6.08.1887.

⁷³ Mézières A. Michel Katkoff // Le Temps. 1.06.1897.

⁷⁴ Liwof G. Michel Katkof et son époque. Paris, 1897. Подробнее о Г. Левенсоне см.: Дубровкин Р. Русский журналист — корреспондент Малларме // Toronto Slavic Quarterly. № 43. Winter 2013. P. 206–223.

⁷⁵ Malon B. M. Katkoff et son oeuvre // L’Intransigeant. 05.08.1887.

поткина по поводу симпатий республиканской Франции к Каткову, разделял это возмущение как «социалист-гуманист и демократ», но отказывался под этим письмом подписаться «как француз». Именно Катков, полагал Рошфор, подталкивал своего самодержца к союзу с Францией: «мы признательны ему уже за то, что он был врагом Бисмарка»⁷⁶. Ж. Адан по той же причине считала, что смерть Каткова стала «невосполнимой потерей» и «личным несчастьем всех французских патриотов»⁷⁷. «Le Matin» вторила той оценке, что хотя Катков и «совсем не любил Париж», он по праву мог считаться «другом Франции» в силу неприятия политики Германии по принципу «враги наших врагов — наши друзья»⁷⁸.

Этот принцип в условиях обострения франко-германских отношений в начале 1887 г. оказался близок широкому кругу французских изданий. Бонапартистская «Le Pays», в частности, гордилась, что именно ее сотрудник, депутат-монархист Люсьен Мильвуа «первым в рядах французской прессы установил связи с г-ном Катковым», и считала своим долгом защищать от нападок германской «рептильной прессы» редактора «Московских ведомостей»⁷⁹. Республиканская «Le Matin» объясняла эти нападки отказом Каткова от «субсидий», предложенных ему «железным канцлером»⁸⁰, и к январю 1893 г. это допущение стало подаваться газетой как истина⁸¹. Сам О. фон Бисмарк, что характерно, параллельно подозревал в «покупке» симпатий Каткова французом⁸². Кампания Каткова против «немецкого засилья» в России трактовалась многими во Франции как попытка «освободить свою страну от того, что он считает унижительной опекой (Германии. — А.Б.)»⁸³. После смерти Каткова экс-профессор богословия Страсбургского университета Тимоте Колани торжественно объявлял на страницах «La République française», что «национальное пробуждение России — факт окончательный, нравится это или нет тем, кто похвалялся, что надел намордник на северного медведя и заставил его плясать под свою дудку», имея в виду, конечно же, Германию⁸⁴.

⁷⁶ Rochefort H. Katkoff et la France // L'Intransigeant. 10.08.1887.

⁷⁷ Adam J. Lettres sur la politique extérieure, 11 août 1887 // La Nouvelle Revue. 1887. T. 47. P. 801–803.

⁷⁸ Katkoff: Du directeur de la «Gazette de Moscou» // Le Matin. 2.08.1887.

⁷⁹ Le Pays. 02.04.1887

⁸⁰ En Russie // Le Matin. 21.03.1887.

⁸¹ Au «Club anglaise» // Le Matin. 26.01.1893.

⁸² Власов Н.А. Михаил Никифорович Катков глазами Отто фон Бисмарка // Клио. 2023. №. 6. С. 85.

⁸³ Mitchell R. En Russie // Le Pays. 02.04.1887

⁸⁴ Colani T. Katkof // La République française. 3.08.1887

Тезис о том, что Катков «любил Францию», получил громкое звучание в августе 1887 г. в связи с попытками ряда групп влияния во Франции превратить похороны российского публициста в демонстрацию русско-французской дружбы. В числе этих усилий была инициатива экс-министра торговли и промышленности Эдуарда Локруа отправить на похороны Каткова депутацию от французских журналистов-республиканцев и возложить венков на могилу усопшего. Локруа, представитель «крайне левых» в Национальном собрании, в своем открытом письме призывал почтить память «этого великого человека, который делал честь европейской прессе, который служил своей стране и который любил Францию»⁸⁵. Общее собрание трех ассоциаций французских журналистов поддержало это предложение, но примечательно снизило панегирический градус, чествуя Каткова как «красу и гордость славянской журналистики, сумевшего соединить пылкую любовь к своей родине с живой симпатией (выделено мной. — А.Б.) к Франции»⁸⁶.

Воинственное выступление на могиле Каткова вождя «Лиги патриотов» Поля Деруледа и открытое письмо с соболезнованиями вдове усопшего от небезызвестного генерала Жоржа Буланже, однако, быстро придало происходящему нежелательную окраску в глазах французских проправительственных изданий. Полемика вокруг российского публициста в немалой степени стала диктоваться логикой внутрисполитической борьбы между сторонниками и противниками буланжистского движения. “Le Temps” отзывалась о похоронах Каткова в августе 1887 г. с показательной озабоченностью и неприятием: «Во всех этих манифестациях <...> есть что-то от любовного недомыслия. Уже было слишком много венков, слишком много речей, слишком много депутатий и, что самое худшее, слишком много энтузиазма по очевидно ошибочному адресу. Только что почивший видный журналист, в этом невозможно больше заблуждаться, меньше всего был галлофилом, за которого его принимали»⁸⁷.

Начало 1890-х гг., однако, принесло смену акцентов во Франции в том, что касалось образа М.Н. Каткова. Его имя часто вспоминалось в контексте всевозможных торжеств, ознаменовавших политическое сближение двух стран, обеспечив ему, в конечном счете, место в своеобразном «пантеоне» героев русско-французского союза. В частности, писатель и дипломат Эжен Мельхиор де Вогюэ на банкете русской прессы в Париже в октябре 1893 г. отдавал дань

⁸⁵ La République française. 3.08.1887.

⁸⁶ La République française. 4.08.1887.

⁸⁷ Lettres sur politique étrangère // Le Temps. 28.08.1887.

памяти «ушедшим» Аксакову, Каткову и прочим, с кем «мы обменивались надеждами, которые тогда считались несбыточными»⁸⁸. Бокал «в память о Каткове, этом великом журналисте, друге Франции» поднимал в ноябре 1893 г. на еще одном торжественном ужине и бывший французский министр иностранных дел Эмиль Флуранс⁸⁹.

Другим поводом для французских журналистов вспоминать о Каткове был выход книг о нем. Критичная рецензия на упоминавшуюся выше книгу Г. Левенсона «Михаил Катков и его время» (1897) в научном и весьма консервативном “*Revue des questions historiques*” хорошо резюмировала двойственность образа Каткова в глазах французов даже после того, как русско-французский союз стал фактом. Главной заслугой Каткова здесь называлось то, что он «дал великому народу более глубокое сознание своей национальности и своего достоинства». Но журнал призывал также не забывать, что покойный «осыпал оскорблениями» не только поляков, но и русских, которые «осмеливались требовать немного терпимости и свободы», возбуждая против них «самые низменные народные чувства» и призывая на их головы «самые незаконные репрессии властей». «Те многочисленные статьи, которые в свои последние годы Катков написал по приказанию свыше в пользу сближения с Францией, либеральные поползновения которой он ненавидел всей душой, представили нам его в искаженном свете», — категорично заявлял рецензент⁹⁰. Если образ Каткова как «друга Франции» и возобладал во французском политическом дискурсе, это не означало исчезновения во французской прессе альтернативных трактовок.

Если суммировать, французская пресса даже «над гробом» М.Н. Каткова была весьма далека от единодушного восхваления усопшего, как это подавалось отдельными русскими газетами, столь же от этого единодушия далекими⁹¹. Антигерманские установки ряда французских изданий — от республиканских “*La Nouvelle Revue*” и “*Le Matin*” до бонапартистской “*Le Pays*” и социалистической “*L’Intransigeant*”, не говоря уже о националистических листках, побуждали их видеть в М.Н. Каткове ценного союзника. Эти издания упрощали его образ, приглушали вопрос о его противоречивом отношении к Франции, сводя всё к его борьбе с немецким «засильем». Логичным образом они были склонны (и прямо заинтересованы) пе-

⁸⁸ Journal des Debates. 27.10.1893.

⁸⁹ Journal des Debates. 02.11.1893.

⁹⁰ Revue des questions historiques. Т. 63. 1897. Р. 649–650.

⁹¹ Котов А.Э. «Зевса в Акрополе слепок»: русская журналистика над могилой М.Н. Каткова // Русско-византийский вестник. 2019. № 1. С. 223–224.

реоценивать степень влияния Каткова на внешнюю политику страны, видя именно в нем того, кто подталкивал Александра III к союзу с Францией. Для них Катков был несомненным «другом» Франции, но преимущественно в логике «враг моего врага — мой друг».

Близкая к правительству пресса — “*Journal des Debats*”, “*Le Temps*”, “*Republique française*”, — напротив, предпочитала играть на контрастах, противопоставляя несомненные достоинства московского публициста столь же весомым основаниям для критики. Даже единодушно признанная «феноменом» фигура Каткова часто лишь оттеняла смущавшие правоверных республиканцев черты самодержавной России: отсутствие представительства, несвободу печати, «польский вопрос» и экспансию под знаменем панславизма. В Каткове видели не франкофила, а скорее прагматика, ратовавшего за «дружбу» с Францией безо всякой симпатии к ней. Более того, немало публицистов бросалось в другую крайность и доказывало, что прежде симпатии Каткова, напротив, «всегда» были на стороне Германии. Идейные установки М.Н. Каткова тем больше сказывались на оценках его личности, чем «левее» во французском политическом спектре стояли его критики. Радикальная “*La Justice*” и социалистическая пресса вообще не находили у Каткова никаких заслуг, рисуя однозначно негативный образ.

В дальнейшем фигура М.Н. Каткова актуализировалась для французской прессы преимущественно в контексте оформления русско-французского соглашения. Несмотря на то что Катков умер в 1887 г., его заслуги как предвестника русско-французского союза не были забыты. Постфактум французским газетам было проще «обнаружить» у Каткова и «живую симпатию» к Франции, именно так, в частности, интерпретируя его позицию в ходе франко-германской войны 1870–1871 гг. Подразумевалось, что само стремление редактора «Московских ведомостей» руководствоваться прежде всего русскими интересами исключало для него солидарность с Германией против Франции. Всё это было весьма вольной интерпретацией. Впрочем, в 1890-е гг. мало кто во Франции возвращался к подлинным цитатам «Московских ведомостей», а образ ее прославленного редактора лишь обрастал легендарными деталями в духе гордо отвергнутых «субсидий» Бисмарка. Можно констатировать быструю «мифологизацию» М.Н. Каткова во Франции, подобно тому, как параллельно его образ в России, по словам А.Э. Котова, всё больше «мумифицировался», превращаясь в «означающее» и символ тех или иных идей⁹².

⁹² Котов А.Э. «Зевса в Акрополе слепок»... С. 241.

References

Bespalova K.A., Ivshin V.S. *Mezhdru diplomatiyey i intrigami: neformal'nye aspekty franko-russkikh otnosheniy v 1870–1880-kh godakh* [Between Diplomacy and Intrigue: Informal Aspects of Franco-Russian Relations in the 1870s–1880s] // *Nauchnyy dialog*. 2023. Vol. 12. N 4. P. 381–401.

Dubrovkin R. *Russkiy zhurnalist — korrespondent Mallarmé* [A Russian Journalist as Mallarmé's Correspondent] // *Toronto Slavic Quarterly*. No. 43. Winter 2013. P. 206–223.

Galkina Yu.M. *Franko-russkiy soyuz v zerkale istoriografii: k voprosu o mekhaniz-makh sblizheniya* [The Franco-Russian Alliance in the Mirror of Historiography: On the Mechanisms of Rapprochement] // *Historia provinciae — zhurnal regional'noy istorii* [Historia provinciae: The Journal of Regional History]. 2023. Vol. 7. N 2. P. 611–649.

Hillis F. The “Franco-Russian Marseillaise”: International Exchange and the Making of Antiliberal Politics in Fin de Siècle France // *The Journal of Modern History*. 2017. Vol. 89. No. 1. P. 39–78.

Hogenhuis-Seliverstoff A. *Russophilie et germanophobie en France et en Russie entre 1878 et 1918* // Deutschland – Frankreich – Rußland / Hrsg. von I. Mieck u. P. Guillen. Berlin; Boston: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2000. P. 71–86.

Kotov A.E. *Byurokraticheskiy natsionalizm Mikhaila Katkova* [Mikhail Katkov's Bureaucratic Nationalism] // *Voprosy natsionalizma*. 2014. N 1. P. 174–186.

Kotov A.E. *Publitsisty katkovskogo napravleniya protiv levogo radikalizma (vtoraya polovina 1880-kh gg.)* [Publicists of the Katkov School against Left-Wing Radicalism, Second Half of the 1880s] // *Filosofiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki*. 2018. Vol. 2. N 2. P. 33–47.

Kotov A.E. *Russkiye konservatory vo vtoroy polovine 1880-kh gg.: vneshne-politicheskiy aspekt* [Russian Conservatives in the Second Half of the 1880s: The Foreign-Policy Aspect] // *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki*. Series “Gumanitarnye nauki”. 2021. N 9. P. 15–20.

Kotov A.E. “Zevsa v Akropole slepok”: *russkaya zhurnalistika nad mogiloy M.N. Katkova* [“A Cast of Zeus on the Acropolis”: Russian Journalism at the Grave of M.N. Katkov] // *Russko-vizantiyskiy vestnik*. 2019. N 1. P. 222–243.

Lukoyanov I.V. *M.N. Katkov i vneshnyaya politika Rossiyskoy imperii v tsarstvovaniye Aleksandra III (1880-e gody)* [M.N. Katkov and the Foreign Policy of the Russian Empire during the Reign of Alexander III, the 1880s] // *Tetradi po konservativizmu*. 2018. N 3. P. 232–244.

Peravalova E.V. “Russkaya Times”: gazeta “Moskovskie vedomosti” pod redatsiyey M.N. Katkova (1863–1887) [“The Russian Times”: The Newspaper *Moskovskie Vedomosti* under the Editorship of M.N. Katkov, 1863–1887]. Moscow: Moskovskiy Politekh, 2020. 408 p.

Vlasov N.A. *Mikhail Nikiforovich Katkov glazami Otto von Bismarka* [Mikhail Nikiforovich Katkov through the Eyes of Otto von Bismarck] // *Klio*. 2023. N 6. P. 83–87.

Vlasov N.A., Koloskov E.A. *Obrazy rossiyskikh panslavistov v Germanskoy imperii 1880-kh godov* [Images of Russian Pan-Slavists in the German Empire in the 1880s] // *Nauchnyy dialog*. 2024. Vol. 13. N 6. P. 322–343.

Поступила в редакцию
12 октября 2025 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2025-66-6-33-43

Юй Цзе

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВА РЕВНИТЕЛЕЙ
РУССКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ
ПО ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Yu Jie

**ACTIVITIES OF THE SOCIETY OF ZEALOTS OF RUSSIAN
HISTORICAL ENLIGHTENMENT TO POPULARIZE FOREIGN
LITERATURE IN THE LATE 19th — EARLY 20th CENTURIES**

Аннотация. В конце XIX в. представители русской аристократии и высшей бюрократии консервативной политической ориентации, которые считали, что курс нового императора Николая II недостаточно соответствует политическим идеалам его отца и поэтому следует популяризировать в обществе смыслы и ценности царствования Александра III, создали для этой цели специальную организацию. Она получила название Общество ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. Главой общества стал граф С.Д. Шереметев, близкий к покойному императору и сохранивший тесные контакты с вдовствующей императрицей Марией Федоровной. Деятельность Общества ревнителей предполагала широкую просветительскую работу на началах, противоположных идеям либерализма и конституционализма, набравшим силу и становившимся все более популярными в обществе. Одним из направлений деятельности Общества ревнителей стало издание специальной литературы, а в рамках этого направления — переводы произведений зарубежных авторов, которые по своему содержанию соответствовали идеологии этой организации, с целью их последующего издания и распространения. В статье рассматривается, как происходило формирование специальной структуры в рамках Общества ревнителей — Переводной комиссии, которая находилась в ведении Издательского отделения организации и кото-

Юй Цзе, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры китайской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
Yu Jie, PhD Candidate in History, Senior Lecturer, Department of Chinese Philology, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University

kaqusha686@yahoo.com

ORCID: 0000-0001-6685-3063

рой вменялись в обязанность подбор таких произведений, организация их перевода и публикации. Приводя комментированное перечисление книг, которые были переведены, автор обращает внимание на то, что эти переводы в основном не были опубликованы, и делает предположение, почему их ожидала именно такая судьба. Вместе с тем отмечаются попытки членов Общества ревнителей исправить подобную ситуацию. Специальное внимание уделяется вопросу финансирования работы переводчиков, которое осуществлялось в том числе самим руководителем Общества ревнителей графом С.Д. Шереметевым. В конце статьи приводится общее заключение об итогах деятельности Переводной комиссии Общества ревнителей, отмечаются бессистемность подбора книг для перевода и их слабое соответствие заявленной цели организации.

Ключевые слова: русский консерватизм конца XIX — начала XX в., император Николай II, граф Сергей Дмитриевич Шереметев, Фрэнсис Марион Крауфорд, Василий Львович Величко.

Abstract. At the end of the 19th century, representatives of the Russian aristocracy and high bureaucracy with a conservative political orientation, believing that the policies of the new Emperor Nicholas II were insufficiently aligned with the political ideals of his father and that the meanings and values of the reign of Alexander III should therefore be promoted, created a special organization for this purpose. It was named the Society of Zealots of Russian Historical Enlightenment in Memory of Emperor Alexander III. The society was headed by Count S.D. Sheremetev, a close associate of the late Emperor and who maintained close ties with the Dowager Empress Maria Feodorovna. The activities of the Society of Zealots, in keeping with its name, envisioned broad educational work based on principles opposed to the ideas of liberalism and constitutionalism, which were gaining strength and becoming increasingly popular in society. One of the areas of the Society's work was the publication of special literature, and within this framework, the translation of works by foreign authors whose content corresponded to the organization's ideology, for the purpose of their subsequent publication and distribution. This article examines the formation of a special structure within the Society of Zealots — the Translation Commission. This structure, under the purview of the organization's Publishing Department, was charged with selecting such works, organizing their translation, and publishing. A list of the books that were translated is provided, along with commentary. It highlights the fact that these translations were largely unpublished, and speculates as to why this fate awaited them. Attempts by members of the Society of Zealots to rectify this situation are also noted. Special attention is given to the funding of the translators' work. It is noted that such funding was provided, in part, by the leader of the Society of Zealots, Count S.D. Sheremetev. The final part of the article contains a general conclusion on the activities of the Translation Commission of the Society of Zealots, noting the haphazard nature of the selection of books for translation and their poor alignment with the organization's stated goals.

Keywords: Russian conservatism in the late 19th and early 20th centuries, Emperor Nicholas II, Count Sergei Dmitrievich Sheremetev, Francis Marion Crawford, Vasilii Lvovich Velichko.

В начале царствования Николая II некоторые консервативно ориентированные представители аристократических кругов и высшей бюрократии, недовольные неопределенностью курса молодого императора, учредили Общество ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III (далее — ОРРИП), призванное пропагандировать политические ценности и идеологию эпохи этого царя путем разного рода просветительских действий, противоположных по своей направленности стремительно набравшим популярность либеральным и конституционалистским настроениям. Деятельность ОРРИП частично рассмотрена в историографии¹. Однако до сих пор вне сферы внимания исследователей остается переводная деятельность этой организации.

Поскольку ОРРИП ставило своей целью широкое просвещение общества в духе поддержания и укрепления консервативно-монархических ценностей, то, естественно, в какой-то момент ему следовало определиться в отношении издаваемых в России переводов зарубежной литературы. В конце XIX в. идейная направленность преимущественной части публиковавшихся в стране переводов была далека от идеалов Общества ревнителей: если говорить о художественной литературе, то преобладало развлекательное чтение, научно-популярные издания, которые выпускались в просветительских целях, также в основном были выдержаны в духе господствовавших в Европе критических и либеральных, словом — модернизационных, ценностей. Поэтому ОРРИП озаботилось тем, чтобы заняться переводом и подготовкой к изданию такой зарубежной литературы, которая соответствовала бы его политической ориентации. С этой целью было решено создать специальную Переводную комиссию, ко-

¹ См., например: Андреев Д.А. Борьба ревнителей: просветительские альтернативы в начале царствования Николая II // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2012. № 1 (44). С. 58–74; Юй Цзе. Коммеморативные практики сборника «Старина и новизна» в конце XIX — начале XX в. // Человеческий капитал. 2022. № 4 (160). С. 34–43; Она же. Коммеморация Александра III и его царствования Обществом ревнителей русского исторического просвещения на рубеже XIX–XX вв. // Клио. 2022. № 2 (182). С. 119–127; Она же. «Народные библиотеки» Общества ревнителей русского исторического просвещения на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2023. № 111. С. 102–116; Она же. Создание Московского отдела Общества ревнителей русского исторического просвещения (по письмам И.Ф. Тютчева к С.Д. Шереметеву) // Вопросы истории. 2023. № 8 (2). С. 40–45; Она же. Мемориализация членов Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III в конце XIX — начале XX века // Клио. 2024. № 5 (209). С. 204–211.

торая действовала бы как структурное подразделение Издательского отделения ОРРИП.

В фонде ОРРИП в Российском государственном историческом архиве имеется документ, датированный 5 января 1898 г. и подписанный председателем Общества ревнителей С.Д. Шереметевым, который можно считать исходным в деле создания Переводной комиссии. В документе указывалось на значительный объем издаваемой литературы «для легкого чтения», которая переводится в целях «пропаганды известного направления», проводимой применительно к «темным массам путем распространения книг определенной окраски». При этом подчеркивалось, что такая пропаганда ведется по «определенной системе», причем «не только в литературе, но и в живописи», но ей не противостоит «достаточный сознательный и сплоченный противовес», которым могло бы стать «распространение сочинений и исследований иного направления». К сожалению, со стороны противоположной, то есть среди «сил положительных», наблюдаются «легкомыслие и разрозненность» при противостоянии деструктивной пропаганде. Поэтому пора поручить организацию переводной деятельности тем, кто смог бы «обогатить нашу литературу привлечением многочисленных и достойных всякого внимания и уважения трудов». Но для этого «дело переводов должно быть правильно организовано», и тогда «можно будет создать противовес наплыву произведений одностороннего, тенденциозного характера или же развращающего умы и сердца читателей». ОРРИП могло бы взяться за организацию переводного дела, и под его началом «Переводная комиссия могла бы зародиться, окрепнуть, войти в жизнь и действовать как один из органов общества при Издательском его отделении». Следует разработать инструкцию и правила для такой комиссии, но прежде необходимо решить вопрос о том, нужна ли эта комиссия в принципе. В случае положительного ответа на данный вопрос Совет ОРРИП должен будет заняться практической реализацией указанного начинания. Документ завершался утверждением, что «группа лиц», которая готова взять на себя заботы по переводу произведений зарубежной литературы правильного содержания, уже существует².

По-видимому, инициатива председателя ОРРИП получила поддержку со стороны руководящего состава общества, так как спустя уже три недели после подготовки Шереметевым изложенного документа, 25 января, на заседании Совета общества были утверж-

² Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 747. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–2 об.

дены «Положения о Переводной комиссии». В соответствии с этим документом, Переводная комиссия должна была входить в состав Издательского отделения, но при этом пользоваться определенной автономией, как и редакция выпускавшегося обществом сборника «Старина и новизна». Комиссию предполагалось формировать из числа членов Совета ОРРИП и Издательского отделения. В «Положениях» прописывалась процедурная сторона работы комиссии. Комиссии вменялось в обязанность определять «сочинения, которые желательно было бы перевести», и представлять предложения на этот счет в Совет общества для утверждения. Комиссии также надлежало вести всю практическую работу по подготовке переводов: выбирать переводчиков, а также лиц из числа членов общества, которым будет поручено контролировать работу переводчиков, редактировать переведенные тексты и готовить их к изданию³.

На том же заседании Совета был утвержден и персональный состав Переводной комиссии. Ее возглавил председатель ОРРИП Шереметев, а в число членов вошли: литератор, управляющий Дворянским и Крестьянским поземельными банками, а также глава канцелярии вдовствующей императрицы Марии Федоровны А.А. Голенищев-Кутузов, филолог, профессор Санкт-Петербургского университета И.В. Помяловский, бывший тверской губернатор П.Д. Ахлестышев, настоятель петербургского Казанского собора, протоиерей Александр (Лебедев) (он отказался по состоянию здоровья, и вскоре скончался)⁴, церковный писатель и библиист А.П. Лопухин, сын Ф.И. Тютчева — сотрудник московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича И.Ф. Тютчев, историк и член Археографической комиссии Н.П. Лихачев, историк А.О. Круглый⁵, редактор-издатель «Санкт-Петербургских ведомостей» Э.Э. Ухтомский⁶.

Принципы выбора зарубежной литературы для перевода и последующего издания были определены Шереметевым в его записке, которую он передал в канцелярию ОРРИП накануне состоявшегося 25 января заседания Совета. В записке отмечалось, что выбор должен осуществляться в соответствии с уставным правилом просветительской деятельности общества — «издавать сочинения и сборники по русской истории и соприкасающимся с ней отделам истории

³ Там же. Л. 5–6 об.

⁴ Там же. Л. 20 об.

⁵ Там же. Д. 41. Л. 4.

⁶ Там же. Д. 40. Л. 21–22.

всеобщей, а также по вопросам церковным, правовым и бытовым». Использование данного правила при выборе зарубежных произведений для перевода означало, что предпочтение следовало отдавать сочинениям, посвященным «вопросам Церкви», а также «нравственности», но при этом избегать популяризации «всяких тенденций инославных». Вместе с тем не следовало ограничиваться переводами исключительно европейских авторов, «сообразуясь с центральным положением России между Европой и Азией». В качестве предпочтительных тематик переводимой литературы назывались сочинения по Византии, а также произведения «народностей славянских». Шереметев обращал внимание и на то, что выбираемые сочинения не должны быть «чересчур специальными»⁷.

Таким образом, из записки председателя четко следовало, что ОРРИП будет переводить и издавать преимущественно именно просветительскую популярную литературу. Что же касалось литературы художественной, то о ней не говорилось ничего конкретного. Возможно, тем самым Шереметев сознательно избегал произведения имен каких-то определенных зарубежных литераторов, вместе с тем не исключая возможности перевода и публикации художественных произведений, которые соответствовали бы идеологии ОРРИП.

Записка Шереметева легла в основу правил, которыми должна была руководствоваться Переводная комиссия при выборе зарубежных изданий для перевода. Эти правила были оглашены на ее первом заседании в начале марта 1898 г. В них было внесено уточнение, что при переводе изданий «религиозно-нравственного содержания» допускаются сокращения «сообразно духу православия», но вместе с тем такие купюры «должны быть сделаны сведущими лицами и опытной и умелой рукой, чтобы не исказить переводимого произведения и не лишить его принадлежащих ему достоинств»⁸. На этом же заседании была предложена для перевода и первая зарубежная книга. Ей стала изданная в 1897 г. в Лондоне «Ранняя история евреев» британского историка и археолога, профессора Оксфордского университета А.Г. Сайса⁹. Работу по подготовке ее перевода решили поручить востоковеду, приват-доценту Санкт-Петербургского университета Б.А. Тураеву и члену Переводной комиссии Лопухину¹⁰.

⁷ Там же. Д. 40. Л. 3а–3а об.

⁸ Там же. Л. 4–4 об.

⁹ Sayce A.H. The Early History of the Hebrews. London, 1897. XV, 492 p.

¹⁰ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 40. Л. 28.

Сложно объяснить, чем был вызван выбор книги Сайса. Этот труд представляет собой сугубо академическое исследование, написанное на стыке археологии, библеистики и эпиграфики, которое в силу своего научного характера вряд ли могло быть полезным с просветительской точки зрения для широкой аудитории, на которую рассчитывало ОРРИП. В фонде общества в РГИА отложился датированный 1900 г. перевод этой книги под названием «Древняя история евреев»¹¹, который в итоге так и не был опубликован.

Более успешной оказалась судьба перевода путевого очерка американского беллетриста Ф.М. Крауфорда, посвященного столице Османской империи эпохи Абдул-Хамида II¹². Этот перевод подготовила жена председателя ОРРИП Е.П. Шереметева и представила его в декабре 1898 г. в Переводную комиссию¹³. Вскоре эта брошюра была напечатана¹⁴.

Очерк Крауфорда был рекомендован к изданию на заседании Переводной комиссии в январе 1899 г. На этом же заседании к печати рекомендовали и только что вышедшее во Франции «Руководство по истории французской литературы» Ф. Брюнетьера¹⁵. По-видимому, выбор сочинения этого автора предопределила в том числе и его глубокая религиозность¹⁶. Оба перевода комиссия сочла «заслуживающими быть изданными», было решено ходатайствовать об их публикации перед Советом ОРРИП¹⁷. Однако труд Брюнетьера так и не был издан. Это тем более странно, что комиссия посчитала гонорар, запрошенный за перевод этой книги, умеренным¹⁸.

Вообще практический результат работы Переводной комиссии оказался фактически нулевым. Переводы делались, но затем так и оставались неизданными. В разное время на рубеже XIX–XX вв. были переведены¹⁹ сочинения философа Э.М. Каро²⁰, историков

¹¹ Там же. Д. 180.

¹² *Crawford F.M.* Constantinople. London, 1895. 79 p.

¹³ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 28. Л. 17.

¹⁴ *Крауфорд Ф.М.* Константинополь / Пер. с англ. Е.П. Шереметевой под ред. проф. И.В. Помяловского. СПб., 1899. 8, 56 с.

¹⁵ *Brunetière F.* Manuel de l'histoire de la littérature française. Paris, 1898. 531 p.

¹⁶ *Луценко В.Е.* Представители французского спиритуализма Фердинанд Брюнетьер, Поль Жанэ и русская религиозная мысль второй половины XIX века // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 2. С. 16–20. — URL: <http://e-koncept.ru/2016/46004.htm> (дата обращения 04.10.2025).

¹⁷ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 40. Л. 35.

¹⁸ Там же. Л. 36.

¹⁹ Там же. Д. 41. Л. 8.

²⁰ *Caro E.M.* La Fin du dix-huitième siècle: etudes et portraits. Vol. 1. Paris, 1880. 354 p.

Э. Лависса²¹ и А. Вандаля²². При этом судьба перевода сочинения Каро неизвестна: его нет в фонде ОРРИП, и он так и не был опубликован на русском языке. Переводы Лависса отложились в фонде общества²³, но также не были изданы. Сочинение Вандаля вышло в России в 1911 г. в издательстве «Сфинкс», но указанные в этой книге переводчик и автор вступительной статьи — востоковед И.Н. Бороздин — никак не были связаны с ОРРИП²⁴, да и само издательство, судя по его продукции, было далеко от идейной направленности Общества ревнителей. По-видимому, этот перевод не имел никакого отношения к ОРРИП. То же самое можно сказать и о переводе другой книги Вандаля, посвященной взаимоотношениям Франции и России до Отечественной войны 1812 г.²⁵, к началу 1900 г. были переведены несколько глав первого тома этой книги²⁶. Однако целиком первый том данной работы (как и вся она полностью) вышел на русском языке только через несколько лет, и его перевод также не имел отношения к ОРРИП²⁷. В 1899 г. был анонсирован перевод сделанного А.А. Валлоном пересказа евангельской истории²⁸, но сведений о том, что он был выполнен, в документах ОРРИП нет.

Причина, по которой ни один из сделанных переводов, за исключением «Константинополя» Крауфорда, не напечатали, по-видимому, была простой: у ОРРИП не хватало средств не только на издательские и типографские расходы, но и на оплату переводчикам. Об этом прямо говорилось в отложившейся в фонде общества записке, датированной 1 мая 1900 г. В ней перечислялись некоторые из

²¹ *Lavisse E.* Le Grand Frédéric avant l'avènement. Paris, 1893. XVIII, 398 p.; *Idem.* La jeunesse du Grand Frédéric. Paris, 1894. 440 p.

²² *Vandal A.* Louis XV et Elisabeth de Russie. Étude sur les relations de la France et de la Russie au dix-huitième siècle. D'après les archives du Ministère des affaires étrangères. Paris, 1882. 470 p.

²³ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 170.

²⁴ *Вандаль А.* Императрица Елизавета и Людовик XV / Пер. с фр. А. Гретман; вступ. ст. И.Н. Бороздина. М., 1911. 369 с. (Историческая библиотека «Сфинкса». Т. 2).

²⁵ *Vandal A.* Napoléon et Alexandre I-er. L'alliance russe sous le Premier Empire. Vol. I. De Tilsit à Erfurt. Paris, 1891. 527 p.

²⁶ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 41. Л. 8.

²⁷ *Вандаль А.* Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время Первой империи. Т. 1. От Тильзита до Эрфурта / Пер. В. Шиловой. СПб.: Знание, 1910. [4], II, XX, 534, [1] с.

²⁸ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 40. Л. 35 об.; *Wallon H.* Vie de Notre Seigneur Jesus-Christ: selon la concordance des quatre Evangelistes: avec une introduction sur l'autorité des Evangiles et sur les derniers systemes qui l'ont attaquer et des notes sur les points les plus debatus de l'histoire. Paris, 1865. 361 p.

указанных выше книг и указывалось на «недостаточность средств для продолжения переводов» из-за имевшихся у ОРРИП «многих других расходов», представлявшихся «более настоятельными»²⁹. К концу 1900 г. ситуация с финансированием переводов не изменилась: в ноябре Переводная комиссия констатировала: «...сумм общества на какой-либо перевод в настоящее время недостаточно... остается только сожалеть, что в среде многочисленного состава общества не нашлось до сих пор желающих прийти на помощь делу, всеми признанному своевременным и полезным»³⁰. Ничего не изменилось и через год: в декабре 1901 г. Переводная комиссия еще раз сообщала о готовности перечисленных переводов, причем к этому времени на русском имелись уже два первых тома «Наполеона и Александра I» Вандаля, и отмечала, что выполнение всех этих переводов оплачено и что «весьма желательно было бы приступить к изданию хотя бы одного из этих переводов как к доказательству жизнеспособности комиссии, не заслуживающей упрека в бездеятельности»³¹.

В сложившейся ситуации Шереметев решил обратиться за помощью к потенциальным меценатам, которые смогли бы оплатить публикацию подготовленных переводов. В апреле 1902 г. он попросил своего товарища по ОРРИП — публициста В.Л. Величко, который недавно стал соредактором «Русского вестника», — напечатать в этом журнале консервативной ориентации перечень имевшихся у Общества ревнителей переводов³². К этому времени к уже названному прибавился перевод исследования историка Генриха Фойгта об святом Адальберте, занимавшем в конце X в. кафедру епископа Пражского³³.

Однако в «Русском вестнике» не удалось обнаружить данный перечень, и, судя по всему, публикация сделанных переводов так и не началась. В январе 1903 г. данная проблема обсуждалась на заседании Издательского отделения. Его участники высказали предложение отдавать переводы в периодические издания либо в издательства, но с маркировкой, что они выполнены по заказу ОРРИП³⁴. Но, похоже, что и такая инициатива ни к чему не привела: по состоянию на март

²⁹ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 41. Л. 17.

³⁰ Там же. Л. 18.

³¹ Там же. Л. 19–20.

³² Там же. Л. 26–27.

³³ Voigt H.G. Adalbert von Prag: Ein Beitrag zur Geschichte der Kirche und des Mönchtums im zehnten Jahrhundert. Berlin, 1898. 369 S.

³⁴ РГИА. Ф. 747. Оп. 1. Д. 29. Л. 17, 22–22 об.

1905 г. (когда в стране была уже совершенно новая политическая реальность) список неопубликованных переводов, выполненных Обществом ревнителей, оставался прежним³⁵. Для периодики переводы были слишком объемными, а для публикации в виде отдельных книг не представляли интереса для потенциальных издателей, если им предстояло их печатать на собственные средства и рассчитывать на благоприятную конъюнктуру продаж. Таким образом, Обществу ревнителей удалось издать лишь единственный перевод — брошюру Крауфорда о Константинополе. Да и то, скорее всего, благодаря небольшому объему данного издания и тому, что его перевела жена председателя ОРРИП.

Вместе с тем следует отметить, что Шереметев аккуратно оплачивал переводчикам их работу, в том числе из собственных средств. В этом смысле показательна история В.П. Кривицкой, которая перевела первый и второй тома «Наполеона и Александра I» Вандаля³⁶. Переводчица крайне нуждалась в средствах и обратилась к Шереметеву с просьбой выплатить часть причитающейся ей суммы за уже сделанный перевод³⁷. Председатель Общества ревнителей установил Кривицкой ежемесячную выплату в размере 50 рублей из собственных средств на три года, пока продолжалась работа над переводом³⁸.

В целом же работу Общества ревнителей по переводу зарубежной литературы можно расценивать как неудавшуюся. Как отмечалось выше, из всех сделанных переводов был опубликован лишь один. Однако, помимо неудачи с изданием переведенных книг, следует назвать и еще один неутешительный результат работы Переводной комиссии: бросается в глаза бессистемность выбранных для издания на русском языке сочинений. Каждая из переведенных книг сама по себе являлась неплохой, в том числе и для просветительской работы в духе идеологии ОРРИП, но при этом далеко не самой актуальной для такой цели. Складывается впечатление, что все они были выбраны случайно, а не в результате кропотливых изысканий. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что переводная работа стала для Общества ревнителей в значительной мере второстепенной, а значит — организованной гораздо хуже, чем другие направления деятельности ОРРИП.

³⁵ Там же. Д. 41. Л. 28.

³⁶ Там же. Л. 27.

³⁷ Там же. Л. 6–7 об.

³⁸ Там же. Л. 10–12.

References

Andreev D.A. *Bor'ba revniteley: prosvetitel'skiye al'ternativy v nachale tsarstvovaniya Nikolaya II* [A Fight of the Zealots: Educational Alternatives in the Early Reign of Nicholas II] // *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Series II. *Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. 2012. N 1 (44). P. 58–74.

Lutsenko V.E. *Predstaviteli frantsuzskogo spiritualizma Ferdinand Bryunet'er, Pol' Zhane i russkaya religioznaya mysl' vtoroy poloviny XIX veka* [Representatives of French Spiritualism Ferdinand Brunetière, Paul Janet and Russian Religious Thought of the Second Half of the 19th Century] // *Nauchno-metodicheskiy elektronny zhurnal "Kontsept"*. 2016. Vol. 2. P. 16–20. — URL: <http://e-koncept.ru/2016/46004.htm>

Yu Jie. *Kommemorativnye praktiki sbornika "Starina i novizna" v kontse XIX — nachale XX v.* [The Commemorative Practices of the *Starina i Novizna* in the Late 19th and Early 20th Centuries] // *Chelovecheskiy kapital*. 2022. N 4 (160). P. 34–43.

Yu Jie. *Kommemoratsiya Aleksandra III i yego tsarstvovaniya Obshchestvom revniteley russkogo istoricheskogo prosveshcheniya na rubezhe XIX–XX vv.* [The Commemoration of Alexander III and His Reign by the Society of Zealots of Russian Historical Enlightenment at the Turn of the 19th and 20th Centuries] // *Klio*. 2022. N 2 (182). P. 119–127.

Yu Jie. *Memorializatsiya chlenov Obshchestva revniteley russkogo istoricheskogo prosveshcheniya v pamyat' imperatora Aleksandra III v kontse XIX — nachale XX veka* [Memorialization of Members of the Society of Zealots of Russian Historical Enlightenment in Memory of Emperor Alexander III at the Late 19th — Early 20th Centuries] // *Klio*. 2024. N 5 (209). P. 204–211.

Yu Jie. "Narodnye biblioteki" *Obshchestva revniteley russkogo istoricheskogo prosveshcheniya na rubezhe XIX–XX vv.* ["People's Libraries" of the Society of Zealots of Russian Historical Enlightenment at the Turn of the 19th and 20th Centuries] // *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Series II. *Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. 2023. N 111. P. 102–116.

Yu Jie. *Sozdanie Moskovskogo otdela Obshchestva revniteley russkogo istoricheskogo prosveshcheniya (po pis'mam I.F. Tyutcheva k S.D. Sheremetevu)* [The Creation of the Moscow Branch of the Society of Zealots of Russian Historical Enlightenment (Based on Letters from I.F. Tyutchev to S.D. Sheremetev)] // *Voprosy istorii*. 2023. N 8 (2). P. 40–45.

Поступила в редакцию
19 октября 2025 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2025-66-6-44-59

М.Г. Загора, О.С. Петрова, А.Ю. Пожарский

**МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
НАЧАЛА 1920-х ГОДОВ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ
В ОТРАЖЕНИИ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫХ
МАТЕРИАЛОВ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОНТРОЛЬНО-
ОПТАЦИОННОЙ КОМИССИИ ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

M.G. Zagora, O.S. Petrova, A.Yu. Porzarskiy

**MIGRATION PROCESSES IN THE EARLY 1920s IN SOVIET
RUSSIA AS REFLECTED IN THE ADMINISTRATIVE RECORDS
OF THE GOVERNMENTAL CONTROL AND OPTATION
COMMISSION OF THE REPUBLIC OF ESTONIA**

Аннотация. Цель настоящей статьи заключается в установлении информативной ценности делопроизводственных материалов Правительственной контрольно-оптационной комиссии Эстонской Республики,

Загора Марина Григорьевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории истории диаспор и миграций исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Zagora Marina Grigorievna, PhD Candidate in History, Research Fellow, Laboratory for the History of Diasporas and Migration, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

zagora.m.g@hist.msu.ru

ORCID: 0009-0002-5841-4700

Петрова Ольга Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Petrova Olga Sergeevna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Source Studies, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

osp-1@yandex.ru

ORCID: 0009-0002-9237-7261

Пожарский Александр Юрьевич, кандидат юридических наук, сотрудник Центра по организации противодействия коррупции ОАО «Российские железные дороги»

Pozharskiy Aleksandr Yurievich, PhD Candidate in Jurisprudence, Staff Member, Centre for Anti-Corruption Coordination, JSC Russian Railways

pozharskiy.alex@yandex.ru

ORCID: 0009-0006-1587-4079

отвечавшей за организацию получения гражданства эстонцами, проживавшими на территории Советской России после распада Российской империи и желавшими вернуться на свою историческую родину, а также организацию их переселения в 1920–1922 гг. Деятельность Правительственной контрольно-оптационной комиссии Эстонской Республики способствовала упорядочиванию миграционного потока, начало которому было положено первыми правовыми документами советской власти, декларировавшими право народов на самоопределение, положениями Тартуского мирного договора между РСФСР и с Эстонией, подписанного в феврале 1920 г., Декларацией о независимости Эстонии и Законом о гражданстве Эстонской Республики 1918 г. На примере изучения этапов сложносоставного процесса эмиграции эстонцев в начале 1920–х гг. показаны возможности делопроизводственных материалов, хранящихся в Национальном архиве Эстонии, большинство которых ранее не были введены в научный оборот, для изучения диаспоральных и миграционных процессов. Систематизация архивных источников по истории эмиграции эстонцев из Советской России делает возможной реконструкцию этапов миграционного процесса начиная с момента подачи заявления о гражданстве и заканчивая переездом в Эстонию в эшелонах Петрозавка. Применение микроисторического подхода дает возможность изучить повседневность и персональную судьбу эстонских оптантов, обретение гражданства которыми было невозможно без возвращения на территорию образованного государства Эстония. Авторы приходят к заключению, что делопроизводственные материалы Правительственной контрольно-оптационной комиссии Эстонской Республики позволяют выделить подготовительный этап, связанный с определением состава потенциальных мигрантов, к которым относились эстонцы, оптировавшие гражданство, и непосредственно этап, связанный с процессом переезда на новое место жительства. Делопроизводство учреждения, отвечавшего за организацию и контроль переселения, помогает исследовать данный миграционный процесс с разных сторон, не ограничиваясь сугубо политологическим или историческим подходом, а рассматривая его в фокусе междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: оптация гражданства, эстонское гражданство, эстонцы в РСФСР, Тартуский мирный договор, возвратная миграция, Национальный архив Эстонии, делопроизводственные материалы, источниковедение миграционных процессов.

Abstract. This article examines the research value of the administrative records of the Governmental Control and Optation Commission of the Republic of Estonia. The Commission was responsible for granting Estonian citizenship to ethnic Estonians who lived in Soviet Russia after the collapse of the Russian Empire and wished to return to their historical homeland. It also organized their

Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ, проект № 23-Ш02-11 «Междисциплинарное изучение современных миграций: новые аналитические подходы».

This work was done with the support of MSU Program of Development, Project No. 23-Sch02-11 “Interdisciplinary Study of Modern Migrations: New Analytical Approaches”.

resettlement to Estonia in 1920–1922. The Commission's work helped regulate the migration flow that emerged in the context of early Soviet legislation on the right of peoples to self-determination, the Treaty of Tartu between the RSFSR and Estonia, signed in February 1920, the Estonian Declaration of Independence, and the 1918 Citizenship Law of the Republic of Estonia. Drawing on the case of Estonian emigration in the early 1920s, the article shows how administrative records preserved in the National Archives of Estonia can be used to study diaspora and migration processes. Most of these materials have not previously been introduced into scholarly circulation. Their identification and systematization make it possible to reconstruct the migration process from the submission of citizenship applications to resettlement in Estonia on *Petroevac* trains. The microhistorical approach adopted in the article makes it possible to explore the everyday lives and individual trajectories of Estonian optants, whose acquisition of citizenship depended on their return to the territory of the newly established Estonian state. The authors argue that the records of the Governmental Control and Optation Commission allow researchers to distinguish two main stages of the process: a preparatory stage, in which potential migrants — Estonians opting for citizenship — were identified, and a subsequent stage involving their actual relocation. The Commission's documentation thus offers a multifaceted perspective on this migration process, moving beyond a narrowly political or historical approach and placing it within a broader interdisciplinary framework.

Keywords: citizenship optation, Estonian citizenship, Estonians in the RSFSR, Treaty of Tartu, return migration, National Archives of Estonia, administrative records, source studies of migration processes.

* * *

Последствием Первой мировой войны и вызванных ею социально-политических катаклизмов стали мощнейшие волны миграций по всему миру. Возвращались домой солдаты, беженцы и военнопленные. Меняли место проживания в поисках лучших и безопасных условий жители прифронтовых зон и пострадавших районов. Многие из бывших подданных распавшихся четырех империй¹ принимали решение о переселении во вновь образованные национальные государства, с которыми у этих людей были этнические, языковые и культурные связи.

Декларация прав народов России от 2/15 ноября 1917 г. провозглашала «Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства»². Образование новых малых государств на западной границе бывшей Российской империи³ требовали контроля и упорядочения процесса

¹ Российская, Германская, Османская, Австро-Венгерская.

² Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 39–41.

³ В исследованиях и историографии также употребляется термин «государства-лимитрофы».

переселения. Имела место и начавшаяся возвратная миграция⁴ населения, рожденного на этих территориях, но в силу эвакуации, переезда до войны или переселения по другой причине, оказавшегося за их пределами. Под понятием «возвратная миграция» в настоящем исследовании понимается разновидность переселения в государство людей, ранее эмигрировавших из него (с его территории), а также потомков этих людей и их родственников, на постоянное место проживания, часто поощряемая этим государством происхождения, на добровольной основе.

В начале 1920-х гг. указанные процессы стали важной частью жизни людей в только что образованных балтийских государствах — Эстонии, Латвии и Литве. Так, известный исследователь прибалтийского населения Сибири, где со времен Российской империи проживало немало выходцев из Остзейского края, Царства Польского / Привислинского края и Великого княжества Финляндского, И.В. Лоткин выделяет период 1920–1923 гг. и происходивший тогда процесс оптации гражданства прибалтийских государств, выезд в связи с этим в Прибалтику, а также реоптацию, как один из основных этапов миграций в истории расселения выходцев из Прибалтики в Сибирь⁵.

Указанные выше обстоятельства привели к формированию определенного, законодательно установленного порядка оптации гражданства в соответствии с нормами международного права и созданию специальных органов управления, отвечавших за организацию миграционного процесса⁶. Оптация гражданства в данной статье рассматривается как процедура выбора гражданства на основе принципа свободного волеизъявления человека, подачи заявления на получение гражданства и подготовки к переезду, осуществлявшийся в результате изменения государственных границ в отведенные временные рамки в соответствии с международными договорами между заинтересованными государствами и внутренним законодательством этих стран⁷.

⁴ Понятие является сложным и может трактоваться исследователями разных научных областей по-разному. Подробнее о возвратной трудовой миграции в современных исследованиях см.: *Соколова А.А. Возвратная трудовая миграция: масштабы, последствия, подходы к регулированию. Дисс...канд. экон. наук. Вологда, 2024.*

⁵ *Лоткин И.В. Социально-политическая, экономическая и культурная адаптация прибалтийских поселенцев в Сибири (1920–1940 гг.). Автореферат дисс. ...доктора ист. наук. Тюмень, 2012.*

⁶ *Щербакова Е.В. Законодательная регламентация оптации гражданства (1920–1922 гг.) // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 1. С. 201–206.*

⁷ См., например: *Борисов А.Б. Большой юридический словарь. М., 2014. С. 474: «Оптация (от лат. opto — выбирать) — один из способов приобретения и прекра-*

Деятельность включенных в этот процесс учреждений породила большой объем делопроизводственной документации, отложившейся в государственных архивных фондах. Делопроизводственные материалы как особый вид письменных исторических источников, возникающий в процессе деятельности аппарата управления и обеспечивающий управленческую деятельность учреждений и организаций, предоставляет для исследователя неограниченные возможности изучения массовых исторических явлений и процессов, включая, разумеется, миграции.

Выбор в качестве объекта изучения миграционных процессов, связанных с оптацией эстонского гражданства, обусловлен тем, что именно Эстонская Республика⁸ была первой страной, с которой Советская Россия заключила мирный договор. В течение 1920 г. подобные договоры были подписаны также с новыми государствами-соседями — Литвой, Латвией и Финляндией⁹. Однако именно договор с Эстонией положил начало регламентации оптационной кампании¹⁰ и связанной с ней возвратной миграции¹¹. Кроме того, подчеркивая научную актуальность данного исследования, следует отметить, что в современной российской историографии деятельность оптационных органов Эстонии изучена несколько меньше в сравнении с аналогичными латвийскими¹². Следует отдельно оговорить, что оптация российского гражданства жителями Эстонии в начале 1920-х гг. —

жения гражданства, заключающийся в выборе гражданства при изменении государственной принадлежности территории. Лица, проживающие на территории, переходящей от одного государства к другому, получают право О. в порядке и в сроки, определяемые договором между соответствующими государствами или установленные государством в одностороннем порядке».

⁸ Декларация независимости была принята 24 февраля 1918 г.

⁹ Полян П.М. Оптации: с кем и когда в XX веке Россия обменивалась населением // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. М., 2005. С. 536–544.

¹⁰ Условие оптации содержалось в договоре от 7 мая 1920 г. между РСФСР и Грузинской Демократической Республикой (1918–1921).

¹¹ См., например: Лоткин И.В. Оптационная кампания и эвакуация граждан прибалтийских государств на историческую родину в начале 1920-х годов // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. 2005. № 6. С. 28–32; Трушкова И.Ю. Политика оптации в отношениях России и балтийских государств в 1920-е гг. // Вестник Вятского государственного университета: научный журнал. 2016. № 10. С. 51–58.

¹² См. подробнее: Михайлова Ю.Л. Советско-латвийский договор 11 августа 1920 г.: законодательное регулирование и практика обмена беженцами и оптацией // Петербургский исторический журнал. 2021. №4 (32). С. 227–264; Михайлова Ю.Л. Мирные переговоры между Россией и Латвией в 1920 г.: предпосылки, ключевые противоречия, итоги // Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2022. № 14(3). С. 278–264.

тема отдельного исследования и в настоящей статье она не анализируется.

Мирный договор РСФСР с Эстонской Республикой был подписан 2 февраля 1920 г. в городе Юрьев (Тарту). IV статья договора гласила: «В течение одного года со дня ратификации сего трактата лица не эстонского происхождения, проживающие на территории Эстонии и достигшие восемнадцати лет, вправе оптировать гражданство Российское, причем гражданству мужа следуют дети менее восемнадцати лет и жена, буде между супругами не последует соглашения по сему предмету. Оптировавшие Российское гражданство обязаны в течение одного года, со дня оптации, оставить пределы Эстонии, но сохраняют права на недвижимые имущества и вправе брать с собой свое движимое имущество. *Равным образом проживающие на территории России лица эстонского происхождения в течение того же срока и на тех самых условиях могут оптировать эстонское гражданство.* Правительство той и другой стороны вправе отказать в принятии в свое гражданство. Примечание. В случае возникновения сомнения *под лицами эстонского происхождения понимаются лица, которые сами либо их родители были приписаны к общинам или сословным учреждениям на территории, ныне составляющей Эстонию* (курсив наш. — Авт.)»¹³. Таким образом, бывшие подданные Российской империи, которые сами, или их родители, проживали или были зарегистрированы на эстонских территориях, были признаны Эстонской Республикой имеющими право получить ее гражданство.

Необходимость введения такого положения в статью мирного договора была продиктована тем, что на момент принятия в Эстонии закона «О гражданстве Эстонской демократической республики» 26 ноября 1918 г. права гражданства не распространялись автоматически на лиц, которые находились за пределами Эстонии, т.е. оставались на территориях РСФСР. Им для получения подтверждения гражданства или разрешения на переселение в Эстонию и/или возвращение в Эстонию необходимо было отдельно ходатайствовать через иностранные представительства Эстонии. Кроме того, фиксировался срок, в который возможно было подать заявление на оптацию гражданства со всеми сопутствующими документами — с 14 февраля 1920 г. по 14 февраля 1921 г. Еще один год давался на выезд из одного государства в другое. Этими положениями и обусловлен выбор хронологических рамок настоящей статьи.

¹³ Мирный договор между Россией и Эстонией (2 февр. 1920 г.) // Документы внешней политики СССР. Т. 2. М., 1958. С. 342.

Людей, которые, несмотря на бюрократические трудности, потенциально могли бы воспользоваться такой возможностью, было немало. Так, «число выходцев с территорий Эстонии, которые по окончании “освободительной войны”¹⁴ находились за пределами территории Эстонской Республики, можно оценить примерно в 230 000–240 000 человек. Это было довольно впечатляющее число, учитывая население молодой страны, насчитывающее чуть более миллиона человек»¹⁵. В Сибири же в результате оптационной кампании, например, «уже к концу 1920-х годов ни литовцы, ни латыши, ни эстонцы в районах своего компактного проживания в среднем не составляли и 50% от общей численности населения»¹⁶.

Следует отдельно отметить, — учитывая сложный характер международных отношений военных и послевоенных лет, незначительный опыт законотворческой деятельности только что созданного Эстонского государства и его соседей, а также разночтения в юридических документах, регламентирующих получение гражданства, — что организация миграционного процесса была сложным делом на всех ее этапах.

Организация миграционного потока из РСФСР в Эстонскую Республику была возложена на созданную Правительственную контрольно-оптационную комиссию (далее — КОК). В ее обязанности входила отправка бывших военнопленных, беженцев, оптантов и их имущества в соответствии с положениями, содержащимися в Тартуском мирном договоре. Весной 1920 г. из Эстонии в Москву прибыла делегация в составе около 200 человек, и 12 мая 1920 г. ее представитель Ю. Картау сообщил в Наркоминдел РСФСР, что комиссия приступила к работе. В мае 1920 г. отдел КОК открылся в Петрограде, а в октябре 1920 г. — в Омске¹⁷.

Роль Правительственной контрольно-оптационной комиссии в организации переезда и/или возвращения в Эстонию этнических

¹⁴ Военные действия 1918–1920 гг. на территории Эстонии и Латвии между Красной Армией и эстонскими вооруженными силами, включая союзные им подразделения. См. подробнее: Бои в Прибалтике. 1919 год / Пер. с нем., комм. и науч. ред. Л.В. Ланника. М., 2017.

¹⁵ *Rohtmets-Aasa H. Eesti Vabariigi sisserändepoliitika aastatel 1920–1923. Tartu, 2014. P. 7.*

¹⁶ *Лоткин И.В. Социально-политическая, экономическая и культурная адаптация прибалтийских поселенцев в Сибири (1920–1940 гг.). Автореферат дисс. ... доктора ист. наук. Тюмень, 2012.*

¹⁷ Похожие службы были за Уралом (относительно Петрограда) у Латвии и Литвы. См., например: *Пригаравичюте С. Консульская служба Литвы в Дальневосточной республике в 1920–1922 годах // Россия и Балтия. Вып 8: Новый мир на развалинах империи. М., 2017. С. 94–107.*

эстонцев и лиц других национальностей — выходцев из Эстонии, оказавшихся вне территории образованной Эстонской Республики в качестве добровольных переселенцев в период существования и в границах бывшей Российской империи, а также людей, оказавшихся на территории России в ходе военных действий в период Первой мировой войны, а затем и Гражданской войны, была чрезвычайно значимой. Необходимо отметить и тот факт, что, хотя дипломатические отношения между Эстонией и Советской Россией были установлены еще в феврале 1920 г. после заключения Тартуского мирного договора, до официального признания западными странами Эстонской Республики в 1921 г. именно КОК выполняла функции посольства Эстонии в РСФСР.

Учитывая объем работы в каждом конкретном случае оптации эстонского гражданства индивидуально или в составе семьи, логично предположить, что огромное количество делопроизводственных документов остаются неопубликованными и находятся в архивах. В российских архивах, в частности, в Центральном Государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) и в белорусских архивах, например, в Государственном архиве Витебской области¹⁸, такие оптационные дела «рассыпаны» по различным фондам. Однако в Национальном архиве Эстонии эти дела отложились в большом объеме в одном хранилище. Подобное обстоятельство, несомненно, представляет собой удобство для работы исследователя.

В структуре Национального архива Эстонии находится коллекция оцифрованных архивных документов (SAAGA)¹⁹. Первоначальной целью SAAGA было обеспечение доступа к наиболее важным генеалогическим материалам. С 2008 г. SAAGA объединила все архивные материалы, оцифрованные в Национальном архиве Эстонии независимо от их тематики и потенциальной целевой группы. Обратимся к логике их систематизации и хранения. Архивные списки начинаются с трехбуквенного сокращения названия архива, при этом каждый компонент разделен точкой, начиная с номера фонда, например, ERA.28.2.144, где ERA — Национальный архив в Таллинне.

Для решения задач настоящего исследования проанализируем раздел SAAGA «Документы правительственных учреждений Эстонии». В данном разделе хранятся оцифрованные материалы Прави-

¹⁸ См. подробнее раздел «Получение эстонцами-переселенцами гражданства Эстонии путем оптации» во второй главе работы С.А. Тамби: *Тамби С.А. Эстонцы в Беларуси*. СПб., 2021.

¹⁹ SAAGA. — URL: <https://www.ra.ee/dgs/explorer.php> (дата обращения 27.08.2025).

тельствственной контрольно-оптационной комиссии за 1920–1927 гг. По указанным крайним датам раздела можно сделать вывод, что разнообразная делопроизводственная работа не была завершена в 1922 г., а продолжалась еще как минимум 5 лет. Документация Петроградского отдела расположена в фонде ERA.28, Московский отдел КОК — в фонде ERA.36 и Сибирский отдел КОК — в фонде ERA.33. Рассмотрим, как происходило оформление гражданства Эстонии и организация миграционного процесса оптантов на примере документации Петроградского отдела КОК.

Лицам, желавшим переехать и/или вернуться в Эстонию, нужно было подать заявление по установленной форме. На каждого оптирующего гражданство в КОК заводилось дело. В фонде Петроградского отдела КОК (ERA 28.2) содержится более 20 тыс. личных дел оптантов. В архиве они сгруппированы по алфавиту. Каждое дело содержит два обязательных документа.

Во-первых, это заявление о признании гражданином Эстонии. Заявления представляли собой бланки, напечатанные типографским способом на эстонском или русском языках. В некоторых случаях заявления были полностью рукописные. Следовательно, можно предположить, что бланков было напечатано меньше, чем желавших оптировать гражданство. Текст заявления гласил: «Прошу признать меня на основании IV статьи мирного договора между Россией и Эстонией гражданином Эстонии и выдать мне соответствующий паспорт». Заявитель на этом бланке вписывал свои фамилию, имя, место жительства и почтовый адрес и возраст. Помимо этого, он указывал, к какой волости/городу/общине на территории «ныне составляющей Эстонию» приписан он сам или его родители. Это, как было отмечено выше, являлось важным условием оптации, согласно тексту Тартуского договора. Необходимо было представить доказательства данного факта («в доказательство чего прилагаю следующие документы/копии документов»). Заявителю, вместе с тем, предлагалось сообщить информацию о составе семьи, указать возраст членов семьи, их местожительство, а также назвать свою профессию и источник дохода семьи. На каждом заявлении стоят отметки о регистрации и множество пометок, свидетельствующих о многократном обращении к ним со стороны сотрудников КОК.

Вторым обязательным документом в деле был «Опросный лист». Документ представлял собой анкету, напечатанную типографским способом сразу на двух языках. Иногда встречаются анкеты, напечатанные на пишущей машинке. В этом случае использовался один язык — преимущественно русский. Анкета содержала 17 вопросов.

В правой части листа заявитель вписывал свои ответы. Оптирующий гражданство потенциальный эмигрант должен был назвать свое гражданское состояние и указать поименно состав семьи, дату рождения, место рождения и место прописки. Кроме того, необходимо было сообщить о месте рождения родителей и о том, когда семья переселилась в Россию, где проживала, а также имена и адреса местожительства в Эстонии ближайших родственников. Если оптировали гражданство вдовы или женщины самостоятельно, то они обязаны были вписать в анкету свою девичью фамилию.

Далее в анкете следовали вопросы об образовании, роде занятий и об источнике дохода лица, оптирующего гражданство. Помимо этого нужно было ответить на вопрос, где семья планирует поселиться в Эстонии, имеется ли у семьи недвижимое имущество, торгово-промышленные предприятия, с уточнением, были ли они национализированы. Заявителю нужно было указать свое отношение к воинской службе и ответить на вопрос о том, кто может поручиться («рекомендовать») за семью в Эстонии или Петрограде и Москве. В конце анкеты оптирующий гражданство должен был указать документы, доказывающие эстонское происхождение.

В делах в обязательном порядке хранились копии сопутствующих документов, подтверждавших сведения, указанные в заявлениях и опросных листах. К ним относились рукописные копии паспортных книжек, содержащих, в частности, сведения о том, когда и откуда эстонцы прибыли в Россию, удостоверений личности, выписок из метрических книг, свидетельств о рождении и крещении, трудовых книжек, квитанции об оплате волостных сборов, выписки из «солдатской книжки старой армии» и рукописные записки оптантов, поясняющие их намерения и уточняющие ответы анкеты. В архивном фонде сохранились и материалы переписки оптантов с различными ведомствами по вопросам получения гражданства. Таким образом, опросные листы (анкеты) и подтверждающие право на оптацию документы не только дают возможность изучить социальный состав и выявить основные демографические характеристики потенциальных участников миграционного процесса, но и ответить на целый ряд вопросов о логистике переселения, а также локализовать на карте основные маршруты возможных миграционных потоков.

Вызывают особый исследовательский интерес документы Петроградского отдела КОК, отложившиеся в фонде ERA.28 и раскрывающие последующие этапы процедуры оптации и подготовки к переселению. После получения заявлений об оптации эстонского

гражданства Петроградский отдел КОК на своих заседаниях рассматривал заявления и подтверждающие документы оптантов и принимал по ним решения. Результаты этих заседаний оформлялись в виде протоколов, представляющих сводные таблицы с указанием одного из трех вариантов. Так, напротив фамилии оптанта ставилась резолюция: «принято», «на рассмотрении» или «отклонено». Протоколы велись до конца 1922 г., что позволяет скорректировать хронологические рамки как процедуры оптации, так и миграционного процесса, регламентированного правительственными учреждениями Эстонии.

В рассматриваемом архивном фонде 28 сохранились отдельные списки «нежелательных заявителей» и тех, кому было отказано в получении эстонского гражданства с указанием причин отрицательного решения по каждому такому случаю²⁰. Чаще всего причиной отказа или отложения решения об оптации была политическая деятельность или партийная принадлежность заявителя.

Делопроизводственные материалы данного фонда представлены и такими традиционными разновидностями документов, как «Отчеты об оптации» и «Статистические данные об итогах оптации» за 1922 г., а также деловой перепиской с советскими и эстонскими учреждениями и ведомствами, вовлеченными в процесс подготовки массового переселения эстонцев из РСФСР на свою историческую родину.

Следует отметить, что решения о том, кому выдавать разрешения на въезд из тех, кто находился за границей молодого Эстонского государства, принимались в Министерстве внутренних дел Эстонии, куда направлялись ходатайства лиц, желающих вернуться. Причина этого была проста — в сферу управления Министерства внутренних дел входили как органы охраны порядка, так и органы самоуправления, при посредничестве которых можно было собирать необходимые справочные данные о лицах, желавших вернуться в Эстонию. Запросы, сделанные Министерством в бывшие по месту жительства собственные правительственные и полицейские учреждения, о лицах, пожелавших мигрировать, предоставили местным учреждениям важную роль в процессе выдачи разрешений на миграцию.

В дополнение к данным о том, был ли заявитель внесен в регистр резидентов Эстонской Республики, проживал ли там ранее, и объяс-

²⁰ Архивные дела, связанные с отказом в предоставлении гражданства, заслуживают отдельного исследовательского внимания. Так, например, С.А. Тамби называет целую группу эстонских оптантов Витебщины, которым было отказано «ввиду неполного комплекта присланных документов» (см.: Тамби С.А. Указ. соч. С. 71).

нениям, когда и почему он покинул Эстонию, местные власти представили Министерству свою позицию относительно того, следует ли ходатайствующему предоставить эстонское гражданство и разрешение на въезд. Это означает, что в Министерстве внутренних дел за основу для принятия решений была взята собранная в волостях и городах информация о политических настроениях заявителя, его прошлой деятельности, знании языка, имущественном положении и т. д., которая должна была помочь удостовериться в лояльности и связи эмигранта с его бывшей родиной.

Этот этап работы КОК довольно полно раскрывается в делах, содержащих «Удостоверения о гражданстве», которые были выданы за период с 9 мая 1920 г. по 11 октября 1922 г. Документы сброшюрованы в книги по 100 документов в каждой. Они представляют собой бланки, напечатанные типографским способом и заполненные уполномоченным лицом. Лист бланка разделен пополам. На левой стороне листа наклеена фотография оптанта. Отметим, что фотографии есть далеко не на всех удостоверениях. С правой стороны документа — в «шапке» — содержится указание на учреждение, выдавшее документ: Министерство иностранных дел Эстонской Республики, КОК, Петроградский отдел, а также выходные данные: дата и регистрационный номер. Все удостоверения напечатаны на эстонском языке. Поиски в российских архивах позволили найти дубликаты удостоверений, переведенные на русский язык, тоже напечатанные и заполненные. Оригинал, хранящийся в ERA, не имеет печати КОК. Можно предположить, что это — делопроизводственный документ, предназначенный для хранения в выдавшей его организации (например, Петроградский отдел КОК), а переведенный документ — заверен печатью.

В Удостоверение вписывались фамилия, имя и отчество оптанта, адрес его местожительства, возраст, перечислялись члены семьи (имена и возраст) и далее говорилось: «признан гражданином Эстонской Республики на основании ст. IV мирного договора между Эстонией и Россией, и пользуется всеми правами, предусмотренными означенным договором. Удостоверение служит пропуском для въезда в пределы Эстонской Республики». Над фотографией в большинстве случаев есть рукописная запись «Удостоверение получено», указано число, проставлена подпись оптанта. В удостоверениях, в которых нет фотографии, как правило, нет и отметки о вручении. Следовательно, можно предположить, что фотография клеивалась при получении удостоверения. Сравнивая даты регистрации гражданства и даты получения документа заинтересованным лицом, можно ска-

зять, что оптанты забирали свои удостоверения спустя несколько месяцев, вплоть до полугода после подачи заявления. Учитывая обозначенные в документах сроки оптации гражданства и дальнейшего обязательного переезда в Эстонию эстонских семей, которые традиционно были многодетными, можно с уверенностью говорить о том, насколько трудным был процесс организации самого переезда.

В этом же фонде 28 хранится и картотека, насчитывающая более 23 000 карточек, на каждой обозначено имя оптировавшего гражданство (сохранились карточки с буквы А по букву О), номер заявления и номер выданного удостоверения о гражданстве. Если предположить, что это лишь половина картотеки и что карточки выписывались только на главу семьи, то число оптировавших гражданство и намеревавшихся эмигрировать в Эстонию возрастает в разы.

Обратимся к анализу имущественных вопросов оптации. Согласно Тартускому договору, оптировавшие гражданство эстонцы после переезда в Эстонию сохраняли права на свое движимое и недвижимое имущество. Делопроизводственные материалы архивного фонда содержат особую разновидность документации, позволяющей оценить «активы» оптантов. В делах фонда по алфавиту собраны преимущественно рукописные описи того, что оптант имел и что планировал забрать с собой на новое место жительства. Документы имели заголовок: «Опись имущества эстонского гражданина (фамилия, имя, отчество) с семьей, состоящей из (указано число) лиц, далее все члены семьи перечислены с указанием родственных связей и возраста, места жительства в России, «подлежащего на основании ст. IV Мирного договора между Россией и Эстонией и Временных правил, утвержденных 12 июля 1920 года, к вывозу в Эстонию». Согласно этим правилам, общий вес багажа (без ручной клади) не должен превышать 10 пудов на каждого члена семьи. Для вывоза имущества необходимо было предъявлять свидетельства о принадлежности имущества, а именно — данные описи. Они содержат полный перечень вещей, включая мебель, посуду, одежду, инструменты, украшения, игрушки и пр.

Недвижимое имущество также могло указываться в документе. Описи были заверены печатью местных советских органов власти, например, домовым комитетом бедноты или сельсоветом, и следующими удостоверяющими подписями: «В том, что настоящая опись составлена действительно согласно наличности имущества...» или «Вышеуказанные вещи действительно принадлежат...». Данные виды документации представляют широкие возможности как для характеристики имущественного положения выезжающих семей,

так и для оценки их возможностей в плане осуществления железнодорожных грузоперевозок.

Не все описанное имущество допускалось к вывозу из РСФСР. Временные правила ограничивали вывоз техники и инструментов, запрещалось брать с собой оружие, предметы военного снаряжения, драгоценные металлы и изделия, музыкальные инструменты. В архивном фонде сохранились дела об «утраченных активах оптантов». В них содержатся как ходатайства о возвращении активов, так и квитанции таможенных органов о задержании «нескрытых предметов, запрещенных к вывозу из РСФСР».

Приведем несколько примеров такого «утраченного в процессе переселения имущества»: сепаратор, барометр, хомуты, вожжи, седло, телеги, мандолина, скрипка в футляре и т.п. Могли задерживать на границе и другие предметы, относящиеся к имуществу эстонцев, в случае, если они не были указаны в описи или превышали нормы багажа. Так, были задержаны по этой причине у оптантов «швейная машина с колпаком», «пальто дамское осеннее», «подушка с наволочкой», «сушеные яблоки одна жестянка», «сахару одна банка» и т.п. Изучение таможенных квитанций позволяет не просто узнать детали процесса, рутину переселения, но и почувствовать миграцию изнутри, во всем трагизме повседневной реальности, когда тысячи людей, бросив свои дома и хозяйства, перемещались на давно покинутую историческую родину и в процессе этого переселения на таможенных пунктах подвергались мелочному досмотру, лишались тех вещей, которые не могли представлять ценность для советского государства, но тем не менее, изымались.

О том, как был организован процесс переселения, также можно узнать из других документов, сохранившихся в архиве. К их числу относятся материалы деловой переписки КОК об эшелонах, следующих в Эстонию, и по вопросам организации перевозки, копии удостоверений и разрешений по вопросам, связанным с назначением добровольцев на эшелоны, списки оптантов для отправки эшелонами в Эстонию. Изучение данной разновидности документации раскрывает персональный состав эмигрантов, получивших возможность уехать, маршруты и хронологию миграционного потока.

Делопроизводственные материалы, связанные с оптацией эстонского гражданства, отложившиеся в государственных архивах Эстонии, России, Беларуси хранят память о сложном и отчасти трагическом процессе перемещения нескольких десятков тысяч человек в начале 1920-х гг. из Советской России в Эстонию. Информационный потенциал этих документов трудно переоценить. Введение

данных источников в научный оборот, разработка методов анализа позволят в дальнейшем решать целый ряд вопросов по истории этого миграционного процесса, составе мигрантов, их персональной и коллективной судьбе. Для этого в будущем необходимо создать базу данных, в основе которой может быть формуляр опросного листа, дополненный информационными полями, содержащими сведения о реализации намерений о переселении. Это представляется возможным на основе использования различных документов, отложившихся в фондах ERA. Изучение делопроизводственных материалов Правительственной контрольно-оптационной комиссии Эстонской Республики делает возможным выделить подготовительный этап, связанный с определением состава потенциальных мигрантов, к которым относились эстонцы, оптировавшие гражданство, и непосредственно этап, связанный с процессом переезда на новое место жительства. Изучение материалов, представленных в личных делах оптантов, помогает составить коллективный портрет эстонцев, желавших и готовых вернуться на историческую родину и, тем самым, вовлеченных в реконструируемый процесс оптации гражданства как часть сложного миграционного процесса.

References

Grigaravichyute S. *Konsul'skaya sluzhba Litvy v Dal'nevostochnoy respublike v 1920–1922 godakh* [The Lithuanian Consular Service in the Far Eastern Republic in 1920–1922] // *Rossiya i Baltiya* [Russia and the Baltics]. Issue 8. *Novyy mir na razvalinakh imperii* [A New World on the Ruins of Empire]. Moscow: Ves' Mir, 2017. P. 94–107.

Lotkin I.V. *Optatsionnaya kampaniya i evakuatsiya grazhdan pribaltiyskikh gosudarstv na istoricheskuyu roдинu v nachale 1920-kh godov* [The Option Campaign and the Evacuation of Citizens of the Baltic States to Their Historical Homeland in the Early 1920s] // *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2005. N 6. P. 28–32.

Lotkin I.V. *Sotsial'no-politicheskaya, ekonomicheskaya i kul'turnaya adaptatsiya pribaltiyskikh poselentsev v Sibiri (1920–1940 gg.)*. *Avtoreferat dissertatsii ... doktora istoricheskikh nauk* [The Socio-Political, Economic, and Cultural Adaptation of Baltic Settlers in Siberia, 1920–1940. Abstract of the Doctoral Dissertation in History]. Tyumen: Omskiy gosudarstvennyy universitet putey soobshcheniya, 2012. 40 p.

Mikhaylova Yu.L. *Mirnye peregovory mezhdu Rossiyey i Latviyey v 1920 g.: predposylki, klyuchevye protivorechiya, itogi* [Peace Negotiations between Russia and Latvia in 1920: Preconditions, Key Contradictions, and Outcomes] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series XXV. *Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. 2022. Vol. 14. N 3. P. 227–264.

Mikhaylova Yu.L. *Sovetsko-latviyskiy dogovor 11 avgusta 1920 g.: zakonodatel'noye regulirovaniye i praktika obmena bezhentsami i optatsii* [The Soviet-Latvian Treaty of

11 August 1920: Legislative Regulation and the Practice of Refugee Exchange and Optation] // *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*. 2021. N 4 (32). P. 168–192.

Polyan P.M. *Optatsii: s kem i kogda v XX veke Rossiya obmenivalas' naseleniyem* [Optations: With Whom and When Russia Exchanged Populations in the 20th Century] // *Rossiya i yeye regiony v XX veke: territoriya–rasseleniye–migratsii* [Russia and Its Regions in the 20th Century: Territory, Settlement, and Migration]. Moscow: OGI, 2005. P. 536–544.

Rohtmets-Aasa H. *Eesti Vabariigi sisserändepoliitika aastatel 1920–1923*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2014. 166 l.

Shcherbakova E.V. *Zakonodatel'naya reglamentatsiya optatsii grazhdanstva (1920–1922 gg.)* [Legislative Regulation of Citizenship Optation, 1920–1922] // *Le-ningradskiy yuridicheskiy zhurnal*. 2012. N 1. P. 201–206.

Tambi S.A. *Estontsy v Belarusi* [Estonians in Belarus]. Saint Petersburg: Piter; Progress kniga, 2021. 320 p.

Trushkova I.Yu. *Politika optatsii v otnosheniyakh Rossii i baltiyskikh gosudarstv v 1920-e gg.* [The Policy of Optation in Relations between Russia and the Baltic States in the 1920s] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016. N 10. P. 51–58.

Поступила в редакцию
16 августа 2025 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2025-66-6-60-86

М.И. Бабюк

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПРАВДА» В 1920-е ГОДЫ

M.I. Babyuk

ECONOMIC ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF THE PRAVDA PUBLISHING HOUSE IN THE 1920s

Аннотация. Несмотря на длительную историю исследований советских средств массовой информации, вопросы их хозяйственного развития изучены мало. Тема финансирования и экономики СМИ практически не разрабатывалась в отечественной науке в советский период и почти не вызывает интереса сегодня. Однако исследование этого вопроса, основанное на введении в оборот архивных данных, позволяет открыть новые интересные стороны функционирования советской политической и идеологической систем. В статье рассматриваются особенности хозяйственного развития крупнейшего партийного издательства «Правда» в 1920-х гг. Советская система печати за это десятилетие прошла путь от экстраординарного существования в условиях военного коммунизма до становления плановых начал своего экономического функционирования. Причем значительную часть этого периода она осуществляла свою хозяйственную деятельность на принципах, порожденных новой экономической политикой. Издательство «Правда», несмотря на свой особый политический статус, также функционировало в частично рыночных условиях. Хозяйственными задачами издательства в 1920-е гг. были оптимизация производственных процессов, достижение самоокупаемости и выпуск широкой номенклатуры печатной продукции с минимальным привлечением государственных ресурсов. Коллектив издательства в целом справлялся с этой задачей. К концу 1920-х гг. «Правда» превратилась в крупное полифункциональное предприятие, выпускавшее 4 газеты, 9 журналов и некоторый объем непе-

Бабюк Максим Иванович, кандидат философских наук, доцент кафедры теории и экономики СМИ факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова

Babyuk Maksim Ivanovich, PhD Candidate in Philosophy, Associate Professor, Department of Media Theory and Economics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University

mbabyuk@yandex.ru

ORCID: 0009-0007-1766-3483

риодической печати. Общий разовый тираж в 1929 г. превышал 1 миллион экземпляров периодики. Однако хозяйственное развитие «Правды» в течение 1920-х гг. сталкивалось с целым рядом объективных и субъективных сложностей. Это существенный дефицит ресурсов, кадров, инфраструктурных и производственных мощностей. Организация системы труда на предприятии была далека от оптимальной, а политические задачи, которые ставились перед ним партией, приводили к росту издержек. Тем не менее, в течение 1920-х гг. издательство «Правда» выглядело одним из наиболее эффективных советских предприятий печати. Впрочем, такая эффективность была во многом связана с его привилегированным хозяйственным положением.

Ключевые слова: советская печать, издательство «Правда», газета «Беднота», новая экономическая политика, хозрасчет, Н.И. Бухарин.

Abstract. Despite the extensive scholarship devoted to the Soviet mass media, their economic development remains comparatively understudied. Questions of media finance and economics were scarcely explored in Soviet scholarship and have attracted little sustained attention since. Yet an examination of this subject, especially on the basis of archival materials newly brought into scholarly use, makes it possible to illuminate previously overlooked aspects of the functioning of the Soviet political and ideological system. This article examines the economic development of *Pravda*, the largest party publishing house, in the 1920s. Over the course of that decade, the Soviet press system evolved from the extraordinary conditions of War Communism toward the establishment of planned principles of economic management. For a substantial part of this period, however, its economic activity continued to operate according to principles shaped by the specific circumstances of the New Economic Policy. Despite its special political status, the *Pravda* publishing house likewise functioned within a partially market environment. In the 1920s, the publishing house's principal economic objectives were the rationalization of production processes, the achievement of financial self-sufficiency, and the publication of a broad range of printed materials with minimal reliance on state resources. On the whole, its staff proved capable of meeting these challenges. By the end of the 1920s *Pravda* had become a large multifunctional enterprise producing four newspapers, nine journals, and a substantial volume of nonperiodical publications. In 1929, the total single-run circulation of its periodicals exceeded one million copies. At the same time, *Pravda*'s economic development in the 1920s was constrained by a range of objective and subjective difficulties — acute shortages of resources, personnel, infrastructure, and production capacity. The organization of labor within the enterprise was far from optimal, while the political tasks assigned to it by the party contributed to rising costs. Nevertheless, throughout the 1920s *Pravda* stood out as one of the most efficient Soviet publishing enterprises. This efficiency, however, stemmed also from its privileged economic position.

Keywords: soviet press, *Pravda* publishing house, *Bednota* newspaper, New Economic Policy, *khozraschet*, N.I. Bukharin.

Введение

Газета «Правда» и выросшее вокруг нее одно из крупнейших советских издательств несомненно относятся к одним из наиболее значимых явлений отечественной медиасистемы в XX в. Продукция издательства расходилась крупнейшими в мире тиражами, а публиковавшийся контент был важнейшим направляющим и регулятивным инструментом как внутренней, так и внешней политики СССР на протяжении многих лет. При этом функционал издательства «Правда» неоднократно становился объектом исследований. В частности, различные аспекты его деятельности находились в фокусе внимания отечественных авторов¹ в самые различные исторические периоды. Неоднократно «Правда» становилась объектом для анализа и за рубежом².

Вместе с тем, сложно говорить о том, что деятельность издательства «Правда» изучена в достаточной степени. Исследования советского периода носили политически ангажированный характер, а первоисточники по теме для большинства авторов долгие годы были недоступны. В постсоветский же период фактическая ликвидация издательства и критическое отношение к советскому медийному прошлому также не способствовали росту интереса к объекту. Следствием этого является парадоксальная недосказанность в отношении предприятия, долгое время игравшего колоссальную роль как в отечественной, так и мировой истории.

В современных условиях, когда исследователям вполне доступно большинство архивных источников, а проблематика утратила свою идеологическую остроту, появляется и возможность, и необходимость переосмысления опыта функционирования «Правды». Работа эта, учитывая характер объекта, требует большого объема исследований и решения целого ряда проблем. Одной из них являются хозяйственные аспекты функционирования «Правды». В данной работе будет предпринята попытка характеристики экономической модели издательства в условиях 1920-х гг., когда «Правда» только превращалась в важнейший издательский центр Советского Союза.

¹ Логинов В.Т. Ленинская «Правда». 1912–1914 гг. М., 1972; Газете «Правда» 75 лет / Вступ. ст. В.Г. Афанасьева. М., 1987; «Правда» и Великий Октябрь / Сост. В.В. Трушков. М., 2017; и др.

² Poppel L. The Rhetoric of Pravda Editorials: A Diachronic Study of a Political Genre. Stockholm, 2007; White D.J. The First Pravda and the Russian Marxist Tradition // Soviet Studies Vol. 26. No. 2. P. 181–204; и др.

Обзор историографии и источников

В силу особого положения «Правды» в политической и информационной системе советского государства формально ее историю нельзя назвать неисследованной. Развитию газеты, а также одноименного издательства еще в советское время было посвящено огромное количество различных работ. И в постсоветский период, пусть и в небольшом объеме, издательство «Правда» также оказывалось в фокусе внимания исследователей. Сотни наименований как научных, так и публицистических материалов, казалось бы, не оставляют пространства для дополнительного изучения. Однако даже краткий анализ существующего массива исследований по «Правде», показывает, что тема далека от раскрытия. Доступные на сегодняшний день работы можно условно разделить на несколько качественно различных групп, каждая из которых существенно ограничена теми задачами, которые решали их авторы.

К первой группе можно отнести труды прикладного характера, формировавшиеся в 1920–1940-е гг. и посвященные анализу различных практических аспектов функционирования издательства³. Такого рода работы были достаточно характерны для периода становления советской системы СМИ, когда многие ее недостатки, такие как нехватка квалифицированных кадров, материальных ресурсов, правил работы и т.п., власти пытались компенсировать созданием множественных методических материалов, способных быть инструментом для помощи в организации работы редакций и издательств. Ценность данных изданий в том, что здесь, несмотря на идеологические рамки, анализировались как многие недостатки, так и особенности работы «Правды» и других современных органов печати.

Гораздо более многочисленную, но зачастую менее информативную группу составили исследования о «Правде», появившиеся во второй половине XX в. Условно эту группу можно назвать «юбилейной». Качественные ее характеристики определялись тем, что по мере догматизации культуры коммуникации в советской политической системе образ «Правды» стал почти таким же важным элементом советского идеологического нарратива, как образы В.И. Ленина или К. Маркса. Поэтому в 1950–1980-е гг. в СССР было выпущено множество работ, посвященных этой газете и одновременно связы-

³ Технические правила прохождения в производстве газеты «Правда». М., 1939; «Правда», газета (Москва). Уполномоченным по связи с «Правдой»: Материалы доклада о «Правде». М., 1929; Руководящий материал по партийной работе. Вып. 2. (Передовые статьи газеты «Правда» по организационно-партийным и хозяйственным вопросам) Сборник передовых статей газеты «Правда». Магадан, 1940; и др.

вающих ее с различными областями советской жизни. Особенно заметной была такая публикационная активность в юбилейные для издательства годы. Так, в 1962 г., в связи с пятидесятилетием основания «Правды», в СССР вышли десятки изданий, посвященных самым разным аспектам ее работы⁴. «Урожайными» для формирования историографии «Правды» были также 1967, 1972 и другие юбилейные годы⁵. Проблемой этой группы работ было либо фокусирование на хрестоматийных материалах «Правды» (сборники статей), либо некритические, идеологически и номенклатурно значимые обзоры, зачастую слабо связанные с реальной деятельностью издательства. В этих работах было, тем не менее, много актуальных фактов, данных, воспоминаний. Однако к этому времени сформировалась каноническая версия истории партии, и развитие «Правды» подавалось с оглядкой на существовавшие доминанты.

Распад Советского Союза фактически похоронил не только само издательство «Правда» в его первоначальном виде, но и свел к минимуму интерес исследователей к проблемам его развития. Газета «Правда» продолжала регулярно упоминаться в различных работах, однако чаще всего в контексте изучения «тоталитарного прошлого». Широкий интерес к истории «Правды», причем к ее хозяйственному аспекту, проявился в контексте дискуссии о возможном финансировании партии большевиков германскими властями. Анализ финансов «Правды» в период 1917 г. предпринимался рядом авторов с целью выяснения источников ее денежных средств в дооктябрьский период⁶. В остальном же интерес к «Правде» был связан с анализом советской политической системы. Традицию комплиментарного описания советского периода «Правды» продолжили работники издательства, ставшего правопреемником советского⁷.

⁴ Андронов С.А. Боевое оружие партии. Газета «Правда» в 1912–1917 годах. Л., 1962; С Ленинской «Правдой»: К 50-летию газеты. Сборник документов и материалов / Ред. коллегия: Н. Киценко и др. Запорожье, 1962; Шнитман А.М. Большевицкая газета «Правда» и болгарское рабочее движение (1912–1914 гг.) Мурманск, 1962; Одесса на страницах «Правды». Сборник статей / [Ред. коллегия: И.М. Коляда (ред.) и др. Одесса, 1962 и др.

⁵ Логинов В.Т. Указ. соч.; Газете «Правда» 75 лет / Вступ. ст. В.Г. Афанасьева. М., 1987; Эпоха — газетной строкой: «Правда» 1917–1967. Материалы из комплектов с сокращениями. М., 1967; и др.

⁶ Корнеев В.В., Козлов Я.В. О финансовой стороне издания газеты «Правда» (март – май 1917) // Россия XXI. 2017. № 5. С. 42–69; Антонов-Овсеенко А.А. Германские деньги в большевистской печати: миф и реальность. Тверь, 2013; и др.

⁷ Правда. 95. Газета на все времена: страницы истории газеты (1912–2007 годы) / Сост. Н.Д. Симаков, Т.Н. Смирнова. М., 2007; «Правда» и Великий Октябрь / Сост. В.В. Трушков.

В целом же, характеризуя сложившуюся историографическую базу для анализа «Правды», можно отметить, что огромная литература по теме, к сожалению, не дает ответов на многие вопросы функционирования издательства в советский период. На сегодняшний день нет качественного анализа кадрового состава издательства, характера информационной политики в зависимости от этапов политического развития государства. Нет сколько-нибудь серьезной оценки хозяйственной и финансовой деятельности издательства после прихода большевиков к власти. До сих пор остаются невосстановленными исследователями многие источники по различным аспектам работы «Правды», хранящиеся в различных архивах. Да и сам вопрос неангажированного подхода к оценке издательства остается решенным в неполной мере.

В фокусе нашего внимания — хозяйственные аспекты работы издательства в первое десятилетие советской власти. Вопросы экономики «Правды» вообще слабо исследованы и требуют масштабного анализа. С опорой на доступные архивные документы можно вполне объективно осветить вопросы хозяйственного развития главного рупора партии. Однако доступные архивные данные по теме рассредоточены по разным архивам и не всегда увязаны друг с другом хронологически и тематически.

Основными источниками для исследования стали материалы трех отечественных архивов. В первую очередь это фонды Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). В этом архиве можно выделить несколько фондов разной степени комплектности, посвященных непосредственно «Правде» (Ф. 364, Ф. 790 и др.). Проблемой для исследователя является недостаток данных в этих фондах по хозяйственной деятельности «Правды» за период 1917–1930-х гг. Поэтому более актуальными для нашего исследования оказались материалы фонда Агитпропа ЦК РКП(б) за первую половину 1920-х гг., в которых содержатся как отдельные отчетные материалы по хозяйственной деятельности издательства, так и многочисленная переписка, посвященная урегулированию административно-хозяйственных вопросов, актуальных как для «Правды», так и для других советских газет этого периода.

Не менее важными источниками для работы оказались материалы Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции (Ф. Р-374), хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). В них содержатся, как правило, наиболее информативные данные по проблемам развития советской печати в целом и «Правды» в частности. Ревизионные комиссии Наркомата, чьи

отчеты создавались для служебного пользования, давали, как правило, весьма критичную оценку деятельности издательства. В этих документах неоднократно отмечались множественные нарушения и недостатки в работе «Правды», которые практически никогда не фиксировались в публичных источниках. Однако проблемой этого корпуса документов также является их фрагментарность относительно периода 1920-х гг. в целом, в ряде случаев очевидная ангажированность, поскольку ревизоры мало учитывали объективные обстоятельства функционирования издательств и их реальные хозяйственные возможности.

Наконец, еще одним важным источником стали материалы фонда Народного комиссариата внутренней и внешней торговли СССР (Ф. 7927), хранящийся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ). Документы комитета по делам печати Наркомторга содержат ряд материалов, очерчивавших как структурные аспекты работы издательства «Правда», так и отчетные материалы по финансовой деятельности. Однако этот фонд содержит материалы только за вторую половину 1920-х гг., а материалы, хранящиеся в нем, хотя и носят ключевой характер, также отличаются избирательностью и, зачастую, формализованностью.

Корпус имеющихся работ по теме, а также доступных архивных фондов во многом определяет методологию и методику исследования. Прежде всего, как представляется, анализ хозяйственной деятельности «Правды» невозможен без учета общего характера советской политэкономической систем в 1920-е гг., ее эволюции от начала к концу десятилетия. Также нельзя не учитывать структурно-функциональные характеристики как самого издательства, так и советской медиасистемы в этот период в целом. Важными методическими принципами работы стали критический анализ источников, сравнительный анализ, сопоставление и интерпретация данных.

Общая характеристика хозяйственного развития издательства «Правда» в 1920-е гг.

Процесс хозяйственного развития издательства «Правда» в 1920-е гг. был довольно тернистым, сопровождался сложностями, неизбежными в условиях кризиса периодов военного коммунизма и раннего НЭПа, отсутствия у руководителей печати опыта выпуска крупных изданий, радикальной смены журналистской культуры. Тем не менее, в течение 1920-х гг. «Правда» эволюционировала из отдельного, достаточно небольшого политического издания в одно из крупнейших в рамках СССР издательских объединений, аккумулировавших в себе как производство разных типов изданий,

так и полиграфические мощности, систему распространения печати и рекламные отделения.

В хозяйственном отношении деятельность издательства в основном была подчинена экономической целесообразности. Кроме небольшого периода военного коммунизма перед издательством все время ставились цели организации производства партийной печати на принципах самокупаемости. При этом существенное влияние на хозяйственное развитие издательства оказывали политические процессы. Будучи ключевым партийным издательством в стране, «Правда» часто несла дополнительные хозяйственные издержки, связанные с выполнением необходимых идеологических задач. Вместе с тем, привилегированное положение издательства открывало сравнительно широкий доступ к финансовым и материальным ресурсам, дефицитным для большинства других издательств.

«Правда» в условиях революции и эпохи военного коммунизма. Несмотря на то что история газеты «Правда» отсчитывается с 1912 г., до октября 1917-го довольно сложно говорить о ее существовании как цельного, последовательно функционирующего хозяйствующего субъекта. В течение дореволюционного периода издание неоднократно закрывалось, меняло названия, места выпуска, редакционный состав. Немногие сохранившиеся хозяйственные документы «Правды» этого времени показывают, что издание носило экстраординарный характер, что выражалось, в том числе, и в специфике ведения дел, источниках финансирования и т.п. Например, сохранившиеся финансовые расходные документы издания за сентябрь–декабрь 1917 г. (издание большую часть этого периода выходило под названием «Рабочий путь») представляют собой отрывные листы бумаги, на которых карандашом набрасывались основные (буквально 3–4) статьи расходов. Причем последние обозначались фамилиями людей, которые предоставляли соответствующие услуги (табл. 1)⁸.

Таблица 1

Расходы газеты «Рабочий путь» за 29.09.1917 г.

Статья расходов	Стоимость
Тов. Заубе	150 руб.
Тов. Эллону	35 руб.
За возврат	48 руб. 82 коп.
Итого:	233 руб. 82 коп.

⁸ РГАСПИ. Ф. 364. Оп. 2. Д. 9.

Другие финансовые документы газеты также были весьма специфическими. Полуподпольный характер издания отражался и на характере ведения хозяйственных дел и документации.

Только после прихода большевиков к власти газета начала приобретать черты системного предприятия с регулярными организационными структурами, инфраструктурой и другими атрибутами полноценного медиапредприятия. В конце 1917 г. газета получила собственную контору, полноценный штат сотрудников, производственные мощности.

Формирование «Правды» как системного хозяйствующего субъекта в конце 1917 — начале 1918 г. проходило с опорой прежде всего на экспроприации и конфискации, которые энергично осуществляла новая власть, пытаясь не только ограничить деятельность оппозиционной печати, но и создать собственную систему агитации и пропаганды. Соответственно после октябрьского переворота «Правда» получила в Петрограде собственное помещение, совмещенное с типографией «Рабочее дело», в которой печатались тиражи издания. Вместе с тем, газета начала широко реализовываться за деньги, т.е. перед редакцией была поставлена задача возмездного производства и распространения издания. А вот реклама в первые месяцы официального выпуска «Правды» в ней не размещалась. Мотивация руководства редакции, вероятно, была политической, поскольку в других советских изданиях этот тип контента был вполне допустим и даже востребован.

В марте 1918 г., после переезда советского правительства в Москву, туда же перебралась и редакция «Правды». Поначалу временно разместившись в гостинице «Дрезден», позднее она заняла помещение национализированного здания издательского «Товарищества И.Д. Сытина и Ко» на Тверской. Однако вместе с «Правдой» в здании разместились редакция и контора «Известий ВЦИК», а также несколько других изданий. По воспоминаниям секретаря «Известий» О. Литовского, «три главные советские газеты: “Известия ВЦИК”, “Правда”, “Экономическая жизнь” — разместились в трех этажах флигеля, во дворе дома № 48 по Тверской улице, там, где прежде помещалась буржуазная газета “Русское слово”»⁹. В этом же здании находилась типография товарищества Сытина, получившая после национализации наименование «Красный Маяк». Соответственно типография обслуживала все три находящиеся здесь газеты, а также печатала тиражи еще нескольких сторонних изданий. Всё это предопределило недостаток помещений и стесненность условий, существенно осложнявших деятельность сотрудникам «Правды».

⁹ Литовский О. Так и было. Очерки, воспоминания, встречи. М., 1958 С. 5.

Впрочем, не это стало главной проблемой издания. Препятствиями для развития в этот период являлись: катастрофическая нехватка материальных средств, вплоть до продовольствия для персонала редакции; недостаток профессионализма у штатных сотрудников, следствием чего стало достаточно массовое привлечение к работе профессионалов из числа дореволюционных журналистов¹⁰. Последние не были «идейными», однако умели придать работе более организованный характер¹¹. В целом же, в условиях военного коммунизма концепция хозяйственного развития «Правды» определялась как политическим моментом, так и сложностями экономического развития страны. Номинально деятельность издательства осуществлялась на возмездной основе: газета распространялась за деньги, которыми должна была оплачиваться работа сотрудников, сырье и печать. Финансовых документов за этот период в архивах пока обнаружить не удалось, но по косвенным данным можно утверждать, что реализация газеты не окупала ее выпуск, а постоянно растущий дефицит средств производства приводил к тому, что «Правда», как и большинство изданий этого периода, могла существовать только с помощью натурального снабжения государственными органами. Такая ситуация сохранялась вплоть до конца 1921 г. Только после перехода советской печати к хозрасчетным отношениям хозяйственная деятельность «Правды» начала приобретать рыночный характер.

Вместе с тем, именно в период военного коммунизма началась трансформация «Правды» в издательское объединение. В 1918 г. она была объединена с другой партийной газетой — «Беднота», что отразилось в названии: теперь издательство официально именовалось «Правда и Беднота»¹². У объединения, вероятнее всего, был целый ряд причин, однако не последней из них была экономическая. Редакции сохранили относительную автономию, а вот их управленческие структуры были слиты в единую главную контору¹³. С таким наименованием издательство просуществовало до начала 1930-х гг., хотя уже к середине 1920-х оно не отражало его институционального наполнения.

Объединенное издательство в условиях гражданской войны стало одним из главных производителей периодической печати

¹⁰ Там же. С. 6–8.

¹¹ Причем этот дефицит идейных работников сформировал практику привлечения беспартийных кадров, которая сохранилась как минимум до конца 1920-х гг. См.: ГАРФ Ф. Р-374. Оп. 28. Д. 3288. Л. 12–12 об.

¹² В дальнейшем для удобства в тексте будет использоваться название «Правда», которое было основным на протяжении большего периода существования издательства.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 891. Л. 42.

Советской республики. Дефицит бумаги вынуждал власти аккумулировать ресурсы в наиболее крупных издательствах, которые выдавали максимально возможные тиражи, распространяемые по стране. Так, «Правда» выпускалась в 1919–1921 гг. разовыми тиражами в 200–250 тысяч экземпляров, а «Беднота» выглядела настоящим гигантом, тиражируясь в количестве до 750–800 тысяч экземпляров ежедневно¹⁴.

«Правда» в условиях новой экономической политики. Такое положение, когда газеты издательства выходили огромными тиражами, продолжалось вплоть до перехода советской печати на хозрасчет. Перевод прессы на новую экономическую модель состоялся в декабре 1921 г. и поначалу имел катастрофические последствия. Редакции и конторы советских газет и журналов не имели опыта работы в условиях рынка. Радикально упали тиражи, закрылось множество изданий. Последствия кризиса сказались и на деятельности «Правды». В течение 1921–1922 гг. тиражи сократились в несколько раз. Так, если в октябре 1921 г., незадолго до перехода на хозрасчет, «Правда» выходила разовым тиражом около 265 тысяч экземпляров ежедневно, то уже в феврале 1922 г. — 75 тысяч¹⁵. «Беднота» сократилась еще существеннее: от 600 тысяч экземпляров в октябре 1921-го до 109 тысяч в апреле следующего года (табл. 2)¹⁶.

Таблица 2

**Тираж наиболее крупных газет с 1 июля 1921 по 1 апреля 1922 г.
(по данным «Книжной летописи»)¹⁷**

Названия газет	1921 г.			1922 г.	
	Июль	Октябрь	Декабрь	Февраль	Апрель
Известия ВЦИК	275 000	275 000	275 000	147 000	–
Правда	200 000	265 000	250 000	75 000	–
Экономическая жизнь	44 000	44 000	44 000	34 000	–
Труд	150 000	–	150 000	50 000	–
Беднота	–	600 000	–	–	109 000
Гудок	75 000	–	75 000	50 000	–

¹⁴ Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны. М., 2002. С. 52.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 917. Л. 12.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Пробелы в таблице означали, что у Книжной палаты не было точных данных по выпуску изданий за эти месяцы.

Негативно сказывался на последствиях перехода «Правды» к хозрасчету и политический фактор. Многие функционеры и рядовые члены партии большевиков болезненно воспринимали рыночные отношения в центральной партийной печати. Так, на проходившем весной 1922 г. XI съезде РКП(б) появление рекламы в «Правде» подверглось острой критике. Сам В.И. Ленин вынужден был выступить в защиту права издательства публиковать коммерческие объявления¹⁸.

Острый кризис печати в стране был преодолен уже к концу 1922 г., однако рост в отрасли долгое время был незначительным. «Правда», несмотря на свое привилегированное положение, восстанавливала функционал достаточно медленно. Так, по итогам 1923 г. средние разовые тиражи основных изданий составили 80 тысяч для «Правды» и 45 тысяч для «Бедноты» (табл. 3). К тому же изменение внутренней политики в стране привело к перераспределению ролей газет внутри издательства. Пережив драматичное падение тиражей в период кризиса, «Беднота» окончательно превратилась в периферийное издание, уступив место основной газеты издательства — «Правде».

Таблица 3

Средние разовые тиражи основных газет издательства «Правда» в 1920-х гг.¹⁹

Издание	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
Правда (ежедн.)	Ок. 250 000	75 000	Ок. 80 000	н/д	440 000 – 500 000	504 425	573 000	620 000
Беднота (ежедн.)	600 000	110 000	Ок. 45 000	н/д	100 000 – 110 000	Ок. 100 000	100 000	108 000
Комс. правда (ежедн.)	–	–	–	–	100 000 – 130 000	Ок. 100 000	98 400	167 500

В целом же хозяйственное и финансовое положение издательства в условиях хозрасчета быстро улучшилось. Уже в 1923 г. издательство стало регулярно получать чистую прибыль при осуществлении хозяйственной деятельности²⁰. С этого же года началось широкое институциональное развитие: расширение номенклатуры газет и журналов, выходивших в издательстве. При «Правде» начали издаваться литературно-художественный и сатирический

¹⁸ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 45. М., 1961. С. 135.

¹⁹ По данным ГАРФ, РГАСПИ, РГАЭ, РГВА.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 891. Л. 5–8.

«Прожектор» и журнал «Предприятие». Уже в следующем, 1924 г., при издательстве были открыты еще два издания — «Большевик» и «Рабочий корреспондент». Далее, по мере роста и развития предприятия, номенклатура и тиражи выпускаемых изданий постоянно расширялась. Причем это следует считать достижением, поскольку во второй половине 1920-х гг. советская издательская деятельность существенно тормозилась структурными проблемами отечественной экономики. Однако можно утверждать, что существенную роль в развитии издательства в этот период стало играть изменение политики советской государства в области печати в условиях начавшегося сворачивания нэпа.

Переход к плановым началам развития печати в целом благотворно сказался на развитии «Правды». Прежде всего потому, что этот переход способствовал усилению политической значимости издательства и, соответственно, к увеличению государственного внимания и помощи. Значительно улучшилось его материальное положение. «Правда» начала получать ссуды на развитие производственных мощностей²¹, что позволило обзавестись собственной типографией. После того как из здания в середине 1920-х гг. съехало издательство «Известия», существенно расширились используемые площади, что дало возможность активно увеличивать редакционные подразделения и номенклатуру изданий. При этом требование коммерческой эффективности уже не стояло перед издательством, поэтому можно было больше концентрироваться на основных видах контента. Так, с 1926 г. в газете «Правда» были существенно сокращены площади под рекламные объявления, а экспедиционные подразделения издательства с целью оптимизации были частично объединены со структурами «Известий». Словом, политическая целесообразность способствовала снижению хозяйственного фактора в политике издательства.

При этом нельзя сказать, что издательство стало убыточным, резко снизило прибыли или перестало заниматься коммерческой деятельностью. В ревизионных документах в 1929 г. отмечалось, например, что «в доходах Издательства значительное место занимает реклама, поступления по которой за 1928 г. — 794 671 руб., что дало чистой прибыли около 230 тыс. рублей»²².

К концу 1920-х гг. издательство выпускало более десятка только периодических изданий, разовые тиражи которых превышали миллион экземпляров (табл. 4).

²¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 17. Д. 378. Л. 5.

²² ГАРФ Ф. Р-374. Оп. 28. Д. 3288. Л. 27.

Издания издательства «Правда» в 1917–1929 гг.

Год	Количество изданий	Наименование изданий	Примечание
1917	1	Газета «Правда»	–
1918–1922	2	2 газеты: «Правда», «Беднота»	Разовые тиражи до 800 тысяч экз.
1923	4	2 газеты: «Правда», «Беднота»; 2 журнала: «Прожектор», «Предприятие».	Разовые тиражи газет: ок. 125 тыс. экз.
1924	7	2 газеты: «Правда», «Беднота», 5 журналов: «Большевик», «Предприятие» «Прожектор», «Пролетарий», «Рабочий корреспондент»	–
1925–1926	10	4 газеты: «Правда», «Беднота», «Комсомольская правда», «Пионерская правда» 6 журналов: «Большевик», «Прожектор», «Предприятие», «Рабкор», «Деревенская коммуна», «Под знаменем марксизма»	–
1927–1929	13	4 газеты: «Правда», «Беднота», «Комсомольская правда», «Пионерская правда»; 9 журналов: «Большевик», «Прожектор», «Предприятие», «Рабкор», «Деревенская коммуна», «Коминтерн», «Революция и культура», «Под знаменем марксизма», «Листок юнкора» (прилож.)	Разовые тиражи в 1929 г.: газет — 1002,8 тыс. экз., журналов — 158,3 тыс. экз.

Можно констатировать, что к концу 1920-х гг. издательство «Правда» по объему тиражей являлось одним из крупнейших в СССР, а по количеству газетной продукции было, пожалуй, безоговорочным лидером. При этом политические процессы в стране, приведшие к отстранению многолетнего главного редактора «Правды» Н.И. Бухарина, судя по всему, мало коснулись вопросов хозяйственного развития издательства. Наоборот, в начале 1930-х гг. оно получило новый импульс: в 1931 г. было начато строительство специализированного производственного комбината для «Правды». Сданный в эксплуатацию в 1934 г., он позволил издательству еще больше расширить как номенклатуру изданий, так и общие тиражи.

Ключевые проблемы развития экономики «Правды» в условиях 1920-х гг.

Несмотря на формально радужные цифры развития главного партийного издательства СССР, реальное состояние его хозяйственной деятельности было, судя по архивным данным, сложным. Статус ключевого предприятия печати играл свою роль, и оно получало ресурсов и возможностей несколько больше, чем большинство других издательств. Однако положение в стране было таково, что и «Правда» не могла рассчитывать на удовлетворение многих актуальных потребностей. При этом сложности сопровождали работу издательства весь рассматриваемый период. Однако их природа существенно менялась в зависимости от общей ситуации.

Как уже отмечено, в период гражданской войны «Правда» испытывала те же проблемы, что и вся советская печать: нехватку людей, средств, сырья и оборудования. Переход к хозрасчетным отношениям поначалу не только не решил этих проблем, но и обозначил перед издательством новые вызовы.

Основные производственные мощности, которые «Правда» получила еще в 1918 г., очевидно были недостаточны не только для расширения производства, но и для элементарного поддержания производственной деятельности. Как уже упоминалось, правдинцы в течение 1922–1924 гг. вынуждены были делить помещения с другим советским издательским гигантом — «Известиями». Помещений в бывшей редакции Сытина не хватало, что приводило к регулярным конфликтам и попыткам решить проблемы за счет административного давления. Так, в августе 1923 г. секретариат «Правды» обращался к секретарю ЦК РКП(б) Я.Э. Рудзутак с жалобой на то, что 20 отделов «Правды» и редакции изданий «Прожектор» и «Предприятие» ютятся всего в 16 комнатах. В документе отмечалось: «...в некоторых маленьких комнатах теснится по 2 по 3 отдела. Комнаты очень миниатюрны (приблизительно 3 арш. в ширину и 8 в длину), только 4 комнаты относительно просторны (двойного размера). Неизбежные условия газетной работы — постоянные посетители. В некоторых отделах (рабочая жизнь, секретариат, информационный, “прожектор” и др.) беспрерывно толчется чужой народ. От шума и тесноты совершенно невыносимо работать. Нет и речи о том, чтобы ответственному редактору отвести отдельную комнату. Когда приходят члены Редакционной Коллегии, то им приходится среди тесноты и шума писать статьи, править материал и т.д. Кроме потери сил и измочаливания нервов, работа при таких условиях не

может иметь точный и целесообразный ход. Ни одна из буржуазных больших газет не работала в таких условиях, в каких приходится работать центральному органу партии»²³. В качестве решения проблемы предлагалось переселить контору «Известий», предоставив освободившиеся помещения «Правде»: «Наиболее целесообразным решением было бы — предоставить Правде всё освободившееся помещение в большом доме, Известиям же отдать наше теперешнее помещение (3-й этаж в доме, во дворе); для конторы же Известий срочно подыскать помещение на одной из главных улиц Москвы в центре города»²⁴.

Понятно, что руководство «Известий» было не в восторге от данных планов и, в свою очередь, активно защищало свои интересы в высших эшелонах власти. Поэтому ситуация с помещениями кардинально не решалась до тех пор, пока «Известия» не переехали в построенное в 1925–1927 гг. собственное здание.

Другой проблемой издательства в первой половине 1920-х гг. были существенные и нерегулируемые выплаты контрагентам в условиях спекуляций первых лет нэпа. В это время «Правда» не имела собственной сети сбора информации или распространения продукции. Не было и собственных типографских мощностей. За все услуги необходимо было платить, причем их стоимость часто была весьма высока, а торговая политика контрагентов достаточно агрессивна. К примеру, государственное информационное агентство РОСТА в этот период регулярно пыталось поднимать расценки на свои услуги для советских газет, что логично вызывало сопротивление издательств.

В фонде Агитпропа ЦК удалось обнаружить любопытное письмо главного редактора «Правды» Н.И. Бухарина, характеризующее данную проблему. Обращаясь в подотдел печати Агитпропа ЦК партии, он писал: «Редакция “Правды” получила от Вас извещение, что на покрытие расходов “Роста” мы будем выплачивать за информацию 160 червонцев. Редакция Правды категорически возражает против этого предложения по следующим мотивам:

- 1) на совещание, обсуждавшее вопрос об увеличении подписной платы Роста, не был приглашен представитель редакции Правды, который мог бы представить мотивы непосредственно совещанию о невозможности для Правды увеличения подписной платы.

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 891. Л. 57.

²⁴ Там же. Л. 58.

- 2) Дело в том, что Правде сейчас приходится сжиматься во всех своих расходах, причем сжатие это доходит до того, что все литературные сотрудники Правды получают крайне незначительное содержание и гонорар. Достаточно сказать, что за статью в 200–300 строк редакция уплачивает автору гонорар в 5 золотых рублей, а, примерно, за интервью репортер получает не более 1 миллиарда. Такие низкие ставки оплаты труда создают тяжелые условия для работы в Правде, но они неизбежно вытекают из существующего крайне тяжелого финансового положения издательства. Новые расходы приведут лишь к новому сокращению гонорара и жалования сотрудникам редакции.
- 3) Нам думается, что покрытие расходов “Роста” должно идти по линии сокращения непроизводственных расходов в самой “Роста”. Нужно сказать, что оплата литературных работников “Роста” примерно раза в три выше оплаты, существующей в “Правде”. Новые расходы по “Правде” соотношение это еще более увеличит.
- 4) Мы считаем, что мы привели достаточно веские мотивы против В/постановления. Мы просим вопрос этот пересмотреть и отменить В/постановление»²⁵.

Эта конфликтная ситуация с РОСТА не была чем-то экстраординарным. Практически все газетные издательства в этот период сталкивались с произволом контрагентов в разных областях своей деятельности. Руководство «Известий», например, в течение 1923 г. через апелляции к Агитпропу вело тяжбы одновременно с типографиями, распространителями печатной продукции и поставщиками информации. Жестко отстаивая свои финансовые интересы, известинцы стремились заместить часть сторонних услуг путем организации собственных подсобных предприятий. «Правда» в этом отношении была менее активна. Складывается ощущение, что руководство издательства оказалось менее подготовлено к рыночным отношениям в отрасли. Так, даже средняя заработная плата сотрудников издательства в этот период была несколько ниже, чем в других крупнейших издательствах²⁶. И руководство «Правды» получало зарплату ниже, чем люди на таких же позициях в других издательствах.

²⁵ Там же. Л. 63. Сохранена орфография оригинала.

²⁶ Бабюк М.И. К вопросу оплаты труда в сфере советских печатных СМИ в период НЭПа (по архивным данным РГАСПИ) // Медиаскоп. Электронный журнал. 2016. № 4 — URL: <http://www.mediascope.ru/2236> (дата обращения 15.07.2025).

Существенные проблемы наблюдались в области типографского обслуживания «Правды». Издательство заявляло о необходимости иметь собственную типографию²⁷, а вынуждено было обслуживаться в тресте «Мосполиграф», работа которого нередко вызывало шквал нареканий²⁸.

За распространение своей продукции издательство в том же 1923 г. вынуждено было отдавать контрагентам 16–40 % от стоимости изданий²⁹.

Было бы неверным утверждать, что сотрудники «Правды» не пытались решать эти проблемы. Их деятельность была, возможно, менее напористой, чем у коллег, однако в документах 1922–1925 гг. можно отметить регулярные усилия руководства издательства по решению данных проблем. Так, в частности, с ноября 1923 г. при издательстве заработало собственное предприятие по распространению продукции. Предпринимались попытки, как выше сказано, получить в свое распоряжение дополнительные помещения и типографские мощности. Велась работа по снижению себестоимости продукции издательства. Всё это в совокупности с общим оздоровлением экономики страны после кризиса начала 1920-х гг. дало вполне позитивные результаты. Как уже отмечено, по итогам 1923–1924 финансового года издательство вышло на самоокупаемость и начало аккумулировать прибыль.

Однако к середине 1920-х гг. издательство, как и вся пресса, начало сталкиваться с новыми проблемами, связанными как с болезнями роста, так и со структурными проблемами экономики советской печати.

В первую очередь речь шла о кризисе существующей ресурсной базы. Преодолев кризис начала 1920-х гг., советские газетно-журнальные издательства к середине десятилетия существенно нарастили производство печати, во многом превысив дореволюционные показатели. Однако уже после 1925 г. рост производства прекратился и, в отдельных случаях, даже началось его снижение. Причины этого были системные. Развитие печати осуществлялось в основном на базе ресурсов, оставшихся от периода Российской империи. К середине 1920-х гг. основанный на использовании этих ресурсов экстенсивный рост себя исчерпал. Существовавшие в стране бумажные фабрики не могли обеспечить возросший спрос на сырье,

²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 890. Л. 5.

²⁸ Там же. Л. 3.

²⁹ Там же. Д. 891. Л. 60.

а закупка за рубежом была сложной и требовала дефицитной валюты. Результатом этого стали регулярные «бумажные кризисы», которые заставляли издательства сокращать тиражи или количество полос в изданиях. Схожая проблема была с типографским оборудованием. В стране оно не производилось, а закупки были нечастными и не всегда качественно спланированными. Следствием были нехватка оборудования, низкое качество печати, регулярные задержки.

«Правда» находилась в относительно привилегированном положении, получая сырье и технику в преимущественном порядке. Однако и для нее данные проблемы сыграли роль существенного тормоза для развития. Так, после 1925 г. и почти до конца десятилетия тиражи основных газет издательства либо не увеличивались совсем, либо росли незначительно. При этом рост тиражей той же газеты «Правда» был в каком-то роде обманчивым. Так, в 1924–1925 гг. газета перешла на 8-полосный формат, а уже в 1926–1930-х гг. регулярно вынуждена была переходить на 6-полосный. Это позволяло существенно экономить бумагу и финансы, однако происходило во многом вынуждено. Справедливости ради, сокращение числа полос в условиях дефицита бумаги было повсеместным явлением.

В области полиграфии положение издательства во второй половине 1920-х гг. резко улучшилось, поскольку оно получило в свое распоряжение мощную типографию, в которой трудилось более 700 работников. На расширение типографских мощностей и обновление оборудования издательство потратило в течение 1926–1928 гг. более 1238,6 тыс. рублей своих и заемных средств³⁰. Из бюджета в 1925–1926 финансовом году даже была выделена ссуда на дооборудование типографии, которая была погашена в следующем же году государственной субсидией³¹. Однако все это не снимало проблем печати. Качество ее было зачастую невысоким, наблюдался дефицит сырья (шрифтов, металла и т.п.), сравнительно большим был процент брака³².

В определенной степени ритмичное хозяйственное развитие издательства тормозилось необходимостью содержать политически значимые, но не всегда рентабельные издания. В документах эта проблема практически никогда не фигурировала, однако простейший анализ финансовых документов показывает, что больше половины

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 28. Д. 3288. Л. 27.

³¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 17. Д. 378. Л. 5.

³² ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 28. Д. 3288. Л. 28.

изданий «Правды» были в этот период нерентабельными. В первую очередь это касалось «Бедноты» и «Комсомольской правды», которые во второй половине 1920-х гг. были системно убыточными³³. Тем не менее, их выпуск был стабильным, а тиражи даже росли, поскольку их политическая функция только актуализировалась.

Не менее острым для советской прессы во второй половине десятилетия, в том числе и для «Правды», являлся вопрос персонала. Это было связано, прежде всего, с резким ростом издательства, который привел к увеличению числа сотрудников, но, неизбежно, к «размыванию» идейно-политического уровня персонала. Так, если к концу 1923 г. в издательстве трудилось около 250 человек³⁴, то уже в 1929 г. (с учетом появившейся типографии) — более полутора тысяч³⁵. Эта проблема для издательства, как отмечалось в ревизионных документах, разворачивалась в двух плоскостях — социальной и профессиональной. Первая была связана с тем, что приходилось задействовать в работе большое количество политически нейтральных, а то и классово неблагонадежных людей. Так, в редакции «Правды» на 1929 г. партийная прослойка составляла всего 28,6%. В «Бедноте» членов партии было еще меньше — 12 из 96 человек, т.е. всего 12,5% от общего числа сотрудников³⁶. Еще меньше членов партии было в главной конторе издательства. Дополнялась эта проблема тем, что в редакциях трудились люди с «чуждым» социальным происхождением или просто близкие родственники, что создавало конфликт интересов³⁷. Трудно сказать, насколько эти проблемы оказывали влияние на качество работы издательства, однако с точки зрения контролирующих органов недостаточная политическая «чистота рядов» была серьезной проблемой.

В профессиональном смысле сказывалась недостаточная квалификация персонала издательства. Это выражалось в низкой производительности труда сотрудников, неэффективной его организации, нарушении дисциплины и т.п. Впрочем, в этом отношении «Правда» была в несколько лучшем положении, чем большинство других издательств. Находясь в столичном регионе и имея привилегированное положение, издательство могло себе позволить набирать несколько более качественный персонал.

³³ РГАЭ. Ф. 7927. Оп. 1. Д. 64. Л. 8–10.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 891. Л. 8–9.

³⁵ ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 28. Д. 3288.

³⁶ Там же. Л. 26.

³⁷ Там же.

Наконец, нельзя не сказать и о проблемах управления издательством. Недостаточно высокий уровень профессионализма в полной мере касался и организации труда на предприятии. Как раз судя по данным ревизионных органов, низкое качество управления было одной из ключевых проблем в этот период. Речь шла об отсутствии адекватного планирования, слабой увязке работы подразделений издательства, многочисленных нарушениях трудовой и финансовой дисциплины, поощряемых начальством. Такие факты наблюдались и ранее, однако если в начале десятилетия их можно было объяснять становлением издательского дела, то к концу десятилетия они указывали на системные недостатки управления. Так, коллегия наркомата рабоче-крестьянской инспекции весной 1929 г. отмечала: «...по издательству “Правда” — при наличии 13 самостоятельных и вполне автономных редакций, Заведующий Издательством формально подчинен лишь редколлегии газеты “Правда”, фактически же действует вполне самостоятельно. Такое организационное построение вызывает полное отсутствие увязки в работе как редакций между собой, так и Зав. Издательством с редакциями»³⁸. Здесь отмечалось, что «вопросам улучшения аппарата и изучения личного состава со стороны издательства не уделялось достаточного внимания», а «отсутствие наблюдения и финансового контроля за деятельностью издательства со стороны вышестоящих организаций способствовало созданию ряда ненормальностей в его деятельности»³⁹. На практике недостатков организации и управления в издательстве было даже больше. В частности, одним из симптомов развития издательства стала бюрократизация системы управления. Политическое руководство прессой постоянно требовало от издательств оптимизации работы, сокращения персонала и расходов. Однако «Правда», как, впрочем, и другие предприятия, имитируя эти процессы, очень быстро возвращалось к практике роста издержек, нарушений финансовой дисциплины, увеличения штатов и т.п.

В целом же, несмотря на указанные проблемы, издательство «Правда» к концу 1920-х гг. прошло колоссальный путь, превратившись из небольшого предприятия в крупнейшее в СССР газетно-журнальное объединение. Однако его потенциал пока еще далеко не раскрылся в силу характера советской экономики того периода. Буквально через несколько лет, в условиях индустриализации, «Правда» получила мощнейший импульс к развитию.

³⁸ Там же. Л. 12.

³⁹ Там же.

Финансовые аспекты работы издательства в условиях 1920-х гг.

Финансовые документы «Правды» за 1920-е гг., к сожалению, сохранились не в полном объеме. Архив издательства, хранящийся в РГАСПИ, довольно обширен, однако сведения о его экономике и финансах за этот период довольно скудны. По ним сложно составить полноценную картину работы «Правды». Существенным образом проясняют ситуацию с финансами издательства фонды государственных органов, так или иначе связанных с регулированием работы печати в 1920-е гг. В фондах ГАРФ и РГАЭ удалось обнаружить ряд данных, иллюстрирующих обороты и бюджет издательства за разные годы. Их совокупность позволяет сформировать относительно цельную картину производственной и финансовой деятельности издательства.

По результатам их анализа можно констатировать, что финансовые результаты отражали процесс постоянного производственного и институционального роста издательства и довольно высокий уровень экономической эффективности его работы. При этом документов по периоду военного коммунизма пока обнаружить не удалось, но после перехода печати на самокупаемость издательство демонстрировало уверенный рост оборотов. Так, например, с 1923 по 1927 г. они выросли более чем в 6,5 раз (табл. 5). В 1928–1929 финансовом году, судя по имеющимся данным по доходам и расходам, обороты издательства продолжали расти.

Такой рост оборотов был связан с активным расширением номенклатуры изданий и объемов производства издательства в течение всех 1920-х гг. Взрывной характер этого роста в течение 1923–1924 гг. был обусловлен прежде всего эффектом низкой базы, когда простое восстановление внутреннего рынка стимулировало опережающие темпы развития издательства. К середине десятилетия рост доходов и расходов «Правды» несколько замедлился, поскольку определявшие его факторы исчерпали свое действие. Хорошо наблюдаемое по табличным данным сокращение роста и даже снижение оборотов в 1925–1926 гг. было вполне объективным процессом, характерным, как уже упоминалось выше, для системы советской печати в целом⁴⁰. Однако, несмотря на сотрясавшие отрасль во второй половине 1920-х гг. сырьевые и производственные кризисы, рост производственной и, соответственно, финансовой активности издательства не прекращался. Связано это было также с тем, что, наряду с еще несколькими крупнейшими издательствами, «Правда» была ключевым произ-

⁴⁰ См. например: РГАЭ. Ф. 7927. Оп. 1. Д. 194. Л. 31.

Обороты издательства «Правда» (1923–1927 гг.) (руб.)⁴¹

Издание	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
ПРАВДА	1 050 327,99	3 754 662,14	5 414 462,97	5 476 305,58	7 048 672,69
БЕДНОТА	344 039,78	616 709,74	742 942,34	677 572,09	730 871,52
КОМС. ПРАВДА	нет	нет	449 096,38	826 300,97	767 801,72
ПРОЖЕКТОР	86 653,68	263 647,39	225 997,31	168 462,24	242 686,86
БОЛЬШЕВИК	нет	83 411,97	206 328,26	309 150,53	450 443,84
ПРЕДПРИЯТИЕ	35 943,44	128 129,75	146 940,83	66 645,86	68 764,70
РАБ. КР. КОРР.	нет	29 750,73	27 098,88	25 450,99	32 751,97
П/ЗНАМ. МАРКСИЗМА	нет	нет	45 814,71	54 692,68	60 229,81
ДЕРЕВЕН. КОММУНИСТ	нет	нет	57 019,99	74 932,88	56 675,63
КНИГИ и БРОШЮРЫ	3 888,98	21 011,88	69 206,61	96 812,61	68 158,58
ПИОНЕРСКАЯ ПРАВДА	нет	нет	нет	нет	52 898,76
КОМИНТЕРН	нет	нет	нет	нет	40 139,65
ЛИСТОК ЮНКОРА	нет	нет	нет	нет	1734,38
РЕВОЛ. И КУЛЬТУРА	нет	нет	нет	нет	12 085,61
НЕ РЕАЛИЗ. ИЗДАНИЯ	6 686,62	76 185,44	115 278,69	119 319,85	нет
РАЗНЫЕ (срыв, мешки, пр.)	25 950,91	141 080,82	225 872,43	362 255,48	556 444,82
ИТОГО:	1 553 490,80	5 114 549,86	7 726 060,01	8 257 901,76	10 190 360,54

⁴¹ РГАЭ. Ф. 7927. Оп. 1. Д. 64 Л. 7.

водителем периодической печати в стране. Несмотря на быстрый рост количества издательств в 1920-е гг., именно крупные предприятия обеспечивали до 50% выпуска периодики. При этом качество этой продукции было выше, а себестоимость ниже, чем у большинства периферийных конкурентов. Иначе говоря, «Правда» решала не только актуальные информационные задачи, но и была востребована как эффективный центр производства, без которого было невозможно насытить советский рынок печати.

Из года в год издательство демонстрировало довольно высокую эффективность, поскольку общее сальдо доходов и расходов в течение практически всего периода было положительным. Так, даже в сложном для советской печати, первом после острого кризиса, 1923 г., «Правде» удавалось свести большинство месячных балансов с уверенной прибылью⁴². А по мере выхода на стабильную траекторию развития издательство демонстрировало все большую финансовую эффективность. Так, в 1926 г. чистая прибыль издательства составила 266 793 руб., в 1927-м — 970 570, а в 1928-м — 546 544 руб. При этом основным источником прибыли издательства была газета «Правда». На ее долю приходилась львиная доля чистой прибыли. Так, в 1927 г. на издание газеты было потрачено 5 920 055 руб. 49 коп., а прибыль от ее выпуска и реализации составила 6 841 438 руб. 10 коп.⁴³ Выпуск других газетных изданий — «Беднота», «Комсомольская правда» и «Пионерская правда» — принес в этом году убыток в 91 841 руб. 68 коп., 74 535 руб. 89 коп. и 13 573 руб. 88 коп. соответственно. Вообще, наличие планово убыточных изданий для «Правды» в этот период было нормой: 8 изданий в 1927 г. были убыточными и только 5 прибыльными⁴⁴.

Расходы издательства «Правда» выглядели следующим образом (табл. 6).

Таблица 6

Расходы издательств «Правда» в 1926–1928 гг. (руб.)⁴⁵

Вид расходов	1926 г.	%%	1927 г.	%%	1928 г.	%%
Производственные	4 597 027	61,2	5 373 134	63,4	5 713 493	61,2
Редакционные	1 575 006	21,0	1 671 613	19,7	2 141 416	22,9
Экспедиционные	987 394	13,1	1 091 972	12,9	1 207 074	12,9
Общие админ. и торг.	354 434	4,7	341 110	4,0	280 868	3,0

⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 891. Л. 5–9.

⁴³ РГАЭ. Ф. 7927 Оп. 1. Д. 64. Л. 9.

⁴⁴ Там же. Л. 5.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 28. Д. 3288. Л. 70.

Ключевой статьёй расходов «Правды» в этот период была закупка бумаги. В стране ощущался ее дефицит, который покрывался импортом и отечественным производством. Сырье из обоих источников было дорогим, а высокие тиражи газет и журналов приводили к тому, что на закупку бумаги уходило до 45–48% от общих расходов издательства. Так, в 1927 г. на закупку бумаги было потрачено 4 061 614 руб. 95 коп., что составило 47,9 % от общих расходов издательства. Для сравнения, на типографскую печать изданий ушло 1 311 518 руб. 71 коп., или 15,47% от всех расходов.

Доходы издательства в 1920-е гг. были вполне типичными для отрасли и состояли из поступлений от подписки, продажи изданий в розницу и рекламы. Также небольшая прибыль приходилось на реализацию неперIODических изданий (табл. 7).

Таблица 7

Доходы издательств «Правда» в 1926–1928 гг. (руб.)⁴⁶

Вид доходов	1926 г.	%%	1927 г.	%%	1928 г.	%%
Подписка	5 895 227	75,8	6 654 791	70,4	7 183 207	72,6
Розница	1 470 088	18,9	2 188 726	23,2	2 033 144	20,6
Объявления	331 128	4,25	545 913	5,8	655 159	6,6
Непериод. издания	84 212	1,05	57 970	0,6	17 885	0,2

Такая структура доходов отражала специфику развития печати во второй половине 1920-х гг., когда уже была хорошо налажена система подписки в стране и существенно сокращена рекламная активность в партийных изданиях. В первой половине 1920-х доходы от рекламы в газете «Правда» могли доходить до 20–27% от общей прибыли⁴⁷. Доходы от реализации газет в розницу также несколько снижались в процентном отношении по мере развития рынка.

Заключение

Несмотря на особый статус «Правды» как ведущего партийного издательства, организация его хозяйственной деятельности в 1920-е гг. не отличалась особым характером. После перехода в начале 1920-х гг. к хозрасчетным отношениям в отрасли она строилась на возмездной реализации продукции потребителям при возмездном же получении ресурсов для ее производства.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 891. Л. 5–8.

Хозяйственная деятельность издательства в известной степени опосредовалась политической целесообразностью, поскольку она перманентно расширялась за счет выпуска не всегда рентабельных, но политически востребованных изданий. Однако это не снимало с «Правды» необходимости «жить по средствам», окупать свою деятельность, чего удавалось достигать прежде всего за счет больших объемов производства своей основной продукции — ежедневной массовой газеты. В целом же в течение практически всех 1920-х гг. «Правда» демонстрировала уверенный рост производства продукции и прибылей, была рентабельным предприятием.

При этом нельзя забывать о том, что хозяйственные и финансовые успехи издательства были не только следствием эффективного управления. «Правда» пользовалась всеми преимуществами политически значимого предприятия, расположенного в центре страны, имеющего преимущественный доступ к наиболее ценным и дешевым ресурсам и эффективной логистике. Руководство издательства в полной мере пользовалось этими возможностями. При этом ограничения на хозяйственную деятельность «Правды» накладывались самой политической системой: в партийных кругах критиковались как публикация объявлений в партийной прессе, так и некоторые методы работы издательства.

References

Andronov S.A. *Boevoye oruzhie partii. Gazeta "Pravda" v 1912–1917 godakh* [The Party's Fighting Weapon: The Newspaper *Pravda* in 1912–1917]. Leningrad: Lenizdat, 1962. 483 p.

Antonov-Ovseyenko A.A. *Germanskii den'gi v bol'shevistskoy pechati: mif i real'nost'* [German Money in the Bolshevik Press: Myth and Reality]. Tver: Tverskoy gosudarstvennyy universitet, 2013. 99 p.

Babyuk M.I. *K voprosu oplaty truda v sfere sovetskikh pechatnykh SMI v period NEPa (po arkhivnym dannym RGASPI)* [On Remuneration in the Sphere of Soviet Print Media during the NEP Period (Based on Archival Materials from RGASPI)] // *Mediaskop*. 2016. Issue 4. — URL: <http://www.mediascope.ru/2236>

Gazeta "Pravda" 75 let [Seventy-Five Years of the Newspaper *Pravda*] / Introduction by V.G. Afanas'ev. Moscow: Pravda, 1987. 62 p.

Korneyev V.V., Kozlov Ya.V. *O finansovoy storone izdaniya gazety "Pravda" (mart–may 1917)* [On the Financial Aspects of Publishing the Newspaper *Pravda* (March–May 1917)] // *Rossia XXI*. 2017. N 5. P. 42–69.

Loginov V.T. *Leninskaya "Pravda". 1912–1914 gg.* [Lenin's *Pravda*, 1912–1914]. Moscow: Politizdat, 1972. 408 p.

Molchanov L.A. *Gazetnaya pressa Rossii v gody revolyutsii i Grazhdanskoy voyny* [Russia's Newspaper Press during the Revolution and the Civil War]. Moscow: Izdatprofpress, 2002. 271 p.

Odessa na stranitsakh "Pravdy": sbornik statey [Odessa in the Pages of *Pravda*: A Collection of Articles] / Ed. by I.M. Kolyada. Odessa: Knizhnoye izdatel'stvo, 1962. 148 p.

Poppel L. The Rhetoric of *Pravda* Editorials: A Diachronic Study of a Political Genre. Stockholm: Sweden by Intellecta DocuSys, 2007. 306 p.

"*Pravda*" 95. *Gazeta na vse vremena: stranitsy istorii gazety (1912–2007 gody)* [*Pravda* 95: A Newspaper for All Times. Pages from the History of the Newspaper (1912–2007)] / Comp. by N.D. Simakov, T.N. Smirnova. Moscow: Redaktsiya gazety "*Pravda*", 2007. 167 p.

"*Pravda*" i *Velikiy Oktyabr*' [*Pravda* and the Great October] / Comp. by V.V. Trushkov. Moscow: Redaktsiya gazety "*Pravda*", 2017. 606 p.

Shnitman A.M. *Bol'shevistskaya gazeta "Pravda" i bolgarskoye rabocheye dvizhenie (1912–1914 gg.)* [The Bolshevik Newspaper *Pravda* and the Bulgarian Workers' Movement (1912–1914)]. Murmansk: Murmanskii gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut, 1962. 78 p.

White J.D. The First *Pravda* and the Russian Marxist Tradition // *Soviet Studies*. 1974. Vol. 26. No. 2. P. 181–204.

Поступила в редакцию
30 июля 2025 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2025-66-6-87-105

Д.С. Парфирьев, З.А. Аджиева, Л.В. Олифер

**ПОЛИТИКА СССР ПО ОТНОШЕНИЮ
К РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В ЗАПОРОЖСКОЙ И ХЕРСОНСКОЙ ОБЛАСТЯХ
В 1944–1948 гг.**

D.S. Parfir'ev, Z.A. Adzhieva, L.V. Olifer

**THE USSR POLICY TOWARDS THE RUSSIAN
ORTHODOX CHURCH IN ZAPOROZHYE
AND KHERSON REGIONS, 1944–1948**

Аннотация. Тема взаимоотношений государства и церкви в СССР на завершающем этапе Великой Отечественной войны и в первые годы после ее окончания всё чаще изучается на региональном материале — в настоящей статье речь идет о ситуации в Запорожской и Херсонской областях. В послевоенные годы оба региона (Херсонская область — с 1946 г.) входили в состав епархий с центрами соответственно в Днепропетровске и Одессе,

Парфирьев Дмитрий Станиславович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН

Parfir'ev Dmitry Stanislavovich, PhD Candidate in History, Senior Research Fellow, Department of the History of Slavic Peoples during the World Wars, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

parfiryeff@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4042-6324

Аджиева Забия Абдулмуслимовна, исполнитель проекта Института славяноведения РАН

Adzhieva Zabiya Abdulmuslimovna, project implementer, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

zabiya.adzhieva@bk.ru

ORCID: 0009-0003-3377-5128

Олифер Лилия Витальевна, исполнитель проекта Института славяноведения РАН

Olifer Liliya Vital'evna, project implementer, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

liliastorozhok@yandex.ru

ORCID: 0009-0002-6039-1827

поэтому в глазах епархиальных управлений и представителей Совета по делам Русской православной церкви они имели второстепенное значение. К тому же оба региона не были проблемными: противоречия между властными структурами и священниками возникали нечасто и быстро разрешались, а большинство духовенства, включая епископат, проявляло патриотизм и лояльность советскому государству и коммунистической партии. Заметных противоречий на национальной или языковой почве в Запорожской и Херсонской областях также не наблюдалось. После освобождения территорий Запорожской и Херсонской областей основными направлениями церковной политики в регионах были борьба с идеологическими последствиями немецкой оккупации и возвращение занятых приходами общественных зданий для размещения в них советских учреждений. Эти задачи были тесно взаимосвязаны: почти все без исключения церковные общины Русской православной церкви появились в изучаемых регионах во время оккупации. Считаясь с этим обстоятельством, власти не рассматривали церковную инфраструктуру как продукт немецкого присутствия, а среди священников и прихожан не отмечалось антисоветских настроений. Изъятие общественных зданий тоже имело скорее практическую, нежели идейно-политическую подоплеку: местные власти и уполномоченные Совета по делам Русской православной церкви всегда предлагали приходам альтернативы, и обе стороны старались решать спорные вопросы компромиссно. Так продолжалось до конца 1948 г., когда и в Херсонской, и в Запорожской областях число приходов стало постепенно сокращаться. В этом отношении ситуация в регионах соответствовала общей картине по стране.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оккупация, Русская православная церковь, Совет по делам Русской православной церкви, Херсонская область, Запорожская область.

Abstract. The problem of the relationship between the state and the church in the USSR at the final stage of the Great Patriotic War and, then, during the first years after its end, is well-studied on regional material. This article is devoted to the situation in the Zaporozhye and Kherson regions. During the post-war years, both regions (the Kherson region only since 1946) formed parts of dioceses with centers in Dnepropetrovsk and Odessa. Therefore, in the eyes of the diocesan administrations and representatives of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church, both regions were of secondary importance. In addition, both regions were not problematic, because contradictions between government structures and clergy occurred infrequently and were quickly resolved. So, the majority of priests, including the episcopate, showed patriotism and loyalty to the Soviet state and the party. There were also no noticeable contradictions of national or

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 25-78-00254 «Опыт восстановления советской идентичности в Запорожской и Херсонской областях в 1943–1948 гг.»).

This article was prepared with the support of the Russian Science Foundation (project No. 25-78-00254 “The Experience of Soviet Identity Restoring in Zaporozhye and Kherson regions in 1943–1948”).

linguistic character in the Zaporozhye and Kherson regions. After the deoccupation of both regions, the main directions of church policy there were struggle against the ideological consequences of German occupation, on the one hand, and the return of public buildings occupied by parishes to Soviet institutions, on the other hand. These tasks were closely interrelated, because almost all Russian Orthodox Church communities appeared in the studied regions during their occupation. Taking this circumstance into account, the authorities did not consider the church infrastructure as a product of the German presence, besides, there was no anti-Soviet sentiment among the priests and parishioners. The seizure of public buildings was also more practical than ideological and political in nature. Local authorities and representatives of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church always offered alternatives to parishes, and both sides tried to resolve controversial issues in a compromise. This tendency continued until the end of 1948, when the number of parishes in both Kherson and Zaporozhye regions began to gradually decrease. In this regard, the situation in the regions corresponded to the picture of the whole country.

Keywords: Great Patriotic War, occupation, Russian Orthodox Church, Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church, Kherson region, Zaporozhye Region.

* * *

Восстановление патриаршества в 1943 г. ознаменовало собой начало принципиального нового этапа во взаимоотношениях Советского государства и Русской православной церкви. В последние десятилетия этот сюжет широко изучается в региональном преломлении¹. В такой оптике значительный интерес представляют регионы Украинской ССР с их сложной этнорелигиозной структурой и опытом длительной гитлеровской оккупации. В настоящей статье внимание сосредоточено на церковной политике советских властей в Запорожской и Херсонской областях с момента их освобождения до конца 1948 г.

Финальная хронологическая рамка нуждается в пояснении. Исследователи истории взаимоотношений государства и церкви в СССР в послевоенные годы, как правило, доводят свои работы до 1953 г., но в то же время сходятся в том, что переломный момент пришелся на последние месяцы 1948 г.: именно тогда началась новая волна преследований духовенства, усилилась пропаганда

¹ См., например: *Зин Н.В.* Взаимоотношения государства и церкви в 1943–1953 гг.: на материалах Владимирского края. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2010; *Михайловский А.Ю.* Взаимоотношения власти и Русской Православной Церкви в 1943–1965 гг.: на материалах Рязанской области. Дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2011; *Бурдуков И.В.* Смоленская епархия Русской Православной Церкви в вероисповедной политике советского государства и жизни общества в 1943–1964 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Смоленск, 2024.

атеизма, а открытие новых церквей и молитвенных домов пошло на спад — церковь стала вытесняться на периферию общественной жизни².

В российской и украинской историографии достаточно хорошо освещены разные аспекты государственно-церковной политики в южных регионах УССР на завершающем этапе Великой Отечественной войны. Украинские историки активно использовали материалы отчетов уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви (СДРПЦ) по соответствующим областям, но в основном до 1946 г. включительно³. В основе настоящего исследования лежат ежеквартальные отчеты (доклады) уполномоченных СДРПЦ в Запорожской и Херсонской областях за первые послевоенные годы, отложившиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации, в том числе за 1947 и 1948 гг., которые ранее почти не привлекались исследователями. В этих документах содержатся не только тексты отчетов как таковых, но и отклики на них руководства в Киеве и Москве, материалы переписки уполномоченных с церковными деятелями и местными органами власти и партии — в оригинале или в виде пространственных цитат.

Епархии Русской православной церкви на территории УССР еще в 1921 г. были объединены в так называемый Украинский экзархат. С началом Великой Отечественной войны вся территория республики и, соответственно, экзархата была постепенно захвачена немецкими войсками. На оккупированных территориях УССР конкурировали две вновь созданные украинские православные церкви — Автономная и Автокефальная. Если первая, как это ни парадоксально в тех условиях, признавала верховенство Москвы, то автокефалисты выступали против единства с Русской православной церковью. При этом, в отличие от Автокефальной церкви,

² Одинцов М.И. Вероисповедная политика советского государства в 1943–1953 гг. // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг. М., 2015. С. 492–497; Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2005. С. 347; Обозный К.П. Предисловие // «Новый курс» государственной религиозной политики в СССР и положение христианских церквей в 1943–1948 годах: новые материалы, гипотезы, оценки. М., 2026. С. 9.

³ См., например: Лисенко О.Є. Церковне життя в Україні. 1943–1946 рр. Київ, 1998; Войналович В. Партійно-державна політика щодо релігії та релігійних інституцій в Україні 1940–1960-х років: політологічний дискурс. Київ, 2005; Михайлуца М.І. Православна церква на півдні України в період Другої світової війни у контексті політики радянського і румунського режимів. Дис. ... докт. іст. наук. Київ, 2009; Татарченко О. Становище Руської православної церкви на Херсонщині у другій половині 1940-х — початку 1950-х років // Краєзнавство. 2016. № 1/2. С. 142–155.

все 16 епископов-«автономистов» были украинцами по происхождению⁴.

К февралю 1944 г. советскими войсками была освобождена вся территория Запорожской области. Центр включавшей этот регион епархии, Днепропетровск, а также город Запорожье были отвоеваны еще раньше — 25 и 14 октября 1943 г. соответственно. Херсон был освобожден 13 марта 1944 г. в ходе Днепровско-Карпатской операции, область — к концу того же месяца⁵. 30 марта в составе УССР была учреждена Херсонская область, в ее состав вошли 13 районов Николаевской области и 6 — Запорожской. Если большинство представителей епископата Автокефальной церкви отступили с немцами, то архиереи Автономной церкви в основном остались. Из тех, кто уехал, некоторые впоследствии возвратились в СССР, в том числе бывший херсонский епископ Антоний (Марценко)⁶.

Вопросами украинских епархий в 1944–1948 гг. занимался уполномоченный СДРПЦ при СНК УССР П.С. Ходченко. Именно ему направлялись отчеты областных уполномоченных. Ходченко вступил в должность 8 марта 1944 г. К этому времени претендент на пост уполномоченного для Запорожской области уже был намечен, но назначение еще не состоялось. После создания Херсонской области, во второй половине апреля, встал вопрос о выборе кандидатуры и для этого региона. К 1 июня уполномоченный по Запорожской области уже был назначен, по Херсонской еще нет⁷. Это было закономерно, поскольку процесс подсчета и регистрации религиозных общин и духовенства в Херсонской области происходил позднее: работу замедляла летняя кампания по сбору урожая, требовавшая внимания органов исполнительной власти⁸.

В 1944–1945 гг. в Запорожской области уполномоченными были Леженков и Завгородний, в Херсонской — Коровин, в начале 1945 г. их заменили Ситников и Салмин⁹. В январе 1947 г. место Салми-

⁴ Якунин В.Н. Положение Православной церкви на Украине в период фашистской оккупации в 1941–1944 гг. // Белоруссия и Украина: история и культура. 2005/2006. М., 2008. С. 196.

⁵ Перехрест О.Г. Українське село в 1941–1945 рр.: економічне та соціальне становище. Черкаси, 2011. С. 456.

⁶ Якунин В.Н. Указ. соч. С. 203–204; Демидова Н.И. Кадровая политика Московской патриархии и состав епископата Русской православной церкви в 1940–1952 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 127–129.

⁷ Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. М., 2009. С. 300–301.

⁸ Михайлуца М.І. Указ. соч. С. 271–274.

⁹ Лисенко О.Є. Церковне життя в Україні. 1943–1946 рр. С. 60; Михайлуца М.І. Указ. соч. С. 262.

на занял Плахотный¹⁰. Хотя уполномоченный СДРПЦ при Совете министров УССР Ходченко и его заместитель Катунин делали замечания всем уполномоченным, Ситников, кажется, был одной из главных мишеней критики. Доклады запорожского уполномоченного порицались за краткость и малосодержательность, слабо аргументированные доводы, при этом отмечалось, что свои прежние ошибки автор не исправляет¹¹. Так, отчет Ситникова за первый квартал 1947 г. Катунин в письме к нему назвал «настолько безграмотным, настолько безответственным, что не хотелось бы верить, что писали его Вы»¹². В докладах Ситникова подмечались даже такие курьезные мелочи, как слово «аэромонах» вместо «иеромонаха»¹³. Предшественникам Ситникова и его херсонским коллегам доставалось заметно меньше: так, например, Плахотного просили быть «более вдумчивым» в оценках ситуации в регионе, критиковали за «трафаретность» и «недоработку» и советовали приехать в Киев на инструктаж¹⁴.

Ключевое внимание властей и уполномоченных СДРПЦ было приковано к главам епархий. Назначение тех или иных епископов определялось разными факторами: позицией Патриархии, СДРПЦ, советских органов, учитывалось и мнение местного духовенства. Архиепископом Днепропетровским и Запорожским в январе 1944 г. стал Андрей (Комаров). Он занимал эту кафедру до самой смерти в 1955 г. До назначения в Днепропетровск Андрей никогда не служил на территории Украины: вся его священническая карьера была связана с Поволжьем¹⁵. В Запорожской области Андрей бывал нечасто — верующие сетовали на то, что «наш владыко больше заинтересован в Днепропетровской епархии нежели в Запорожской»¹⁶.

На фоне стабильного Запорожья в Херсонской области главы епархии в 1944–1949 гг. часто менялись. Надо заметить, что за исследуемый период изменился и статус самого Херсона — в 1946 г. епархиальный центр был перенесен в Одессу¹⁷. В конце 1944 г. епи-

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 240. Л. 1–3, 8.

¹¹ Там же. Д. 225. Л. 1–2, 16–16 об.; Д. 368. Л. 29.

¹² Там же. Д. 225. Л. 2.

¹³ Там же. Л. 16 об.

¹⁴ Там же. Д. 383. Л. 35–35 об., 60, 85 об.

¹⁵ Киреев А.И. Епархии и архиереи Русской православной церкви в 1943–2005 годах. М., 2005. С. 244.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 225. Л. 5.

¹⁷ Войналович В. Указ. соч. С. 212.

скопом Херсонским и Николаевским был назначен Фотий (Топиро), занимавший кафедру до февраля 1945 г. В апреле 1945 г. его преемником стал Михаил (Рубинский). После переноса кафедры в Одессу на смену Михаилу пришел Сергей (Ларин), прежде епископ Одесский и Кировоградский. В октябре–декабре 1947 г. епископом Одесским и Херсонским был Филипп (Ставницкий), затем, до августа 1948 г., снова Фотий (Топиро). Наконец, Фотия сменил Никон (Петин)¹⁸. Все это были люди с разными биографиями. Самой лояльной советской власти фигурой, на первый взгляд, представляется Фотий: в прошлом обновленец, он был креатурой СДРПЦ и в глазах патриарха имел репутацию скорее «государственного» человека, чем «церковного»¹⁹. При этом Фотий, в отличие от Днепропетровского и Запорожского архиепископа и своего преемника Никона, не был награжден медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны»²⁰. В бытность на одесской кафедре он продолжал оставаться нежелательной для патриарха фигурой — тот активно продвигал на его место Никона, руководившего устройством патриаршей резиденции в одесском Успенском монастыре, где председатель Русской православной церкви проводил отпуска²¹. Для Михаила (Рубинского) Херсонско-Николаевская кафедра вовсе была первым опытом епископского служения — перед отъездом в Херсон, 29 апреля 1945 г., он был рукоположен из протоиереев. Председатель СДРПЦ Г.Г. Карпов отзывался о Михаиле негативно, отмечая, что тот присваивал церковные средства и злоупотреблял алкоголем²².

Области, в которых располагались епархиальные центры, привлекали более пристальное внимание властей и СДРПЦ. В этом смысле как Запорожская область, так и Херсонская — после переноса кафедры в Одессу — оказались на периферии внимания государства. Так, если днепропетровский уполномоченный за 1945 г. встретился с 900 священнослужителями, то его запорожский коллега — со 120–150. Диспропорция очевидна: по числу жителей Днепропетровская область превосходила Запорожскую всего в 1,5 раза, а по количеству приходов — на треть²³. Уполномоченный СДРПЦ рапортовал

¹⁸ Киреев А.И. Указ. соч. С. 37–38, 53–54; Демидова Н.И. Указ. соч. С. 190.

¹⁹ Демидова Н.И. Указ. соч. С. 47–48, 62.

²⁰ Лисенко О.Є. Держава і релігійні конфесії в Україні (1943–1945 рр.) // Актуальні проблеми вітчизняної історії ХХ ст. Т. 2. Київ, 2004. С. 205.

²¹ Демидова Н.И. Указ. соч. С. 190.

²² Она же. С. 109.

²³ Лисенко О.Є. Церковне життя в Україні. 1943–1946 рр. С. 70; Войналович В. Указ. соч. С. 681.

в Киев, что архиепископ Андрей совсем не обращается к пастве в Запорожской области, а сам он почти не видится с архиереем — так, за весь 1947 г. Ситников всего единожды разговаривал с Андреем, беседа продлилась 30–40 минут²⁴. В Херсонской области после переноса кафедры в Одессу наметилась та же тенденция: вместо епископа Сергия уполномоченный СДРПЦ встречался с его «секретарем по области» архимандритом Назарием²⁵.

Если в Запорожской области борьба с проявлениями коррупции в церковной среде началась прямо с появлением там Андрея — архиепископ сам инициировал возбуждение уголовных дел против нечистых на руку священников²⁶, — то в Херсонской области эта практика наметилась, как ни парадоксально, лишь с переносом кафедры в Одессу. Епископ Сергей первым стал проявлять к духовенству «жесткую требовательность» по сравнению с предшественниками. Бывший секретарь епископа Михаила уже при Сергии был лишен сана и даже предан анафеме за присвоение более миллиона рублей государственных и церковных средств. Энергичные меры нового епископа даже привели к появлению «оппозиции» Сергию внутри епархии, но всё закончилось тем, что фрондирующие священники были уволены со службы, и позиция клира «умиротворилась»²⁷. В целом и в Запорожской, и в Херсонской областях конфликтов между отдельными священниками и властью почти не было. Обычно для урегулирования таких противоречий уполномоченные СДРПЦ по области выезжали в приходы, но для обоих регионов такие поездки были редкостью. Так, если на Западной Украине представители СДРПЦ проводили в визитах в приходы более половины рабочего времени, а в центральной — более трети, то их херсонский коллега в 1947 г. потратил на это всего 65 дней, а запорожский и того меньше²⁸.

После освобождения Запорожской и Херсонской областей — как, впрочем, и других переживших оккупацию регионов СССР — власти столкнулись с дилеммой. С одной стороны, церковную жизнь следовало освободить от идеологического наследия оккупации. С другой стороны, своего рода продуктом оккупации была вся сложившаяся к этому времени церковная структура: почти все

²⁴ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 225. Л. 7–8, 39.

²⁵ Там же. Д. 240. Л. 40, 58.

²⁶ Там же. Д. 225. Л. 6, 40–41.

²⁷ Там же. Д. 240. Л. 30, 44–46.

²⁸ Войналович В. Указ. соч. С. 139.

общины на этих территориях возникли при немцах. В Запорожской области до войны вообще не было действующих церквей и молитвенных домов, а в Херсоне в канун Великой Отечественной войны оставалась одна действующая церковь. Подавляющее большинство духовенства в областях к 1941 г. оказалось под арестом²⁹. Но это вовсе не означало, что священники были настроены поголовно антисоветски и сочувствовали оккупантам: среди духовенства были священнослужители, которые спасали людей от отправки на принудительные работы, укрывали евреев и бежавших из плена советских военнослужащих, помогали военнопленным³⁰. Да и благосклонность оккупантов к церкви не следует преувеличивать: немецкие власти и коллаборационисты, на уровне лозунгов поощрявшие активизацию церковной жизни, вместе с тем требовали продолжать полевые работы во время церковных праздников³¹.

К концу Великой Отечественной войны ни в Запорожской, ни в Херсонской области приходов Автокефальной церкви уже не осталось, поэтому борьба с автокефалистами не стояла на повестке дня³². Больше внимания уделялось даже евангельским христианам-баптистам: несмотря на то что и в Запорожской, и в Херсонской областях число верующих баптистов после войны возрастало, количество общин с каждым годом сокращалось. За пять послевоенных лет оно упало с 77 до 57 в Запорожской и с 36 до 20 в Херсонской области³³.

Борьба с идеологическими последствиями оккупации в обеих епархиях растянулась на несколько лет после освобождения регионов. В 1946–1947 гг. сотрудники херсонского облполита продолжали искать в храмах и церковных библиотеках антисоветскую литературу, выпущенную при гитлеровцах, а некоторые священники и спустя два года после войны разоблачались как проводившие «шпионскую деятельность в пользу немцев»³⁴. Полностью избавиться от духовенства, которое находилось на оккупированной территории, было невозможно: к концу 1948 г. 82 из 117 священников и 7 из 8 диаконов в Запорожской области имели опыт пребывания на оккупирован-

²⁹ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 368. Л. 63; Михайлуца М.И. Указ. соч. С. 86–87, 110.

³⁰ Лисенко О.Є. Держава і релігійні конфесії в Україні (1943–1945 рр.). С. 191–192.

³¹ Перехрест О.Г. Указ. соч. С. 187.

³² Михайлуца М.И. Указ. соч. С. 278.

³³ Войналович В. Указ. соч. С. 525.

³⁴ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 240. Л. 2, 39.

ной территории, причем все они вернулись на церковную службу во время войны. 22 человека имели судимость, в основном по 58-й статье³⁵.

Подчеркивая свою лояльность советской власти, духовенство обеих областей — как, впрочем, и по всей стране — и до, и после окончания войны выступало с патриотическими лозунгами и инициативами. Пока это было актуально, священники предлагали меры по содействию фронту. Например, в декабре 1944 г. благочинный Херсона обратился к духовенству города с предложением усилить молитву за победу над врагом, организовав еженедельное «всенародное моление» в храмах города, и провести тарелочные сборы в пользу армии³⁶. После окончания войны, накануне выборов в Верховный Совет УССР, священники напоминали пастве, что 9 февраля богослужения завершатся в 8.30, а затем молящиеся вместе со священниками «направятся к своим избирательным участкам для исполнения гражданского долга»³⁷. По случаю 30-й годовщины Октябрьской революции 7 ноября 1947 г. после молебна во всех церквях было зачитано послание от патриарха и экзарха Украины³⁸. В обращениях к «верным чадам» епископы призывали паству «честно трудиться» и «героически бороться за восстановление былой славы сельского хозяйства»³⁹.

Немногочисленные случаи антисоветских высказываний священников уполномоченные СДРПЦ бдительно фиксировали в отчетах. В Херсонской области внимание уполномоченного привлек один из священников кафедрального собора Херсона, который на богослужении в День Победы заявил, что «ни Сталин, ни правительство, ни сама армия победили врага, а Бог», а затем призвал паству не посылать поздравительных телеграмм в обком партии. Этот случай подробно разбирался в переписке с Ходченко⁴⁰. В 1948 г. Плахотный отметил высказывания одного сельского священника, который после одного из венчаний посоветовал прихожанам не «жить, как псы», и брать пример с новобрачных⁴¹. В других ситуациях священники сами пресекали антисоветскую риторику паствы. Ярким примером стала реакция священника из села Большая Александровка на слухи

³⁵ Там же. Д. 368. Л. 49, 57.

³⁶ Лисенко О.Є. Держава і релігійні конфесії в Україні (1943–1945 рр.). С. 199.

³⁷ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 225. Л. 9.

³⁸ Там же. Л. 43.

³⁹ Там же. Л. 28–29.

⁴⁰ Там же. Д. 240. Л. 26.

⁴¹ Там же. Д. 383. Л. 39.

вокруг погрома и пожара, который в 1948 г. в молитвенном доме этого села устроил местный житель В.Н. Чуйко. В селе ходили разговоры, что поджигателя подстрекали местные власти, но эти слухи настойчиво опровергал сам священник⁴².

Областные партийные органы стремились контролировать религиозную ситуацию и регулярно поддерживали связь с уполномоченными СДРПЦ, проявляя интерес к их ежеквартальным отчетам. В июле 1946 г. первый секретарь Запорожского обкома КП(б) У Ф.С. Матюшин впервые встретился с Ситниковым, и после этого тот регулярно посылал или сообщал устно сведения о церковной жизни региона секретарю обкома партии по пропаганде⁴³. Его херсонский коллега за 1947 г. пять раз был принят секретарем обкома КП(б)У по пропаганде — последнего интересовали как общее положение церкви, так и отдельные приходы⁴⁴. Данными, которые собирались Плахотным, пользовались и культурно-просветительские учреждения Херсонской области: информация, в каких населенных пунктах «более широко развита религиозность», в том числе среди молодежи, в дальнейшем использовалась для усиления «политико-воспитательной работы» на местах. Это приносило плоды: в селах, где такая работа уже была «усилена», ходатаи о восстановлении и открытии храмов к уполномоченному больше не приходили⁴⁵.

Другой важной задачей советских властей на протяжении 1944–1949 гг. было освобождение церковными общинами общественных помещений, занятых в период оккупации, причем как заведомо нецерковных зданий, так и тех, которые когда-то принадлежали церкви, но в советское время стали школами, клубами, банками и т.д. Это направление деятельности имело не столько идеологический, сколько технический характер: многие общественные здания были разрушены во время войны, и практика изъятий у церковных общин должна была ускорить восстановление культурной и образовательной инфраструктуры. Во-первых, процесс выселения проходил постепенно: в Запорожской области в 1944 г. было освобождено 7 помещений, в 1945 г. — 11, в 1946 г. — 12, в 1947 г. — 6 и в 1948 г. — 3. К 1 января 1949 г. из занятых в оккупации общественных помещений в распоряжении церковных оставалось 21, включая 10 изначально

⁴² Там же. Л. 24–25, 31–32.

⁴³ Там же. Д. 368. Л. 55.

⁴⁴ Там же. Д. 383. Л. 85–86.

⁴⁵ Там же. Л. 63, 68.

церковных⁴⁶. Во-вторых, местные власти, требуя от общины освободить то или иное помещение, были обязаны предоставить альтернативу. Когда староста церкви в Чернобаевке Херсонского района обжаловал предложение райздравотдела передать помещение общины под родильный дом, уполномоченный заверил его, что община может оставаться на прежнем месте до тех пор, пока район не выделит альтернативное помещение⁴⁷.

Ходатайства об оставлении за общиной тех или иных помещений, как правило, отклонялись. Так, запорожскому духовенству было отказано в сохранении помещения бывшего спортзала в Мелитополе и здания крытого рынка в Запорожье, занятых под молитвенные дома. В обоих случаях молитвенные дома без эксцессов перебрались в другие помещения⁴⁸. В январе 1945 г. исполком Херсонского облсовета депутатов трудящихся вернул областному комитету по делам физкультуры и спорта здание Успенского собора под Дворец физкультуры, который там же и находился в 1931–1941 гг. Епископ Михаил согласился перенести кафедральный собор в Духовскую церковь Херсона⁴⁹. В некоторых случаях власти, настаивая на переносе, руководствовались идеологическими соображениями. Так, в одном из сел Высокопольского района молитвенный дом, расположенный в одном дворе с детдомом, «крайне неблагоприятно влиял на воспитание детей», а в Цюрупинском районе церковь на территории ветеринарного техникума отрицательно влияла на «идейно-политическое воспитание студентов»⁵⁰.

В редких случаях приходы отказывались от предложенного варианта — так, одной из общин в Херсонской области был предложен бывший костел, но та отказалась и самоликвидировалась⁵¹. Некоторые приходы пытались затягивать процесс передачи, обжалуя соответствующее решение сельсовета в райсовете и далее продолжая обращаться по этому поводу в новые инстанции⁵². Другие предпочитали арендовать или приобретать здания: из 37 приходов Херсонской области, у которых в 1944–1946 гг. изъяли общественные здания, так поступили 14 приходов⁵³.

⁴⁶ Там же. Д. 368. Л. 64–65.

⁴⁷ Там же. Д. 240. Л. 12.

⁴⁸ Там же. Д. 368. Л. 3–4, 32.

⁴⁹ Там же. Д. 240. Л. 13.

⁵⁰ Там же. Д. 383. Л. 39; Д. 240. Л. 27.

⁵¹ Там же. Л. 12.

⁵² Там же. Д. 225. Л. 41–42.

⁵³ Там же. Д. 240. Л. 12.

В Херсонской области плотность церковной сети была значительно выше: на момент создания нового региона в нем проживали около 503 тыс. чел., а действующих церквей и молитвенных домов Русской православной церкви насчитывалось 113. Население Запорожской области составляло в 1944 г. около 927 тыс. чел., а церквей и молитвенных домов в ее границах было 134⁵⁴. Эта цифра не менялась до конца 1948 г. Монастырей в области при этом не было вообще, зато в каждом районе была хотя бы одна действующая церковь⁵⁵. В Херсонской области к началу 1947 г. число церквей и молитвенных домов немного возросло — их было уже 115, но областной уполномоченный СДРПЦ заверял руководство, что это «кульминационная точка» в отношении их численности⁵⁶. Как и в Запорожской области, на Херсонщине общая численность молитвенных сооружений была неизменной до конца 1948 г., кроме того, здесь также во всех районах были действующие церкви, и нигде не было монастырей⁵⁷.

Лишь с осени 1948 г. число церквей и молитвенных домов по обоим регионам стало постепенно сокращаться: к началу следующего года в Запорожской области оставалось уже не 134, а 130 действующих церквей и молитвенных домов, а к октябрю 1949 г. — 127⁵⁸. В Херсонской области к началу 1949 г. было уже не 115, а 107 церквей и молитвенных домов⁵⁹. Об открытии новых храмов или молитвенных домов речи и вовсе не шло. В органы власти Херсонской области в 1944–1947 гг. ходатайства об открытии церквей или молитвенных домов не подавались вообще, а в 1948 г. поступили два ходатайства, но оба были отклонены⁶⁰. В Запорожской области за период 1944–1948 гг. поступило единственное ходатайство об открытии церкви — в 1946 г. в селе Новоданиловка Акимовского района⁶¹.

Главной причиной почти полного отсутствия ходатайств об открытии новых церквей было недостаточное число православных священников, которых не хватало не только для создания новых приходов, но и для сохранения старых. И в Запорожской, и в Херсонской областях некоторые приходы, возникшие во время оккупации,

⁵⁴ Войналович В. Указ. соч. С. 681.

⁵⁵ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 225. Л. 11, 31, 48; Д. 368. Л. 13, 23, 44.

⁵⁶ Там же. Д. 240. Л. 9.

⁵⁷ Там же. Л. 19, 34, 49, 73; Д. 383. Л. 18, 46, 72.

⁵⁸ Там же. Д. 368. Л. 65; Войналович В. Указ. соч. С. 681.

⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 383. Л. 98.

⁶⁰ Там же. Д. 240. Л. 21, 36, 51, 75; Д. 383. Л. 7, 37, 48, 74, 100.

⁶¹ Там же. Д. 225. Л. 13, 38; Д. 368. Л. 17, 32, 60.

были оставлены священниками: одни отступили с немцами, другие были арестованы, третьи выразили желание отправиться на фронт и т.д. В Запорожской области опустевшие приходы присоединялись к другим — такова была позиция архиепископа Андрея, который в целом неохотно шел на любые уступки властям и предпочитал ликвидации приходов их слияние⁶². На этой почве архиерей расходился как с местным уполномоченным СДРПЦ, так и с его руководством в Киеве. В конце 1947 г. Ситников сообщал начальству, что в области осталось 15 «бесхозных» приходов, и предлагал взять «твердый курс на снятие с регистрации» тех церквей и молитвенных домов, которые находились в «безжизненном состоянии»⁶³. Но Андрей открыто противодействовал закрытию церквей. Ходченко в отчетах в Москву называл архиепископа человеком скрытным, хитрым и «не без способности на подлость»⁶⁴. Интересно, что у киевского начальства сама практика объединения и укрупнения приходов претензий не вызывала: в феврале 1949 г. Ходченко даже недоумевал, почему Ситников запретил передачу одному из молитвенных домов имущества близлежащей закрытой сельской церкви⁶⁵.

«Объединение маломощных приходов» практиковалось и в Херсонской области, но с приходом на одесскую кафедру Сергия (Ларина) этот процесс затормозился: новый владыка усматривал в желании объединять приходы корыстные цели отдельных священников⁶⁶. С учетом настроений Сергия некоторые священнослужители стремились расширить территории своих приходов без устройства молитвенных домов. Так, настоятель церкви села Преображенка Чаплынского района 27 марта пытался добиться разрешения совершать богослужения в самой Чаплынке, где не было ни церкви, ни молитвенного дома⁶⁷. В первом квартале 1948 г. в Херсонской области были сняты с регистрации 1 церковь и 4 молитвенных дома из-за отсутствия священников⁶⁸.

Одним из способов компенсировать недостаток кадров на местах было прибытие православных священников с бывшей и оставшейся территории Польши — как из той части Западной Украины, которая вошла в состав СССР, так и из районов, сохранившихся

⁶² Там же. Л. 5.

⁶³ Там же. Д. 225. Л. 43–44.

⁶⁴ Войналович В. Указ. соч. С. 215.

⁶⁵ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 368. Л. 58.

⁶⁶ Там же. Д. 240. Л. 40; Д. 383. Л. 33.

⁶⁷ Там же. Д. 240. Л. 9.

⁶⁸ Там же. Д. 383. Л. 6.

под юрисдикцией Варшавы. И в Запорожскую, и в Херсонскую область в 1945 г. было направлено по 9 священнослужителей-репатриантов⁶⁹. Впрочем, некоторые из них в течение нескольких лет уехали обратно, причем кое-кто самовольно оставил приходы, не ходатайствуя о переводе в другие епархии⁷⁰.

Важным показателем характера взаимоотношений между органами советской власти в Запорожской и Херсонской областях и церковью были жалобы областным уполномоченным СДРПЦ. Из статистики в отчетах уполномоченных подчас трудно понять, какая доля жалоб в действительности была связана с действиями местных властей. Так, в первом квартале 1947 г. из 29 жалоб по Запорожской области 6 касались взимания налогов и 23 были занесены в раздел «разное», при этом жалоб в категории «действия местных органов и Советов» не было зафиксировано вовсе⁷¹. Во втором квартале того же года только 2 из 50 жалоб имели отношение к действиям властей и целых 33 попали в категорию «разное»⁷². Стоит учесть, что и к разряду «действий местных органов» иногда относились сугубо финансовые вопросы: например, настоятель церкви села Острогоновка Чаплынского района Херсонской области жаловался, что райфинотдел начислил приходу за 1946 г. слишком высокий налог⁷³. Но даже погрешности в классификации жалоб не препятствуют выводу, что в обеих областях их было мало. В Херсонской области за 1947 г. было подано 34 жалобы, из которых всего 4 — на «действия местных органов», за 1948 г. — 18 и 5 соответственно, причем в третьем квартале никаких жалоб не поступало⁷⁴. В Запорожской области в 1947 г. жалоб уполномоченным было значительно больше, о чем упоминается выше, но их число от квартала к кварталу шло на спад, и во втором полугодии 1948 г. жалоб уже не было вовсе⁷⁵.

Примеры жалоб, которые были подробно прокомментированы в докладах уполномоченных, позволяют сделать некоторые выводы. Во-первых, большинство противоречий между церковью и властями возникало на почве действий отдельных представителей власти. Во-вторых, почти всегда уполномоченный — а вслед за ним

⁶⁹ Войналович В. Указ. соч. С. 210–211.

⁷⁰ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 225. Л. 38–39; Д. 240. Л. 39.

⁷¹ Там же. Д. 225. Л. 15.

⁷² Там же. Л. 34.

⁷³ Там же. Д. 240. Л. 11.

⁷⁴ Там же. Л. 23, 38, 53, 77; Д. 383. Л. 22, 50, 73, 102.

⁷⁵ Там же. Д. 225. Л. 15, 34, 50; Д. 368. Л. 12, 24, 46, 69.

и инстанция, в которую он обращался для решения проблемы, — вставали на сторону священника. Так, в Запорожской области первый секретарь Больше-Белозерского райкома партии предписал священнику проводить службу ночью, а не днем, чтобы в дневное время колхозники были на работе в поле. После вмешательства уполномоченного СДРПЦ областное партийное руководство признало поведение первого секретаря неподобающим⁷⁶. В Благовещенке Херсонской области председатель сельсовета и директор местной МТС запретили колхозам продавать священнику солому для топлива, а шоферам — подвозить его на машине, а секретарь парторганизации той же МТС предписал прекратить реставрацию икон в местной церкви. Уполномоченный попросил председателей райисполкомов «устранить такие действия»⁷⁷. В апреле 1947 г. начальник милиции города Осипенко вызвал настоятеля местного собора и пригрозил ему арестом, указав, что по закону детям моложе 16 лет нельзя присутствовать в общественных местах после 8 часов вечера, и на богослужениях позже этого времени они появляться не должны. После вмешательства уполномоченного СДРПЦ областная прокуратура, а затем и руководство УМВД по Запорожской области встали на сторону церкви, и начальник милиции получил дисциплинарное взыскание⁷⁸.

Известны эпизоды, в которых органы власти не с подачи уполномоченных СДРПЦ, а, наоборот, вопреки их мнению занимали сторону прихода или священника. Так, в ноябре 1948 г. Запорожский облисполком на сообщение Ситникова, что один из священников «в целях разжигания религиозного фанатизма» «отмаливает» болезни, возразил, что это обвинение «неконкретно и не подтверждено фактами»⁷⁹. В другом случае руководство в Киеве осудило Ситникова за вмешательство в вопрос, какую сумму одна из церквей Каменского района собирает на ремонт, отметив, что «это относится к внутрицерковной жизни»⁸⁰.

Нельзя не отметить, что в отчетах уполномоченных по Запорожской и Херсонской областям не встречаются указания на национальную или языковую подоплеку тех или иных конфликтов и вообще на любые проявления столкновения «русского» и «украинского»

⁷⁶ Там же. Л. 55–56.

⁷⁷ Там же. Д. 240. Л. 28; Д. 383. Л. 91.

⁷⁸ Там же. Д. 225. Л. 19–22.

⁷⁹ Там же. Д. 368. Л. 27.

⁸⁰ Там же. Л. 29.

элементов. Это вряд ли можно объяснить самоцензурой, поскольку авторы докладов затрагивали весьма чувствительные политические вопросы, вплоть до сотрудничества священников с органами НКВД–МГБ⁸¹.

К 1949 г. вопросы, решавшиеся еще до окончания Великой Отечественной войны, по-прежнему не были закрыты. В 1947 г. уполномоченный по Запорожской области докладывал, что основные споры о занятых религиозными общинами помещениях решились в 1945–1946 гг., а с 1947 г. на первый план вышли правильность налогообложения, условия аренды и иные подобные вопросы⁸². При этом в планы уполномоченного на первое полугодие 1949 г. вошли продолжение мер к освобождению общественных помещений, занятых под молитвенные дома, и пристальное изучение духовенства, «поставленного на службы во время временной оккупации»⁸³.

Итак, в положении Русской православной церкви в послевоенных Запорожской и Херсонской областях было много общего — особенно после переноса кафедры из Херсона в Одессу в 1946 г. и перехода Херсонщины на «второстепенное» место в епархии. Это редкая коммуникация епископата и духовенства в целом с представителями СДРПЦ, незначительное количество жалоб на действия властей, патриотическая риторика и борьба с проявлениями коррупции среди священников. Что касается охлаждения взаимоотношений между церковью и государством, ситуация в обоих регионах вписывалась в общесоюзную тенденцию, отмеченную историками: именно в конце 1948 г. в Запорожской и Херсонской областях наметился сдвиг в сокращении числа церквей и молитвенных домов. Окончательное решение этого вопроса пришлось уже на тот период, когда отношения между государством и церковью стали ухудшаться.

References

Burdukov I. V. *Smolenskaya eparkhiya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v veroispovednoy politike sovetskogo gosudarstva i zhizni obshchestva v 1943–1964 gg.: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk* [The Smolensk Diocese of the Russian Orthodox

⁸¹ Так, в отчете херсонского уполномоченного за 1948 г. обсуждались действия херсонского священника Степанского, противника епископа Сергия (Ларина), который утверждал, что выполняет «прямые задания органов государственной безопасности» и «все докладывает» им о событиях в епархии (ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 240. Л. 63).

⁸² Там же. Д. 225. Л. 18–19.

⁸³ Там же. Д. 368. Л. 71.

Church in the Religious Policy of the Soviet State and the Life of Society in 1943–1964: PhD Candidate in History Dissertation]. Smolensk: Bryanskiy gosudarstvennyy universitet imeni akademika I.G. Petrovskogo, 2024. 247 p.

Demidova N.I. *Kadrovaya politika Moskovskoy patriarkhii i sostav episkopata Russkoy pravoslavnoy tserkvi v 1940–1952 gg.: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk* [Personnel Policy of Moscow Patriarchate and Composition of Episcopate of Russian Orthodox Church from 1940 to 1952: PhD Candidate in History Dissertation]. Moscow: Rossijskaya akademiya gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente Rossijskoy Federatsii, 2007. 220 p.

Kireev A.I. *Eparkhii i arkhieri Russkoy pravoslavnoy tserkvi v 1943–2005 godakh* [Eparchies and Hierarchs of Russian Orthodox Church from 1943 to 2005]. Moscow: [s. n.], 2005. 544 p.

Lysenko O.E. *Derzhava i relihiyni konfesii v Ukraini (1943–1945 rr.)* [The State and Religious Confessions in the Ukraine, 1943–1945] // *Aktual'ni problemy vitchiznyanoi istorii XX st.* [Current Problems of Domestic History of the 20th Century]. Vol. 2. Kyiv: Instytut Istorii Ukrainy, 2004. P. 155–209. — URL: <https://resource.history.org.ua/item/0002026> (date of retrieval: 8.12.2025).

Lysenko O.E. *Tserkovne zhyttia v Ukraini. 1943–1946 rr.* [Church Life in the Ukraine, 1943–1946]. Kyiv: NAN Ukrainy, Instytut Istorii Ukrainy, 1998. 403 p.

Mykhailutsa M.I. *Pravoslavna tserkva na pivdni Ukrainy v period Druhoi svitovoi viyny u konteksti polityky radyans'koho i rumuns'koho rezhymiv: disertatsiya ... doktora istorichnikh nauk* [Orthodox Church in Southern Ukraine during The Second World War in the Context of Soviet and Romanian Regimes' Policy: Doctor in History Dissertation]. Kyiv: Natsional'nyy universitet "Kievo-Mogilyans'ka akademiya", 2009. 518 p.

Mikhaylovskiy A.Yu. *Vzaimootnosheniya vlasti i Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v 1943–1965 gg.: na materialakh Ryazanskoy oblasti: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk* [Relations between the Authorities and the Russian Orthodox Church in 1943–1965: Based on Materials from the Ryazan Region: PhD Candidate in History Dissertation]. Vladimir: Vladimirskiy gosudarstvennyy universitet, 2011. 286 p.

Obozny K.P. *Predislovie* [Foreword] // *“Novy kurs” gosudarstvennoy religioznoy politiki v SSSR i polozhenie khristianskikh tserkvey v 1943–1948 godakh: novye materialy, gipotezy, otsenki* [The “New Course” of State Religious Policy in the USSR and the Situation of Christian Churches in 1943–1948: New Materials, Hypotheses, and Assessments]. Moscow: Svyato-Filaretovskiy institut, 2026. P. 7–11.

Odintsov M.I. *Veroispovednaya politika sovetского gosudarstva v 1943–1953 gg.* [Confessional Policy of Soviet State, 1943–1953] // *Sovetskoye gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.* [The Soviet State and Society in the Late Stalinist Period. 1945–1953]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya; Prezidentskiy tsentr B.N. Yeltsina, 2015. P. 488–501.

Perekhrest O.G. *Ukrains'ke selo v 1941–1945 rr.: ekonomichne ta sotsial'ne stanovyshche* [Ukrainian Village between 1941 and 1945: Economical and Social Situation]. Cherkasy: ChNU im. B. Khmel'nyts'koho, 2011. 668 p. — URL: https://chtyvo.org.ua/authors/Perekhrest_Oleksandr/Ukrainske_selo_v_1941_1945_rr_ekonomichne_ta_sotsialne_stanovyshche.pdf (date of retrieval: 8.12.2025).

Shkarovskiy M.V. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' pri Staline i Khrushchyove* [Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchyov]. Moscow: Izdatel'stvo Krutitskogo podvorya, 2005. 423 p.

Sovetskaya identichnost' i problemy religioznosti: pravoslavnye praktiki v povsednevnoy zhizni grazhdan SSSR v 1940–1980-e gg. [Soviet Identity and Religiousity Problems: Orthodox Practices in Everyday Life of the USSR Citizens, 1940–1980s]. Kursk: Izdatel'stvo ROSI, 2022. 321 p.

Tatarchenko O. *Stanovyshche Rus'koi pravoslavnoi tserkvy na Khersonshchyni u druhiy polovyni 1940-kh — pochatku 1950-kh rokiv* [The Position of Russian Orthodox Church in Kherson Region from the Second Part of 1940s to the Beginning of 1950s] // *Kraeznavstvo*. 2016. N 1/2. P. 142–155. — URL: http://jnas.nbuv.gov.ua/j-pdf/kraeznavstvo_2016_1-2_15.pdf (date of retrieval: 8.12.2025).

Voynalovych V. *Partiyno-derzhavna polityka shchodo relihii ta relihiynykh instytutsiy v Ukraini 1940–1960-kh rokiv: politolohichny diskurs* [Party and State Policy towards Religion and Religious Institutions in the Ukraine, 1940–1960s: Political Science Discourse]. Kyiv: Svitohlyad, 2005. 741 p. — URL: https://ipiend.gov.ua/wp-content/uploads/2018/07/partino_derzhavna_politika_60.pdf (date of retrieval: 8.12.2025).

Yakunin V.N. *Polozhenie Pravoslavnoy tserkvi na Ukraine v period fashystskoy okkupatsii v 1941–1944 gg.* [The Position of Orthodox Church in the Ukraine during the Fascist Occupation, 1941–1944] // *Belorussiya i Ukraina: istoriya i kul'tura*. 2005/2006 [Belarus and Ukraine: History and Culture. 2005/2006]. Moscow: Nauka, 2008. P. 165–209.

Zin N.V. *Vzaimootnosheniya gosudarstva i tserkvi v 1943–1953 gg.: na materialax Vladimirskogo kraja: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk* [Relations between the State and the Church in 1943–1953: Based on Materials from the Vladimir Region: PhD Candidate in History Dissertation]. Moscow: Rossiyskaya akademiya gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii, 2010. 234 p.

Поступила в редакцию
20 декабря 2025 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2025-66-6-106-133

Е.И Волгин

**ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 1993 г.: ОСНОВНЫЕ
АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ
СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

E.I. Volgin

**THE 1993 PARLIAMENTARY ELECTIONS: KEY DIMENSIONS
OF THE MODERNIZATION OF THE RUSSIAN FEDERATION'S
ELECTORAL SYSTEM OF RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация. Избирательная система РФ претерпела существенные изменения в ходе становления многопартийной демократии, особенно в контексте выборов 1993 г. Данное исследование акцентирует внимание на проведении комплексной модернизации российской электоральной модели, основными предпосылками которой стала необходимость качественного пересмотра подходов к организации выборов, а также формирования новых институтов партийно-политической конкуренции. Внедрение политического плюрализма после отмены шестой статьи советской Конституции актуализировало вопрос о совершенствовании нормативного регулирования электоральных процедур с точки зрения обеспечения гарантированного партийного представительства в федеральных органах законодательной власти, а также прозрачности, конкурентоспособности и легитимности выборного механизма. Модернизация избирательной системы РФ 1993 г. представлена как крайне противоречивый, но в то же время логичный и закономерный процесс, направленный на формирование лояльного парламента с помощью новых электоральных проце-

Волгин Евгений Игоревич, кандидат политических наук, доцент кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Volgin Evgeny Igorevich, PhD Candidate in Political Science, Associate Professor, Department of the History of Social Movements and Political Parties, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

plytony@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9690-448X

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова

The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University

дур. Были выявлены ключевые аспекты, которые повлияли на подготовку и реализацию электоральной реформы 1993 г. Первостепенное внимание уделяется взаимодействию между непосредственными энтузиастами-работчиками реформы из числа народных депутатов и экспертов, а также президентом РФ, который, будучи поглощен проблемой принятия новой Конституции, не имел четкого представления о том, какой должна быть новая избирательная система. Рассматривается деятельность государственных уполномоченных органов, непосредственно отвечавших за проведение первых многопартийных выборов, а также освещавших избирательную кампанию (Центральная избирательная комиссия, Министерство юстиции, федеральное телевидение). Анализируя результаты голосования 12 декабря 1993 г., можно говорить о том, что, несмотря на все недостатки, сама реформа стала необходимым фактором, который повлиял на процесс становления парламентской демократии и партийно-политической системы. В ходе дальнейших избирательных кампаний электоральные механизмы совершенствовались и становились более эффективными. Научная новизна заключается в применении проблемно-хронологического междисциплинарного подхода с использованием методов историко-политологического и правового исследования, а также в систематизации и углубленном анализе наиболее дискуссионных историографических вопросов.

Ключевые слова: Государственная Дума, Центральная избирательная комиссия, избирательное объединение, политическая партия, В.Л. Шейнис, Б.Н. Ельцин, Н.Т. Рябов.

Abstract. The electoral system of the Russian Federation underwent significant transformation during the transition to multiparty democracy, especially in the context of the 1993 parliamentary elections. This article examines the comprehensive restructuring of the Russian electoral model, driven above all by the need to rethink existing approaches to electoral organization and to create new institutional frameworks for party competition. The introduction of political pluralism after the repeal of Article 6 of the Soviet Constitution made it especially urgent to revise the legal regulation of electoral procedures so as to secure party representation in the federal legislature and to enhance the transparency, competitiveness, and legitimacy of the electoral process. The article argues that the modernization of Russia's electoral system in 1993 should be understood as a deeply contradictory yet historically intelligible process, one aimed at creating a loyal parliament through new electoral procedures. It identifies the principal factors that shaped both the design and the implementation of the 1993 electoral reform. Particular attention is given to the interaction between the reform's immediate proponents and drafters — drawn from among the people's deputies and expert circles — and the president of the Russian Federation, who, though fully absorbed in the struggle to secure adoption of a new constitution, had no clear or consistent vision of what the new electoral system should look like. The article also considers the role of the state institutions directly responsible for administering the first multiparty elections and shaping public coverage of the campaign, including the Central Electoral Commission, the Ministry of Justice, and federal television. An analysis of the voting results of 12 December 1993 suggests that, despite its many shortcomings, the reform was nevertheless a necessary element in the emergence

of parliamentary democracy and a party-political system in Post-Soviet Russia. In subsequent electoral campaigns, these mechanisms were further refined and made more effective. The article's scholarly contribution lies in its interdisciplinary problem-centered and chronological approach, its use of methods drawn from legal analysis and historical political science, and its systematic, in-depth treatment of some of the most contested issues in the historiography.

Keywords: State Duma, Central Electoral Commission, electoral bloc, political party, V.L. Sheynis, B.N. Yeltsin, N.T. Ryabov.

* * *

Введение

Первые многопартийные выборы в РФ, которые прошли 12 декабря 1993 г., вызвали большой интерес исследователей. Литература, посвященная избирательной реформе 1993 г., достаточно обширна. При этом полярность суждений лишний раз доказывает, что проблема по сей день остается дискуссионной¹. Однако практически все авторы заостряют внимание лишь на отдельных моментах «учреди-

¹ Авакьян С.А. Выборы 1993/94 в Российской Федерации: правила и процедуры. М., 1993; Федеральное собрание России: опыт первых выборов. М., 1994; Лысцов В.В. Российское избирательное право: от империи до федерации. Воронеж, 1998; Салмин А.М. Выборы и избирательные системы: опыт России в 1989–1995 годах // Вестник Московской школы политических исследований. 1995. № 2. С. 8–27; Макфол М. Осмысление парламентских выборов 1993 г. в России // Полис. 1994. № 5. С. 124–138; Гельман В.Я. Создавая правила игры: российское избирательное законодательство переходного периода // Полис. 1997. № 4. С. 125–147; Гельман В.Я. «Учредительные выборы» в контексте российской трансформации // Общественные науки и современность. 1999. № 6. С. 46–64; Голосов Г.В. Пределы электоральной инженерии: «смешанные несвязанные» избирательные системы в новых демократиях // Полис. 1997. № 3. 102–113; Выборы в Государственную Думу: правовые проблемы / Под ред. В.И. Васильева, А.Е. Постникова. М., 1995; Формирование партийно-политической системы в России / Под ред. М. Макфола, С. Маркова*, А. Рябова. М., 1998; Лапаева В.В. Становление многопартийности в России (Социально-правовой анализ) // Государство и право. 1995. № 8. С. 3–13; Собянин А.А., Суховольский В.Г. Демократия, ограниченная фальсификациями. М., 1995; Шейнис В.Л. Взлет и падение парламента: переломные годы в российской политике (1985–1993). Т. 2. М., 2005; Данилин П. Партийная система современной России. М., 2015; Нисневич Ю.А., Орлов И.Б. Попытка демократического прорыва: взлеты и падения Государственной Думы первого созыва (1993–1995 гг.). Ч. I // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 5. С. 1318–1334; Михалева Г.М. Изменение институтов выборов и партий в трансформационном контексте // Политическая концептология. 2018. № 3. С. 213–217; Заславский С.Е. Институциональные основы избирательной системы России: в перекрестье памятных дат // Избирательное законодательство и практика. 2018. № 4. С. 3–8; Гельман В. Виктор Шейнис и российская электоральная реформа 1993 года // Электоральная политика. 2023. № 2. — URL: <http://electoralpolitics.org/ru/articles/viktor-sheinis-i-rossiiskaia-elektoralnaia-reforma-1993-goda/> (дата обращения 15.10.2024); Волгин Е.И. Электоральная реформа 1993 г.: новый этап российского партотгенеза // Клио. 2013. № 9. С. 136–142.

* Признан Минюстом РФ иностранным агентом.

тельных выборов». На сегодняшний день отсутствует целостная работа, в которой были бы комплексно рассмотрены ключевые аспекты, связанные с подготовкой и реализацией электоральной реформы государственными уполномоченными органами. В настоящей статье модернизация избирательной системы РФ 1993 г. представлена как крайне противоречивый, но в то же время логичный процесс, направленный на формирование лояльного парламента с помощью новых электоральных процедур. Такой подход помогает не только выявить основные факторы, влиявшие на замыслы разработчиков и непосредственных исполнителей реформы (данные понятия не были тождественными), но также позволяет понять основные направления трансформации избирательной системы РФ в последующие годы.

Проблема совершенствования российского избирательного законодательства в первые постсоветские годы. Вопрос об актуализации избирательного закона с учетом партийного представительства встал перед депутатами в первой половине 1992 г. Разработка нового положения о выборах была поручена Комитету Верховного Совета РФ по вопросам работы местных Советов. Рабочая группа, которую возглавил депутат В.А. Балала, подготовила проект, предусматривавший сложную схему избрания ВС на основе мажоритарно-пропорциональной системы. При этом наделение депутатскими мандатами кандидатов, включенных в партийные списки, осуществлялось «по остаточному принципу». В июле 1992 г. этот законопроект был отвергнут депутатами².

В декабре 1992 г., после VII Съезда народных депутатов, сформировалась инициативная группа из числа депутатов и экспертов, члены которой решили предложить альтернативный вариант закона о выборах. Основная роль принадлежала депутатам В.Л. Шейнису (доктор экономических наук, член фракции «Согласие ради прогресса») и Л.Б. Волкову. В работе приняли участие депутаты С.А. Ковалев, Ю.Н. Москвич, Е.М. Кожокин и др. Взяв за образец электоральные системы, действовавшие в послевоенной Германии и посткоммунистической Венгрии, группа Шейниса предложила смешанную электоральную формулу, резервируя в будущем парламенте половину мест

² Проект Закона РФ «О выборах в Верховный Совет РФ» (5 июня 1992). — URL: <http://www.vibory.ru/Publikat/PES/pril-1-2.htm> (дата обращения 10.10.2024); Иванченко А.В., Любарев А.Е. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии. М., 2006. С. 64; Кынев А.В., Любарев А.Е. Партии и выборы в современной России: эволюция и деволюция. М., 2011. 312–313; Макфол М. Указ. соч. С. 128–129; Выборы в Государственную Думу: правовые проблемы. С. 3; Гельман В.Я. Создавая правила игры... С. 125–147.

за депутатами, избранными по партийным спискам. Цель разработчиков заключалась в том, чтобы заменить аморфное депутатское представительство фракционно-структурированным парламентом, более адекватно отражавшим новое соотношение социально-политических сил. В январе 1993 г. группа Шейниса, работавшая под эгидой Конституционной комиссии, получила официальный статус благодаря распоряжению зампреда ВС Н.Т. Рябова. Р.И. Хасбулатов знал о существовании этой группы и не препятствовал ее работе. Одновременно Шейнис делился своими наработками с помощником президента Ю.М. Батуриным, в лице которого группа обрела заинтересованного союзника³.

Результаты референдума 25 апреля 1993 г., когда 67 % высказалось за досрочное переизбрание депутатов, ускорили процесс разработки нового избирательного закона. 11 мая инициативная группа внесла на рассмотрение ВС проект нового закона о выборах. 24 мая Президиум ВС поручил разработчикам объединить усилия с группой В.А. Балалы, чтобы представить согласованный вариант. В ходе совместной работы был подготовлен практически новый законопроект, который летом 1993 г. был представлен в ВС. Несмотря на то что по многим пунктам стороны сумели достичь согласия, выработать консенсус по ключевому вопросу, который касался непосредственного механизма избрания депутатов, не удалось. Поэтому было решено не позднее 20 сентября вынести на рассмотрение ВС новый закон, где предусматривались оба варианта избрания⁴. Таким образом, окончательный выбор оставался за депутатами.

5 июня 1993 г. в Кремле начало работу Конституционное совещание (КС), которое также стало альтернативной площадкой продвижения «закона Шейниса». Для доработки документа была сформирована межсекционная подгруппа, куда вошли Ф.М. Бурлацкий, В.Н. Лысенко, Г.Х. Попов, С.Б. Станкевич, Г.В. Старовойтова, И.М. Хакамада, С.М. Шахрай и др. Нельзя сказать, что новый избирательный закон сильно заинтересовал участников совещания. Две основные секции, представлявшие федеральные и региональные органы власти, а также группа предпринимателей нашли документ политически незрелым. Группа местного самоуправления не пришла к единому заключению. Лишь четвертая секция, состоявшая из пред-

³ Избирательный закон. Материалы к обсуждению. М., 1993; Шейнис В.Л. Указ соч. С. 510, 580–583.

⁴ Шейнис В.Л. Указ. соч. С. 314, 581, 588, 589; Выборы в Государственную Думу: правовые проблемы. С. 5; Известия. 1993. 7 сентября, 14 сентября, 22 октября; Лыцзов В.В. Указ. соч. С. 91.

ставителей политических партий, поддержала законопроект, делегировав Г.Х. Попова и В.Л. Шейниса для изложения его концепции на пленарных заседаниях КС⁵.

28 июня 1993 г. Г.Х. Попов ознакомил участников КС с содержанием «толстого закона» (как называл его В.Н. Лысенко). Гавриил Харитонович настаивал, чтобы в будущей Конституции было закреплено положение об избрании депутатов на основе многопартийного принципа. Однако в окончательный вариант Конституции от 12 июля 1993 г. эта формулировка не вошла. Законодатель предпочел записать общую фразу о том, что порядок выборов депутатов устанавливается федеральным законом. Но даже это можно было назвать существенной победой сторонников реформы. Ибо конституционные проекты как президента, так и Съезда предусматривали выборы на основе мажоритарной системы⁶.

Старт электоральной реформы: шаг вперед, два шага назад. 21 сентября 1993 г. Б.Н. Ельцин подписал указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в РФ», согласно которому работа Съезда и Верховного Совета прекращалась. Выборы нижней палаты нового Федерального собрания в лице Государственной Думы назначались на 11–12 декабря 1993 г. Указ дополняли два положения: о федеральных органах власти на переходный период и о выборах депутатов Государственной Думы. Первый документ временно (до принятия Конституции) легитимировал Госдуму в качестве нового федерального органа законодательной власти, второй акт устанавливал правила ее избрания.

По свидетельству В.Л. Шейниса, в положении о выборах его авторы с трудом узнали «свое дитя». С одной стороны, текст на 80 % совпадал с вариантом, который был передан в администрацию президента. Однако те 20 %, которые были «обезображены» Государственно-правовым управлением, значительно меняли суть документа. Принципиальное расхождение состояло в том, что президентское положение отдавало приоритет кандидатам-одномандатникам (270:130). Подобная диспропорция была далеко не единственным отклонением от оригинала. Президентский вариант отличал более

⁵ Выборы в Государственную Думу: правовые проблемы. С. 5; Гельман В.Я. Создавая правила игры... С. 125–147. Шейнис В.Л. Указ. соч. С. 417, 590; Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы. Т. X. М., 1995. С. 204; Российские вести. 1993. 9 июня, 14 июля; Волгин Е.И. Электоральная реформа 1993 года в российском политическом дискурсе // Клио. 2017. № 8. С. 175–184.

⁶ Шейнис В.Л. Указ. соч. С. 395, 402, 582, 592–593; Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы. Т. XVII. М., 1996. С. 338–340; Известия. 1993. 7 сентября; Общая еженедельная газета. 1993. 27 августа – 2 сентября.

высокий заградительный барьер: 5 % (вместо 3 %). Положение предусматривало минимальную 25-процентную явку для признания выборов состоявшимися как в общефедеральном, так и в одномандатном округе. Выборы признавались несостоявшимися, если число голосов, поданных против всех списков в общефедеральном округе, превышало общее число действительных бюллетеней. Аналогичное правило действовало в одномандатном округе⁷.

Получилось так, что работники администрации в спешке взяли не окончательный, а предпоследний вариант, который В.Л. Шейнис ранее передавал в аппарат президента. В Кремле понимали, что положение о выборах требует совершенствования. 24 сентября распоряжением главы администрации президента С.А. Филатова была создана рабочая группа по доработке документа. Решающий перелом наступил 30 сентября, когда участникам инициативной группы в ходе личной аудиенции у президента удалось убедить Б.Н. Ельцина в необходимости «восстановления разумных черт прежнего проекта»⁸.

1 октября 1993 г. появился указ, уточнявший положение о выборах, согласно которому Дума увеличивалась с 400 до 450 депутатов, одна половина которой (225) избиралась на основе мажоритарной системы по одномандатным избирательным округам, а другая (225) — на основе системы пропорционального представительства в общефедеральном округе. Этот паритет явился не единственным бонусом, дарованным президентом политическим партиям. Вдвое (с 200 до 100 тыс.) сокращалось число подписей избирателей, необходимых для регистрации списка кандидатов в общефедеральном округе. Избирательные объединения, зарегистрировавшие свои списки, автоматически получали право выдвигать кандидатов в одномандатных округах без сбора подписей. Для выдвижения иного («независимого») кандидата требовалось собрать не менее 1 % подписей от общего числа избирателей избирательного округа⁹.

Важные уточнения были внесены в положение о выборах указом президента от 6 ноября 1993 г. Во-первых, отменялась норма, соглас-

⁷ Шейнис В.Л. Указ. соч. С. 617; Собрание законодательства РФ. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&collection=1&publ=1&coll_oid=206000001&coll_year=1993&coll_volume=0&a6type=1&a6from=&a6to=&a6date=&a4=1400&a4type=1&a1=&a0=&sort=7&x=78&y=9 (дата обращения 22.10.2024).

⁸ Шейнис В.Л. Указ. соч. С. 506, 616–617, 620–623; Общая еженедельная газета. 1993. 15–21 октября; Московские новости. 1993. 31 октября; Российская Федерация. 1997. № 15. С. 14; Коммерсантъ. 1993. 28 сентября.

⁹ Бюллетень ЦИК РФ. 1993. № 1. — URL: <https://xn--90aiawao7a1fl.xn--80abliecoqfqrqeu7c.xn--p1ai/1993/1/> (дата обращения 23.10.2024).

но которой наибольшее число голосов, поданных против всех общедеральных списков или кандидатов, заставляло призвать выборы несостоявшимися (хотя сама графа «против всех» сохранялась). Вторых, голоса, поданные за избирательные объединения, не преодолевшие электоральный барьер, исключались из общего числа голосов, поданных за все партии и блоки, которое затем делилось на 225 для получения первого избирательного частного. Таким образом, происходило некоторое искажение сути пропорциональной системы, не допускавшей (в отличие от мажоритарной) потерю действительных голосов¹⁰.

Проблема формирования Центральной избирательной комиссии в условиях политического цейтнота. Исключительно важным шагом в деле организации и проведения избирательной кампании стало формирование нового состава Центральной избирательной комиссии. Согласно «закону Шейниса», Центризбирком формировался Верховным Советом и президентом на паритетной основе в составе председателя и 20 членов. Председатель ЦИК избирался Верховным Советом по предложению Конституционного Суда. Председатель и как минимум половина членов ЦИК должны были иметь высшее юридическое образование либо ученую степень в области права.

Положение о выборах, утвержденное Указом № 1400, усиливало президентское начало в деле формирования Центризбиркома. Так, кандидатура председателя утверждалась Конституционным Судом по представлению президента. Кроме того, десять членов ЦИК, выдвинутых президентом, не нуждались в утверждении депутатов ВС (как предусматривал «закон Шейниса»). Ключевое значение приобретала фигура председателя Центральной избирательной комиссии. 24 сентября 1993 г. Б.Н. Ельцин назначил на эту должность Н.Т. Рябова (бывшего заместителя Р.И. Хасбулатова), окончательно перешедшего на сторону президента. Это назначение произошло в условиях, когда действующий Председатель ЦИК В.И. Казаков фактически отказался от исполнения своих обязанностей. Разумеется, кандидатура Рябова не была утверждена Конституционным Судом, как того требовала ст. 13 Положения о выборах (на которую ссылался президентский указ о назначении нового председателя Центризбиркома)¹¹.

¹⁰ Президент России. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/4774> (дата обращения 26.10.2024).

¹¹ Россия. 1993. 29 сентября — 5 октября; Московские новости. 1993. 17 октября, 24 октября; Известия. 1993. 22 октября; Ъ. 1993. 25 сентября; Российские вести. 1993. 1 декабря.

29 сентября 1993 г. вышел указ «О составе Центральной избирательной комиссии по выборам в Государственную Думу...», который устранял предыдущие aberrации вроде участия депутатов ВС или членов Конституционного Суда в процессе формирования ЦИК. Отныне весь состав Центризбиркома утверждался президентом. При этом, правда, зампреда и остальные члены комиссии назначались по представлению Н.Т. Рябова. Первые десять членов назначались из числа кандидатов, представленных законодательными органами власти на местах, а другая «десятка» — по рекомендации глав исполнительной власти субъектов РФ. Такой порядок предоставил регионам серьезный канал воздействия на организацию выборов.

В состав ЦИК изначально вошли представители 20 субъектов Федерации. Предпочтение отдавалось тем кандидатурам, которые получили поддержку обеих ветвей региональной власти. Все члены ЦИК с правом решающего голоса имели высшее юридическое образование, шестеро являлись кандидатами юридических наук (для сравнения: среди членов Центризбиркома по выборам народных депутатов РСФСР в 1989 г. было всего пять юристов). Для проведения голосования в общефедеральном округе Центризбиркому фактически предстояло выполнить функции всероссийской окружной комиссии (разработчики положения о выборах, опасаясь фальсификаций на местах, исключили из системы избирательных комиссий районный и городской уровень, таким образом, ЦИК должна была обработать почти 100 тыс. протоколов УИК). Кроме того, на Центризбирком вскоре были возложены обязанности по обеспечению всенародного голосования по проекту Конституции¹².

1 октября 1993 г. состоялось первое заседание нового состава Центральной избирательной комиссии, в ходе которого Н.Т. Рябов подчеркнул необходимость соблюдения членами ЦИК политического нейтралитета. Первоочередной задачей стала подготовка и проведение избирательной кампании в крайне сжатые сроки. Разработчики избирательного закона закладывали на досрочные выборы не менее 135 дней. Фактически, избирательная кампания проводилась в течение 73–75 календарных дней. Драматические события в Москве не повлияли на график работы Центризбиркома. 5 октября состоялось очередное заседание ЦИК, посвященное нарезке одно-

¹² Бюллетень ЦИК РФ. 1993. № 1. — URL: <https://xn--90aiawao7a1fl.xn--80abliesoqfrqeu7c.xn--p1ai/1993/1/> (дата обращения 03.11.2024); Выборы в Государственную Думу: правовые проблемы. С. 19–21; Биктагиров Р.Т. Становление ЦИК России: начало пути // Гражданин, выборы, власть. 2018. № 3. С. 7, 12.

мандатных избирательных округов. 21 октября Центризбирком утвердил председателей окружных избирательных комиссий, выдвинутых субъектами Федерации. Формирование системы окружных избиркомов было завершено к 20-м числам октября. В ходе избирательной кампании Центризбиркомом были проведены консультации с представителями различных политических объединений, а также выданы необходимые нормативные документы. Иногда возникали курьезные ситуации: избиратели звонили в ЦИК и под угрозой неучастия в выборах требовали решить вопрос с задержками зарплат¹³.

Нарезка одномандатных округов: национально-территориальный принцип против принципа равенства избирательных прав. Для обеспечения избрания половины депутатов Госдумы Центризбиркому предстояло утвердить схему 225 одномандатных округов. Согласно Положению, каждый субъект РФ должен был создать хотя бы один избирательный округ. Количество избирательных округов в каждом субъекте РФ устанавливалось ЦИК пропорционально численности проживавших в нем избирателей в соответствии с данными их учета, актуальными на момент проведения апрельского референдума (средняя норма представительства составила 478 тыс. избирателей на одного депутата). Предельная норма отклонения численности электората в одномандатных округах устанавливалась на уровне не более 15 %.

Такой подход радикально отличался от принципа, который был положен в основу формирования избирательных округов во время избрания Съезда в марте 1990 г. Тогда было образовано 1068 избирательных округов: 900 территориальных и 168 национально-территориальных. Последние вводились впервые, чтобы подчеркнуть федеративное начало самой большой и многонациональной республики. Тем не менее, приоритет отдавался критерию равенства числа избирателей, а отнюдь не равному представительству территорий. Положение о выборах 1993 г., напротив, гарантировало каждому субъекту РФ право избрать как минимум одного представителя в нижнюю па-

¹³ Труд. 1993. 2 октября; Независимая газета. 1993. 2 октября; Бюллетень ЦИК. 1993. № 8. С. 3, 7; Шейнис В.Л. Указ. соч. С. 642; Россия. 1993. 29 сентября — 5 октября; Общая еженедельная газета. 1993. 15–21 октября; Выборы в РФ / Под общей ред. А.В. Иванченко. М., 1998. С. 46–48; Вестник ЦИК. 1998. Специальный выпуск. С. 59; Андрющенко Е.Г. Декабрьское голосование 93-го: что дальше? // Обозреватель-Observer. 1994. № 18. С. 28–34; Российские вести. 1993. 8 октября, 25 декабря; Российская газета. 1993. 22 октября, 28 октября; Независимая газета. 1993. 12 октября, 21 октября; Российская Федерация. 1994. № 15. С. 12; Московская правда. 1993. 23 октября; Коммерсантъ. 1993. 2 октября, 6 октября; Сегодня. 1993. 2 октября; Аргументы и факты. 1993. № 48.

лату. Именно этим во многом было обусловлено увеличение Думы до 450 депутатов. Если учесть, что в Совет Федерации каждый субъект РФ мог делегировать по два своих представителя, то, получалось, что президент делал заметный реверанс в сторону регионов, дабы заручиться их поддержкой в ходе политического кризиса¹⁴.

Однако при таком раскладе было невозможно до конца соблюсти требование о предельном 15-процентном отклонении от установленной нормы народного представительства. В итоге принцип равного избирательного права был принесен в жертву асимметричному характеру территориально-государственного устройства. Так, например, получалось, что за одним депутатом в Астраханской области (самый крупный одномандатный округ) стояло 738 тыс. избирателей, тогда как в Эвенкийском (самом малочисленном округе) — всего 14 тысяч. Таким образом, астраханский депутат был «тяжелее» эвенкийского в 53 раза. Соответственно, в Астраханском округе для выдвижения было необходимо собрать более 7 тыс. подписей, а в Эвенкийском — всего 138 (впоследствии ЦИК частично урегулировал эту аберрацию). Кроме того, в субъектах Федерации с малым числом избирателей удельный вес одного голоса был в среднем в 10–20 раз больше, чем в подавляющем большинстве прочих округов, а максимальные колебания превысили 2500 %. Специалисты подсчитали, что известная диспропорция предоставляла возможность малонаселенным регионам как бы заполучить «лишние» мандаты, тогда как густонаселенные субъекты, напротив, лишались возможности выбрать большее число своих представителей. Тем не менее, за время избирательной кампании в ЦИК не поступило ни одной жалобы относительно принципа нарезки одномандатных округов¹⁵.

И хотя количество субъектов РФ, где избирателей проживало значительно ниже нормы, насчитывалось всего 23 (25,8 %), практически все они относились к национально-территориальным образованиям. Причем десять из них являлись национальными республиками. Учитывая, что именно республики претендовали на более высокий статус среди прочих субъектов Федерации, становится понятно, почему законодатель не мог отказать этим территориям в статусе полноценных избирательных округов. В то же время, в гу-

¹⁴ Федеральное собрание России: опыт первых выборов. С. 8; Российские вести. 1993. 12 октября; Бюллетень ЦИК РФ. 1993. № 2 — URL: <https://xn--80abliesoqdrqeu7c.xn--p1ai/1993/2/> (дата обращения 09.11.2024).

¹⁵ Выборы в Государственную Думу: правовые проблемы. С. 26; Сегодня. 1993. 23 октября; Андрющенко Е.Г. Указ. соч. С. 28–34; Федеральное собрание России: опыт первых выборов. С. 92.

сто населенных регионах было создано от четырех до семи округов. Московская область включала десять округов, северная столица — восемь, Москва — пятнадцать¹⁶.

Избирательные объединения — новые субъекты электорального процесса. Случилось так, что к первым многопартийным выборам Россия подошла в отсутствие закона о политических партиях¹⁷. Положение о выборах, дабы очертить круг участников электорального процесса, вводило термин «избирательное объединение». Под этим словосочетанием понималась общедоверительная партия или политическое движение, устав которого был зарегистрирован в минюсте, а также блок таких общественных объединений, создаваемых на период выборов. Положение содержало одну существенную оговорку, согласно которой в состав блока могли входить непартийные федеральные общественные объединения, зарегистрированные в минюсте, если участие в выборах было предусмотрено их уставами. Норма, изначально наделявшая правом выдвижения кандидатов исключительно партияльные объединения, была ослаблена под влиянием непартийных организаций¹⁸.

14 октября 1993 г. был обнародован перечень общероссийских общественных объединений, имевших право участвовать в выборах, который насчитывал 91 организацию (28 партий, 7 общественно-политических движений, 6 профсоюзов, 50 различных непартийных структур). Однако этот список был далеко не полным. В стране в условиях «предвыборного ажиотажа» продолжалось интенсивное формирование различных общественно-политических объединений. Отсутствие в положении указаний на крайние сроки регистрации уставов организаций, которые намеревались участвовать в выборах, заставляло минюст работать в ускоренном режиме.

29 октября 1993 г. был опубликован новый реестр потенциальных участников выборов, количество которых возросло до 147 (33 партии, 16 политических движений, 9 крупных профсоюзных объединений, 89 прочих формирований). Таким образом, из восьми

¹⁶ Коммерсантъ. 1993. 8 октября; Сегодня. 1993. 23 октября; Выборы в РФ. С. 47; Российские вести. 1993. 14 октября; Российская газета. 1993. 14 октября; Выборы в Государственную Думу: правовые проблемы. С. 26; Аргументы и факты. Москва. Еженедельное приложение. 1993. № 17; Авакьян С.А. Указ. соч. С. 12; Комсомольская правда. 1993. 12 октября; Федеральное собрание России: опыт первых выборов. С. 78.

¹⁷ Волгин Е.И. Проблемы разработки законодательства о политических партиях в РФ (1990 – 1993) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2017. № 5. С. 60–81.

¹⁸ Гельман В.Я. Создавая правила игры... С. 125–147; Бюллетень ЦИК РФ. 1993. № 5. С. 12–28; Независимая газета. 1993. 15 октября; Шейнис В.Л. Указ. соч. С. 586.

избирательных объединений, прошедших в Думу, лишь две партии были зарегистрированы до 1993 г. (ДПР и ЛДПР). Остальные шесть организаций получили регистрацию в 1993 г. Из этих шести две партии (КПРФ и Аграрная партия России) зарегистрировали свои уставы в первой половине 1993 г. Остальные четыре были созданы буквально «под выборы» («Женщины России», «Выбор России», Партия российского единства и согласия, блок «Явлинский – Болдырев – Лукин»)¹⁹.

Парламентские выборы были отмечены первой попыткой формирования «административных партий», призванных обеспечить доминирование федеральной исполнительной власти в составе будущей Думы. 11 октября 1993 г. президент внес изменение в Положение о федеральных органах власти на переходный период, позволявшее членам правительства совмещать свои посты с депутатскими мандатами. Такой порядок был впоследствии закреплён в Переходных положениях Конституции. Кроме того, они также сокращали легислатуру Федерального Собрания до двух лет. Б.Н. Ельцин хотел, чтобы следующие парламентские выборы застали его в президентском кресле²⁰.

Пока в обществе кипели страсти вокруг вопроса о легитимности пребывания членов кабинета в грядущей Думе, федеральные чиновники активно интегрировались в списки проправительственных избирательных объединений. Речь шла о движении «Выбор России» вице-премьера Е.Т. Гайдара и Партии российского единства и согласия, которую возглавил другой зампред правительства С.М. Шахрай. Всего из 45 членов правительства 17 руководителей органов федеральной исполнительной власти (38 %) были вовлечены в избирательную кампанию по выборам палат Федерального Собрания (16 — в Госдуму, 1 — в Совет Федерации). В Думу также баллотировались 4 высокопоставленных чиновника администрации президента (включая ее руководителя). Некоторые обозреватели сравнивали подобную практику с приснопамятной «красной сотней» (кандидатами от КПСС) на выборах на Съезд народных депутатов в 1989 г. При этом

¹⁹ Российская газета. 1993. 14 октября, 29 октября; Независимая газета. 1993. 14 октября; Российские вести. 1993. 14 октября, 16 октября; Общая еженедельная газета. 1993. 15–21 октября; Коммерсантъ. 1993. 13 октября, 11 ноября; Известия. 1993. 13 октября, 23 октября; Комсомольская правда. 1993. 14 октября; Труд. 1993. 4 ноября; Федеральное собрание России: опыт первых выборов. С. 63.

²⁰ Бюллетень ЦИК РФ. 1993. № 3. — URL: <https://xn--90aiawao7a1fl.xn--80abliescoqfrqeu7c.xn--p1ai/1993/3/> (дата обращения 27.10.2024), № 5. С. 12–28; Избирательный закон. Материалы к обсуждению. С. 17; Независимая газета. 1993. 19 октября, 28 октября, 4 ноября, 9 ноября; Российская газета. 1993. 28 октября.

В.С. Черномырдин и Б.Н. Ельцин демонстрировали «надпартийную позицию». Для президента было важнее принятие новой Конституции, нежели победа «проправительственной партии». В случае открытой поддержки Ельциным «Выбора России» шансы на одобрение президентского проекта могли уменьшиться²¹.

Подписная кампания и ее основные итоги. Характерным отличием избирательной кампании 1993 г. от советской электоральной процедуры стало то, что условием выдвижения и регистрации соискателей депутатских мандатов являлось определенное количество подписей, собранных в пользу федеральных списков или отдельных кандидатов. Изначально избирательные объединения должны были собрать в поддержку своих списков не менее 200 тыс. подписей. При этом на один субъект РФ могло приходиться не более 15 %. По окончании сбора подписей общедоверительный список (вместе с подписными листами, а также заявлениями кандидатов о согласии баллотироваться) вносился на регистрацию в Центризбирком. Последний после осуществления формальной проверки поступивших документов в течение десяти дней должен был зарегистрировать список кандидатов либо отказать в регистрации. Кандидаты-одномандатники должны были собрать не менее 2 % подписей от общего числа избирателей округа²².

В редакции Положения о выборах от 1 октября 1993 г. предусматривалось снижение числа подписей, необходимых для регистрации федерального списка (до 100 тыс. подписей) и кандидатов-одномандатников (1 % от общего числа избирателей). Одновременно до 5 дней уменьшалось время, отведенное Центризбиркому для проверки подписных листов. При этом новая редакция не ужесточала процедуру верификации избирательных документов. Такой подход был заложен с учетом крайне ограниченного времени, отведенного на избирательную кампанию, когда ЦИК физически не могла справиться в объеме поступившей документации.

В то же время, в новой редакции положения была одна любопытная оговорка: в случае обнаружения в подписных листах в ходе грядущих проверок недействительных подписей, количество кото-

²¹ Сегодня. 1993. 4 октября, 19 октября; Московская правда. 1993. 21 октября, 13 ноября; Комсомольская правда. 1993. 19 октября; Труд. 1993. 20 ноября; Нисневич Ю.А., Орлов И.Б. Указ. соч. С. 1318–1334; Российские вести. 1993. 25 декабря; Шейнис В.Л. Указ. соч. С. 649; Новая ежедневная газета. 1993. 13 октября.

²² Россия. 1993. 10–16 октября; Труд. 1993. 4 ноября; Любарев А.Е., Коргунюк Ю.Г., Михалева Г.М. Законодательство о выборах и партиях: четверть века метаний // Политическая концептология. 2018. № 3. — URL: <https://politconcept.sfedu.ru/2018.3/13.pdf> (дата обращения 27.01.2025).

рых превысит 3 % от их общего числа, а также если выяснится, что количество оставшихся после проверки действительных подписей было недостаточно для регистрации списка или отдельного кандидата, их аккредитация могла быть аннулирована задним числом Думой по представлению мандатной комиссии. Очевидно, что с помощью такой «каучуковой» формулировки Кремль планировал удерживать парламентскую оппозицию на «коротком поводке»²³.

Первоначально намерение участвовать в избирательной гонке заявили 55 общественных объединений. Заверили списки в ЦИК и получили право сбора подписей 35 организаций. Партии и блоки должны были представить подписные листы не позднее 6 ноября (до 24.00). С этой задачей справилось 21 избирательное объединение. Все они в общей сложности сумели собрать около 3 млн подписей. Это свидетельствовало как о достаточно низкой политической активности населения, так и о невысокой популярности партий. Своеобразный рекорд установила АПР — 500 тыс. подписей. Не сильно отставала КПРФ — 187 тыс. Всего коммунисты собрали 438 тыс. подписей, хотя и включились в избирательную кампанию с опозданием. Солидно выглядели результаты проправительственных сил: «Выбор России» — 200 тыс., ПРЕС — 220 тыс. Примерно по 170 тыс. представили яблочники и жириновцы. Чуть меньше собрали «Женщины России» — 130 тыс. Таким образом, уже на стадии подписной кампании можно было приблизительно очертить круг потенциальных лидеров. С другой стороны, далеко не всегда большое количество избирательных автографов гарантировало попадание тех или иных объединений в Думу²⁴.

После получения подписных листов Центризбирком начал проверку избирательной документации. По словам руководства ЦИК, экспертиза проводилась на самом высоком уровне. В этом мероприятии «в обстановке строжайшей секретности» обещали быть задействованы графологи из МВД или ВНИИ судебных экспертиз, оснащенные новейшим зарубежным оборудованием. В результате проверки были зарегистрированы списки 13 избирательных объединений. При этом само качество верификации вызывало некото-

²³ Выборы в Государственную Думу: правовые проблемы. С. 484; Московская правда. 1993. 12 октября.

²⁴ Независимая газета. 1993. 6 ноября, 9 ноября, 10 ноября, 12 ноября; Сегодня. 1993. 13 ноября; Коммерсантъ. 1993. 4 ноября, 5 ноября, 11 ноября, 12 ноября; Общая еженедельная газета. 1993. 12–18 ноября; Правда. 1993. 9 ноября; Российские вести. 1993. 13 ноября; Труд. 1993. 11 ноября; Бюллетень ЦИК РФ. 1993. № 8. С. 5, 1994. № 1. — URL: <https://bcik.rf.org.ru/1994/1/> (дата обращения 15.12.2024); Известия. 1993. 5 ноября, 6 ноября.

рые сомнения. Отбраковка претендентов осуществлялась ЦИК по сугубо формальным основаниям: неправильное оформление подписных листов, превышение лимита избирательных автографов на один субъект Федерации, недостаточно количество подписей. Всем избирательным объединениям, не прошедшим проверку, было отказано именно по формальным основаниям. Фальсификаций избирательных документов официально обнаружено не было. Хотя есть основания полагать, что далеко не все избирательные автографы были аутентичными²⁵.

Возникает вопрос: каким образом Центризбирком, не прибегая к детальной графологической экспертизе, выявлял «слабые звенья» подписной кампании? Осмелимся предположить, что из числа потенциальных «жертв» исключались проправительственные партии, а также влиятельные оппозиционные объединения, собравшие подписи «с большим запасом». Проверка последних означала бессмысленную трату времени и сил, ибо те же коммунисты, зная об отношении к ним властей, сами провели предварительную санацию подписных листов. Таким образом, «на подозрении» оказались те избирательные объединения, которые, во-первых, набрали чуть больше 100 тыс. подписей; во-вторых, явились в Центризбирком 6 ноября за несколько минут до полуночи. Данные обстоятельства указывали на то, что партия балансирует «на грани», и стоит проверяющим проявить побольше пристрастия, как число участников предвыборной гонки сократится. Все восемь избирательных объединений, которым было отказано в регистрации (или которые сами отказались от участия в дальнейшей борьбе), соответствовали двум вышеназванным критериям.

Всего в общефедеральном округе было выдвинуто 1756 кандидатов. Конкуренция составила 7,8 чел. на один мандат. В одномандатных округах было зарегистрировано 1567 претендентов на 224 места (кроме Чечни). Соответственно, конкурс составил почти 7 чел. «на место». Всего на одно думское кресло «обобщенно» претендовали 7,4 соискателя (как на выборах 1990 г.). Все 13 объединений одновременно выдвинули 730 кандидатов, включенных в федеральные списки, в одномандатных округах (47 % всех кандидатов-одно-

²⁵ Сегодня. 1993. 9 ноября, 18 ноября; Независимая газета. 1993. 10 ноября, 12 ноября, 1995. 27 ноября; Известия. 1993. 27 октября, 9 ноября, 11 ноября; Новая ежедневная газета. 1993. 3 ноября; Московские новости. 1993. 14 ноября; Российские вести. 1993. 6 ноября, 13 ноября; Российская Федерация. 1994. № 8. С. 42–44; Выборы в Государственную Думу: правовые проблемы. С. 29–30, 34, 36; Коммерсантъ. 1993. 4 ноября, 5 ноября, 9 ноября, 10 ноября, 12 ноября; Труд. 1993. 12 ноября; Правда. 1993. 12 ноября, 16 ноября; Общая еженедельная газета. 1993. 12–18 ноября.

мандатников). Более 800 претендентов на депутатские места в мажоритарных округах являлись выдвиженцами групп избирателей. В общей массе соискателей депутатских мандатов (3323) число кандидатов, выдвинутых избирательными объединениями, составило 2486 чел. (74,8 %) ²⁶.

Особенности организации и проведения предвыборной агитации на ТВ. Выборы-93 стали первой кампанией, в ходе которой партии и движения, а также отдельные кандидаты имели гарантированное право использовать телевидение и радио в целях предвыборной агитации. Новое избирательное законодательство должно было гибко регулировать правоотношения, возникавшие в связи с необходимостью предоставить всем участникам электорального процесса равные условия пребывания в медиапространстве в агитационный период. Эта проблема учитывалась в «законе Шейниса», нормы которого затем переключались в положение о выборах. Однако сами статьи, регламентировавшие обеспечение равного доступа партий и кандидатов к электронным СМИ, носили слишком общий характер. В этой связи руководители федеральных телеканалов обратились в Центризбирком с просьбой разработать документ, который бы регулировал вопросы агитации и пропаганды на ТВ. Инициативу проявил советник президента, профессор Ю.М. Батулин, который преподавал в Школе права массовой информации и поручил своим студентам разработать соответствующий нормативный акт. Так появилось Положение об информационных гарантиях предвыборной агитации, утвержденное указом президента от 29 октября 1993 г.

Учитывая, что агитационная кампания в массмедиа неминуемо породит множество споров, должен был появиться некий общественный арбитраж, который, в отличие от судов общей юрисдикции, мог бы оперативно разрешать подобные конфликты без использования мер судебного принуждения. Таким «умиротворяющим» органом был призван стать Третейский информационный суд, предусмотренный президентским Положением об информационных гарантиях. ТИС учреждался президентом в составе 9 специалистов, не являвшихся кандидатами или членами избирательных (общественно-политических) объединений. Главой Третейского суда был назначен профессор МГЮА А.Б. Венгеров. При этом полномо-

²⁶ Российские вести. 1993. 23 ноября; Московская правда. 1993. 20 ноября; Независимая газета. 1993. 18 октября, 11 декабря; Российская Федерация. 1994. № 8. С. 42; Сегодня. 1993. 30 ноября; Труд. 1993. 16 ноября, 25 ноября; Российская газета 1993. 13 ноября; Выборы в РФ. С. 50; Бюллетень ЦИК. 1993. № 8. С. 5; Российские вести. 1993. 1 декабря; Известия. 1993. 8 декабря; Сегодня. 1993. 18 декабря.

чия ТИС казались весьма расплывчатыми, а его решения носили по большей части рекомендательный характер²⁷.

После того, как президент задал общие параметры проведения агитационной кампании в СМИ, Центризбирком регламентировал процедуру предоставления эфира участникам избирательного процесса. 1 ноября 1993 г. появилось Положение ЦИК о порядке использования СМИ избирательными объединениями и кандидатами при проведении предвыборной агитации. Документ предписывал федеральным телеканалам («Останкино» и ВГТРК) ежедневно по рабочим дням (утром или вечером) отводить избирательным объединениям не менее часа эфирного времени, с тем чтобы каждый их представитель получил равное время для выступления в прямом эфире (не менее 20 мин.). График появления представителей партий на телеэкране разрабатывался руководством общенациональных государственных телерадиокомпаний и утверждался ЦИК. Каждое избирательное объединение самостоятельно определяло формат своей предвыборной агитации.

16 ноября 1993 г. в Центризбиркоме состоялась жеребьевка по распределению бесплатного эфирного времени на федеральных телерадиовещательных каналах между 13 избирательными объединениями. 18 ноября на заседании ЦИК был утвержден официальный график бесплатных телевыступлений представителей избирательных объединений в период с 22 ноября по 8 декабря 1993 г. Телерадиокомпании учли партийные пожелания, начиная от времени показа, разбивки положенного часа на две или три «порции» и заканчивая формой подачи материала (выступление-монолог, интервью, теледебаты, заготовленные видеоролики). Доминирующей формой предвыборной агитации (по настоятельной рекомендации ЦИК) стали монологические выступления партийных лидеров при полной отстраненности журналистов-телеведущих²⁸.

Значительная часть эфирного времени (45 %, или 43 часа) была использована проправительственными партиями и блоками. Так, со-

²⁷ Официальный интернет-портал правовой информации/ — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&collection=1&nd=206006743&page=1&rdk=0&link_id=0#I0 (дата обращения 21.12.2024); Общая еженедельная газета. 1993. 19–25 ноября; Независимая газета. 1993. 27 октября; Известия. 1993. 23 октября, 30 октября; Московская правда. 1993. 27 октября, 6 ноября; Труд. 1993. 6 ноября; Выборы в Государственную Думу: правовые проблемы. С. 54, 57, 59, 61; Московские новости 1993. 14 ноября.

²⁸ Бюллетень ЦИК РФ. 1993. № 4. С. 12–16, № 7. С. 27–35; Известия. 1993. 19 ноября; Комсомольская правда. 1993. 17 ноября; Коммерсант. 1993. 17 ноября; Новая ежедневная газета. 1993. 17 ноября; Сегодня. 1993. 28 октября, 2 ноября, 18 ноября.

вокупный тайминг «Выбора России» ненамного уступал продолжительности пребывания на телеэкране представителей всех избирательных объединений вместе взятых. На это обращал внимание как Третейский информационный суд, так и международные наблюдатели. В то же время, по некоторым данным, В.В. Жириновский получил в общей сложности почти пять часов эфира, обойдя на 8 мин. «партию Гайдара». Если учесть, что совокупный тайминг ЛДПР, полученный на платной основе, составил почти 2,5 часа, а также прибавить к этому общее бесплатное время, полученное на двух федеральных каналах с учетом повторов, эта цифра кажется вполне обоснованной. В редакционных телепрограммах на проправительственные партии (Выбор России, Партия российского единства и согласия, Российское движение демократических реформ) приходилось 53 % общего вещания. Освещение других партий оставляло желать лучшего. Имели место случаи, когда телевидение старалось замалчивать мероприятия оппозиции²⁹.

Аномалии предвыборной агитации. Одной из наиболее острых проблем агитационной кампании 1993 г. на ТВ стали резонансные высказывания отдельных партийных лидеров (В.В. Жириновского, Н.И. Травкина, С.С. Говорухина и др.). Подчас в прямом эфире звучали жесткие нападки на президента, правительство, взаимные оскорбления оппонентов, заявления экстремистского характера. Следует учесть, что первая думская кампания проводилась в атмосфере еще до конца не угасшей политической конфронтации, когда некоторые участники, избежавшие участи «лефортовских сидельцев», были допущены до выборов. Последствия недавнего конфликта влияли на общий характер предвыборных выступлений в прямом эфире, порой выходивших за рамки дозволенного. Так, по словам Н.Т. Рябова, телефоны ЦИК буквально «раскалывались» от протестов избирателей «против насилия политиков».

27 ноября 1993 г. было обнародовано совместное заявление ЦИК и Третейского информационного суда. В нем говорилось о недопустимости использования предвыборной агитации в целях распространения призывов, связанных с насильственным захватом власти, изменением конституционного строя, нарушением территориальной целостности РФ, пропагандой гражданской войны, разжиганием

²⁹ Парламентские выборы в России. Мониторинг освещения выборов российскими СМИ. Доклад Европейского института средств массовой информации // Международная жизнь. 1994. № 2. С. 24, 26, 32–33, 92–93; Известия. 1993. 25 ноября; Новая ежедневная газета. 1993. 10 декабря; Коммерсантъ. 1993. 21 декабря. № 0. С. 5–7; Московские новости. 1993. 5 декабря; Коммерсантъ. 1993. 14 декабря, 1995. 19 апреля; Российская Федерация. 1994. № 15. С. 12.

национальной и религиозной розни. Завершала обращение расплывчатая фраза о том, что в случае несоблюдения установленных требований «будут приниматься меры по недопущению неправомерных действий»³⁰.

Издержки агитационной кампании потребовали вмешательства президента. 26 ноября 1993 г. за закрытыми дверями состоялась встреча Б.Н. Ельцина с лидерами избирательных объединений. Президент был особенно обеспокоен тем, что отдельные кандидаты в прямом эфире безудержно критиковали конституционный проект. Наиболее непримиримо в отношении нового Основного Закона выступали представители КПРФ, ДПР, блока Гражданский союз, а также блока «Будущее России — Новые имена». Президент Ельцин предупредил, что если критиканы не прекратят «антиконституционные выпады», то лишатся бесплатного эфира. По свидетельству очевидцев, стороны сумели достичь джентльменского соглашения о том, что предвыборная агитация будет вестись в цивилизованных формах и без излишнего педалирования Конституции (на основании этого на следующий день был подготовлен примирительный текст совместного заявления ЦИК и ТИС)³¹.

Однако этот хрупкий консенсус был разрушен неуклюжими действиями первого зампреда правительства и, по совместительству, председателя правительственной Комиссии по проведению всенародного голосования по проекту Конституции В.Ф. Шумейко. 29 ноября первый зампред правительства направил обращение в ЦИК, потребовав лишить перевыборной регистрации КПРФ и ДПР как наиболее злостных критиков Конституции. Демарш Шумейко вызвал бурный протест лидеров практически всех избирательных объединений, включая представителей «партии власти». Заявление не было поддержано Третьим информационным судом. Но решающее слово оставалось за ЦИК. Н.Т. Рябов, сам неоднократно агитировавший за президентскую Конституцию, оказался в непростой ситуации. Тем не менее, Центризбирком оставил ходатайство Шумейко без удовлетворения. Формальным основанием стала ст. 14 Положения о всенародном голосовании по Конституции, которая

³⁰ Коммерсантъ. 1993. 26 ноября; Независимая газета. 1993. 25 ноября, 8 декабря; Известия. 1993. 25 ноября, 27 ноября; Российская газета. 1993. 11 декабря; Новая ежедневная газета. 1993. 8 декабря; Комсомольская правда 1993. 4 декабря; Правда. 1993. 11 декабря; Российская газета. 1993. 27 ноября.

³¹ Российская газета. 1993. 27 ноября, 3 декабря; Независимая газета. 1993. 26 ноября, 27 ноября; Сегодня. 1993. 27 ноября, 2 декабря; Комсомольская правда. 1993. 27 ноября; Известия. 1993. 27 ноября; Коммерсантъ. 1993. 27 ноября, 30 ноября; Россия. 1993. 8–14 декабря; Российская газета. 1993. 27 ноября.

предусматривала право граждан и общественных объединений беспрепятственно агитировать, в том числе, против Основного Закона. Но, думается, куда более весомым аргументом стала опасность того, что ostrанение одних партий могло спровоцировать бойкот выборов другими объединениями, что негативно отразилось бы на конституционном голосовании³².

Международные наблюдатели: гарантия демократических выборов. Российская власть была заинтересована в том, чтобы «учредительные выборы» получили признание на Западе. С этой целью президент решил пригласить международных наблюдателей. Впервые эту идею Б.Н. Ельцин озвучил во время визита в Японию в октябре 1993 г. Поскольку российская избирательная практика ранее не сталкивалась с фактором международного наблюдения, Центризбирком подготовил Положение о статусе иностранных наблюдателей. Согласно этому документу, международные наблюдатели обладали широкими полномочиями, но не могли вмешиваться в электоральный процесс, лишь фиксируя нарушения в своих заключениях, носивших рекомендательный характер. Международные организации охотно откликнулись на приглашение. В начале ноября Б.Н. Ельцин встретился с председателем Парламентской ассамблеи ОБСЕ Илккой Суоминеном и выразил поддержку усилиям данной структуры по организации группы международных наблюдателей (в эту группу должно было войти 500 чел.). В соответствии с решением ЕС выборы в России должны были контролировать 200 наблюдателей, которых собирались направить в 37 регионов³³.

Всего при Центризбиркоме было аккредитовано около 1100 международных наблюдателей из 58 стран Европы, Америки, Азии, Африки, Австралии. Присутствовали представители из бывших советских республик. Помимо этого, ЦИК аккредитовал 37 международных парламентских, правительственных, общественных, исследовательских организаций, 700 журналистов из 30 стран ближнего и дальнего зарубежья. Они присутствовали на заседаниях ЦИК, официальных встречах и пресс-конференциях. В ходе пребывания в России иностранные наблюдатели посетили около 60 республиканских, краевых и областных центров, городов и поселков.

³² Независимая газета. 1993. 30 ноября, 3 декабря; Российские вести. 1993. 3 декабря; Сегодня. 1993. 3 декабря, 10 декабря; Коммерсантъ. 1993. 29 ноября, 2 декабря; Коммерсантъ. Аналитический еженедельник. 1993. 29 ноября — 5 декабря.

³³ Бюллетень ЦИК РФ. 1993. № 4. С. 44–46; Правда. 1993. 19 ноября; Новая ежедневная газета. 1993. 7 декабря; Российские вести. 1993. 20 октября, 26 октября; Коммерсантъ. 1993. 2 ноября, 7 декабря; Независимая газета. 1993. 2 ноября; Сегодня. 1993. 10 декабря, 14 декабря; Московская правда. 1993. 13 ноября.

Конечно, представители международного наблюдательного сообщества не могли охватить почти 100 тыс. избирательных участков. Тем не менее, определенный риск в решении сделать российские выборы транспарентными все-таки присутствовал. Ибо зафиксированные фальсификации грозили бы российским властям не только репутационными издержками, но и вполне ощутимыми последствиями. Так, посол ЕС в России Майкл Эмерсон, отвечая на вопрос о том, что будет, если выборы пройдут недемократично, ответил: «Европейский Союз может не ратифицировать договор о вступлении России в состав ЕС» (этот документ Ельцин собирался обсудить в Брюсселе в декабре 1993 г.)³⁴.

Однако международные наблюдатели остались довольны голосованием. В ходе пресс-конференции представители Европарламента и ЕС даже заявили, что это были «первые честные выборы в России за последние 75 лет». При этом европейцы старались не акцентировать внимание на проблемах, связанных с соблюдением демократических процедур. В отчетах Европарламента и делегации Бюро Парламентской ассамблеи Совета Европы говорилось о том, что выборы в целом были свободными и справедливыми. Эти позитивные оценки стали демократическим алиби для ЦИК после того, как в печати появилась информация о массовых фальсификациях, якобы имевших место в ходе голосования³⁵.

День «Д»: ожидания и реальность. Результаты голосования 12 декабря оказались большой неожиданностью как для политического, так и экспертного сообщества. Бытует мнение, что еще никогда российская социология не была посрамлена так, как в декабре 1993 г. Это утверждение верно лишь отчасти. В начале ноября ВЦИОМ опубликовал результаты опроса, согласно которому уверенно лидировало движение «Выбор России» (25%). За ним следовала ЛДПР (15%). На третьем месте находился блок «Яблоко» (13%). 11 декабря, несмотря на запрет публикации результатов соцопросов за десять дней до выборов, ВЦИОМ обнародовал данные нового опроса, которые особо не изменились. С другой стороны, согласно данным Института социологии парламентаризма, которые были проведены накануне голосования, жириновцы ненамного опережали гайдаров-

³⁴ Бюллетень ЦИК РФ. 1994. № 1. — URL: <https://bcik.rf.org.ru/1994/1/> (дата обращения 04.01.2025), № 7. С. 31–36; Федеральное собрание России: опыт первых выборов. С. 100; Коммерсантъ. 1993. 7 декабря; Новая ежедневная газета. 1993. 7 декабря; Известия. 1993. 14 декабря.

³⁵ Бюллетень ЦИК РФ. 1994. № 7. С. 31–36, № 8. С. 3; Коммерсантъ. 1993. 14 декабря; Российская газета. 1993. 21 декабря; Известия. 1993. 14 декабря; Сегодня. 1993. 14 декабря.

цев: ЛДПР — 17%, ВР — 16%. Что касается явки, Центризбирком, опираясь на показатели апрельского референдума, прогнозировал 60-процентную активность избирателей. Однако 12 декабря явка составила 54,81% (сократилась на 10,6 млн). Ее снижение Н.Т. Рябов объяснял природно-климатическими условиями, а также жестким требованием голосования только по месту жительства³⁶.

Таблица № 1

**Социологические прогнозы и результаты голосования
в общефедеральном округе 12 декабря 1993 г.**

Наименование избирательного объединения	ВЦИОМ	Институт социологии парламентаризма	Результаты 12 декабря 1993 г.
ЛДПР	15 %	17 %	22,92 %
Движение «Выбор России»	25 %	16 %	15,51 %
Коммунистическая партия РФ	около 5 %	12 %	12,4 %
Движение «Женщины России»	4 %	6 %	8,13 %
Аграрная партия России	2–5 %	5 %	7,99 %
«Яблоко»	13 %	13 %	7,86 %
ПРЕС	5 %	5 %	6,73 %
Демократическая партия России	около 5 %	10 %	5,52 %

Сравнивая прогнозы с конечным результатом, можно предположить, что «смертный грех» российской социологии состоял в том, что она не смогла предугадать крутой победный отрыв «маргинальной» ЛДПР от движения респектабельных правительственных либералов. Очевидно, что социология либо подверглась гипнозу телепропаганды, либо сама выступила ее частью. Но триумф Жириновского выглядел как верхушка айсберга на фоне недостаточного успеха проправительственных объединений, получивших, на первый взгляд, достаточно скромный результат. Действительно, электорат сторонников правительственного курса (ВР и ПРЕС) составил примерно 12 млн голосов (20%). Поддержка коммунистов, аграриев и жириновцев (т.е. всех тех, кто жестко критиковал власть и допускал радикальный пересмотр социально-экономического порядка или внешнеполитического курса) превышала 23 млн. (40%). Еще 7,3 млн голосов

³⁶ Сегодня. 1993. 23 октября, 12 ноября; Независимая газета. 1993. 10 ноября, 2 декабря; Общая еженедельная газета. 1993. 19–25 ноября, 3–9 декабря; Аргументы и факты. 1993. № 47; Шляпентох В.Э. Предвыборные опросы 1993 г. в России (критический анализ) // Социс. 1995. № 9. С. 19; Коммерсантъ. 1993. 11 декабря; Известия. 1993. 15 декабря; Советская Россия. 1993. 14 декабря.

(12,6%) приходилось на демократические («Яблоко») и центристские («промежуточные») ассоциации (Женщины России, ДПР)³⁷.

С учетом голосов в одномандатных округах численность парламентских фракций в I Думе составила: ЛДПР — 64 депутата, ВР — 76, КПРФ — 45, ЖР — 23, АПР — 55, «Яблоко» — 25, ПРЕС — 33, ДПР — 15. В общем и целом, проправительственным объединениям принадлежало 109 мест (24%), центристам и неправительственным либералам — 138 мест (30%), лево-патриотам — 179 (39,7%). Эти расчеты почти совпадают с классификацией, сделанной аналитиками президентской администрации на основе результатов первых голосований. Таким образом, каждый партийно-политический фланг располагал в Думе примерно третью мест, не имея решающего большинства. Такой расклад открывал путь для сложной коалиционной игры, которая и составляет суть парламентаризма³⁸.

Кроме того, если сложить совокупный электорат всех избирательных объединений, преодолевших 5-процентный барьер, исключив сторонников КПРФ и АПР, то получится сумма, совпадающая с числом проголосовавших за новую Конституцию (32,9 млн), — 32,8 млн. На основании этого можно предположить, что основная часть проголосовавших, несмотря на диверсификацию партийно-политических взглядов, была заинтересована в построении новой России с сильной президентской властью, свободной экономикой, необходимым набором социальных гарантий и основных демократических прав и свобод.

Заключение

Подготовка электоральная реформы, несмотря на скоротечный характер ее проведения, заняла ровно год (дольше, чем готовился президентский вариант Конституции). Однако, если конституционный проект перед вынесением на всенародное голосование тщательно дорабатывался в течение как минимум двух продолжительных этапов (летом и осенью 1993 г.), то положение о выборах было «небрежно» выпущено администрацией президента вслед за указом № 1400 и корректировалось уже в ходе самой предвыборной кампании. Таким образом, избирательная реформа стала эпифеноменом конституционной революции (хотя, возможно, что сама модернизация избирательной системы стала какой-то небольшой электоральной революцией).

³⁷ Независимая газета. 1993. 14 декабря, 15 декабря; Сегодня. 1993. 14 декабря.

³⁸ Бюллетень ЦИК РФ. 1994. № 1. С. 32, № 7. С. 19; Независимая газета. 1994. 6 декабря; Шейнис В.Л. Указ. соч. С. 704; Коммерсантъ. 1993. 14 декабря.

Первые многопартийные выборы проводились в условиях отсутствия в РФ сильных, укорененных политических партий. После отмены «шестой статьи» партийное строительство носило во много любительский характер. Гайдаровские реформы если и способствовали общественно-политической консолидации, то в основном коммунистических и национал-реваншистских сил. Таким образом, не дожидаясь кристаллизации влиятельных объединений, артикулирующих интересы социальных страт, которые поддерживали президентский курс в ходе апрельского референдума, исполнительная власть согласилась считать таковыми формирования, которые были созданы буквально «под выборы». Избирательная кампания проводилась по довольно «сниженным» требованиям. Уполномоченные органы зачастую закрывали глаза на явные нарушения ради того, чтобы выборы состоялись.

Ситуация чем-то напоминала ваучерную приватизацию или залоговые аукционы, когда в отсутствие крупного частного капитала сама власть наделяла правами крупных собственников финансово-промышленные группы, коммерческие банки, а также их непосредственных владельцев. Подобная стратегия являлась вынужденным маневром на пути радикальной смены экономики парадигмы. Напомним, что основным идеологическим двигателем радикальной приватизации была объявлена угроза коммунистического реванша в случае проведения половинчатых преобразований. Похожая ситуация складывалась и в партийно-политической сфере, где слабость либерально-демократического фланга в итоге привела к торжеству в парламенте «красно-коричневых». Таким образом, электоральная реформа носила конъюнктурно-политический характер. Новый механизм избрания депутатов должен был в первую очередь усилить позиции исполнительной власти в будущем законодательном собрании. Однако вместо однозначного торжества пропрезидентских сил в Думе сложилась сложная конфигурация различных парламентских объединений, каждое из которых, преследуя собственные интересы, сдерживало новый президентский авторитаризм.

Нельзя не отметить позитивный характер электоральной реформы. Осенью 1993 г. была проведена комплексная модернизация российской избирательной системы, столь необходимая после распада однопартийного диктата. Хаотичная конкуренция многочисленных кандидатов, состоявших в одной партии, сменилась борьбой диверсифицированных политических институций, имевших в парламенте гораздо больший потенциал, нежели атомизированные парламентарии. Б.Н. Ельцин логически завершил процесс, начатый М.С. Гор-

бачевым в марте 1990 г. Если генсек под давлением обстоятельств отстоял конституционное право советских граждан на объединение в альтернативные (некоммунистические) партии, то российский президент гарантировал им представительство в федеральной законодательной власти.

Российская избирательная система приобрела вследствие реформы такие важные черты состязательной демократии, как необходимость сбора подписей в качестве основания для регистрации партийных списков и отдельных кандидатов, гарантированный доступ политических конкурентов к электронным СМИ, государственное и частное финансирование избирательной кампании, контроль международных наблюдателей. Внеочередные выборы сумели более адекватно отобразить актуальную картину российского общества, претерпевшего тектонические изменения вследствие рыночных преобразований и разрушения прежней социальной гомогенности (народные депутаты, избранные в условиях еще советской реальности, упорно не желали замечать на кремлевских курантах новое историческое время). Но не стоит забывать, что сама модернизация избирательной системы, проводившаяся (впрочем, как и любая модернизация в России) авторитарными мерами, имела высокую общественную цену.

References

Andryushchenko E.G. *Dekabr'skoe golosovanie 93-go: chto dal'she?* [The December Vote of '93: What Next?] // *Obozrevatel'-Observer*. 1994. N 18. P. 28–34.

Avak'yan S.A. *Vybory 1993/94 v Rossiyskoy Federatsii: pravila i protsedury* [The 1993/94 Elections in the Russian Federation: Rules and Procedures]. Moscow: Izvestiya, 1993. 30 p.

Biktagirov R.T. *Stanovlenie TsIK Rossii: nachalo puti* [The Formation of Russia's Central Electoral Commission: The Beginning of the Journey] // *Grazhdanin, vybory, vlast'*. 2018. N 3. P. 5–13.

Danilin P. *Partiynaya sistema sovremennoy Rossii* [The Party System of Contemporary Russia]. Moscow: Argumenty nedeli, 2015. 399 p.

Federal'noye sobranie Rossii: opyt pervykh vyborov [The Federal Assembly of Russia: The Experience of the First Elections]. Moscow: IGPAN, 1994. 119 p.

Formirovaniye partiynno-politicheskoy sistemy v Rossii [The Formation of the Party-Political System in Russia] / Ed. by M. McFaul, S. Markov*, A. Ryabov. Moscow: Moskovskiy Tsentr Carnegie**, 1998. 156 p.

Gel'man V.Ya. *Sozdavaya pravila igry: rossiyskoe izbiratel'noye zakonodatel'stvo perekhodnogo perioda* [Creating the Rules of the Game: Russian Electoral Legislation in the Transitional Period] // *Polis*. 1997. N 4. P. 125–147.

* Recognized as a foreign agent by the Ministry of Justice.

** Violates the current legislation of the Russian Federation.

Gel'man V.Ya. "Uchreditel'nye vybory" v kontekste rossiyskoy transformatsii ["Founding Elections" in the Context of Russian Transformation] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1999. N 6. P. 46–64.

Gel'man V.Ya. Viktor Sheynis i rossiyskaya elektoral'naya reforma 1993 goda [Viktor Sheynis and the Russian Electoral Reform of 1993] // *Elektoral'naya politika*. 2023. N 2. — URL: <http://electoralpolitics.org/ru/articles/viktor-sheinis-i-rossiiskaia-elektoralnaia-reforma-1993-goda/>

Golosov G.V. *Predely elektoral'noy inzhenerii: "smeshannye nesvyazannye" izbiratel'nye sistemy v novykh demokratiyakh* [The Limits of Electoral Engineering: "Mixed Unlinked" Electoral Systems in New Democracies] // *Polis*. 1997. N 3. P. 102–113.

Ivanchenko A.V., Lyubarev A.E. *Rossiyskie vybory ot perestroyki do suverennoy demokratii* [Russian Elections from Perestroika to Sovereign Democracy]. Moscow: Aspekt Press, 2006. 221 p.

Izбирatel'nyy zakon. Materialy k obsuzhdeniyu [The Electoral Law: Materials for Discussion]. Moscow: [s. n.], 1993. 91 p.

Kynev A.V., Lyubarev A.E. *Partii i vybory v sovremennoy Rossii: evolyutsiya i devolyutsiya* [Parties and Elections in Contemporary Russia: Evolution and Devolution]. Moscow: Novoye literaturnoye obozrenie, 2011. 786 p.

Lapaeva V.V. *Stanovlenie mnogopartiynosti v Rossii (sotsial'no-pravovoy analiz)* [The Emergence of Multiparty Politics in Russia: A Socio-Legal Analysis] // *Gosudarstvo i pravo*. 1995. N 8. P. 3–13.

Lystsov V.V. *Rossiyskoe izbiratel'noye pravo: ot imperii do federatsii* [Russian Electoral Law: From Empire to Federation]. Voronezh: [s. n.], 1998. 131 p.

Lyubarev A.E., Korgunyuk Yu.G., Mikhaleva G.M. *Zakonodatel'stvo o vyborakh i partiyyakh: chetvert' veka metaniy* [Legislation on Elections and Parties: A Quarter-Century of Zigzags] // *Politicheskaya kontseptologiya*. 2018. N 3. P. 218–225.

McFaul M. *Osmyslenie parlamentskikh vyborov 1993 g. v Rossii* [Rethinking the 1993 Parliamentary Elections in Russia] // *Polis*. 1994. N 5. P. 124–138.

Mikhaleva G.M. *Izmenenie institutov vyborov i partiy v transformatsionnom kontekste* [The Transformation of Electoral and Party Institutions in Contexts of Political Change] // *Politicheskaya kontseptologiya*. 2018. N 3. P. 213–217.

Nisnevich Yu.A., Orlov I.B. *Popytka demokraticheskogo proryva: vzlety i padeniya Gosudarstvennoy Dumy pervogo sozyva (1993–1995 gg.)* [An Attempt at a Democratic Breakthrough: The Rise and Fall of the First State Duma (1993–1995)]. Part I // *Voprosy politologii*. 2021. Vol. 11. N 5. P. 1318–1334.

Salmin A.M. *Vybory i izbiratel'nye sistemy: opyt Rossii v 1989–1995 godakh* [Elections and Electoral Systems: Russia's Experience in 1989–1995] // *Vestnik Moskovskoy shkoly politicheskikh issledovaniy*. 1995. N 2. P. 8–27.

Sheynis V.L. *Vzlet i padenie parlamenta: perelomnye gody v rossiyskoy politike (1985–1993)* [The Rise and Fall of Parliament: Watershed Years in Russian Politics (1985–1993)]. Vol. 2. Moscow: Moskovskiy Tsentr Carnegie**, 2005. 769 p.

Shlyapentokh V.E. *Predvybornye oprosy 1993 g. v Rossii (kriticheskiy analiz)* [Pre-Election Polls in Russia in 1993: A Critical Analysis] // *Sotsis*. 1995. N 9. P. 14–22.

Sobyenin A.A., Sukhovolskiy V.G. *Demokratiya, ogranichennaya fal'sifikatsiyami* [Democracy Limited by Falsifications]. Moscow: INTU, 1995. 263 p.

** Violates the current legislation of the Russian Federation.

Volgin E.I. *Elektoral'naya reforma 1993 g.: novyy etap rossiyskogo partogeneza* [The Electoral Reform of 1993: A New Stage in Russian Party Genesis] // *Klio*. 2013. N 9. P. 136–142.

Volgin E.I. *Elektoral'naya reforma 1993 goda v rossiyskom politicheskom diskurse* [The Electoral Reform of 1993 in Russian Political Discourse] // *Klio*. 2017. N 8. P. 175–184.

Volgin E.I. *Problemy razrabotki zakonodatel'stva o politicheskikh partiyaх v RF (1990–1993)* [Problems in Drafting Legislation on Political Parties in the Russian Federation (1990–1993)] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 8. Istoriya*. 2017. N 5. P. 60–81.

Vybory v Gosudarstvennuyu Dumu: pravovye problemy: sbornik statey i initsiativnyy proekt zakona [Elections to the State Duma: Legal Issues: Collected Articles and an Initiative Draft Law] / Ed. by V.I. Vasil'ev and A.E. Postnikov. Moscow: Bek, 1995. 161 p.

Vybory v RF [Elections in the Russian Federation] / Ed. by A.V. Ivanchenko. Moscow: VELTI, 1998. 143 p.

Zaslavskiy S.E. *Institutsional'nye osnovy izbiratel'noy sistemy Rossii: v perekrest'e pamyatnykh dat* [The Institutional Foundations of Russia's Electoral System: At the Crossroads of Commemorative Dates] // *Izbiratel'noye zakonodatel'stvo i praktika*. 2018. N 4. P. 3–8.

Поступила в редакцию
15 августа 2025 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2025-66-6-134-144

Н.Г. Абрамова

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ КАК УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

N.G. Abramova

ON THE EMERGENCE OF HISTORICAL GEOGRAPHY AS AN ACADEMIC DISCIPLINE AT MOSCOW UNIVERSITY

Аннотация. В статье рассматриваются основные вехи развития исторической географии России. Освещен процесс складывания ее как отрасли науки, а также показано, как эта область знания структурировалась в учебную дисциплину. Описан вклад ученых Московского университета в этот процесс. Представлен обзор становления преподавания в Московском университете исторической географии как вспомогательной исторической дисциплины с конца XIX в. до середины XX в. Непростой и длительный путь складывания исторической географии как науки был обусловлен спецификой предмета и междисциплинарным характером историко-географического знания. Определение собственного предметного поля исторической географии как науки потребовало длительного времени. В статье рассказывается о вкладе известных ученых XVIII–XIX вв. (В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, Н.И. Надеждина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского и др.) в развитие исторической географии. В конце XIX — начале XX в. накопление результатов разработки историко-географической проблематики привело к тому, что этот предмет стал преподаваться в высших учебных заведениях России, он получил статус учебной дисциплины. Опыт преподавания исторической географии в России насчитывает чуть более ста лет.

Абрамова Надежда Григорьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Abramova Nadezhda Grigorievna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Source Studies of Russian and Soviet History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

istochmsu@list.ru

ORSID: 0009-0002-8966-1069

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University.

Применительно к Московскому университету можно выделить несколько этапов в развитии исторической географии как учебной дисциплины. Акцентирован вклад Д.Н. Анучина как инициатора чтения курса по исторической географии в Московском университете. Показано становление преподавания исторической географии в университете в XX в., связанное прежде всего с именами М.К. Любавского и Ю.В. Готье, а позже — В.К. Яцунского. Отмечена роль кафедры источниковедения исторического факультета Московского университета и лично академика М.Н. Тихомирова в развитии этой науки и организации преподавания этой дисциплины, положившей начало современному состоянию ее преподавания на историческом факультете. Различные аспекты исторической географии представлены сегодня в образовательном процессе многих структурных подразделений МГУ.

Ключевые слова: Московский университет, историческая география, вспомогательные исторические дисциплины, кафедра источниковедения, Д.Н. Анучин, М.К. Любавский, Ю.В. Готье, В.К. Яцунский, М.Н. Тихомиров.

Abstract. This article examines the principal stages in the development of Russian historical geography. It traces the formation of the field as a branch of scholarship and shows how it gradually took shape as an academic discipline. Particular attention is given to the contribution of scholars at Moscow University to this process. The article offers an overview of the emergence of historical geography as an auxiliary historical discipline in the curriculum of Moscow University from the late 19th century to the mid-20th. The long and complex path of establishing historical geography as a field of study was conditioned by the specificity of its subject matter and by the inherently interdisciplinary character of historical-geographical knowledge. The delineation of a distinct disciplinary domain for historical geography required considerable time. The essay discusses the contributions of major 18th- and 19th-century scholars — including V.N. Tatishchev, M.V. Lomonosov, N.I. Nadezhdin, S.M. Solov'ev, and V.O. Kliuchevskiy, among others — to the development of the field. By the late 19th and early 20th centuries, the cumulative results of research in historical geography had led to the introduction of the subject into Russian higher education, where it acquired the status of a formal academic discipline. The teaching of historical geography in Russia thus extends back little more than a century. With specific reference to Moscow University, the article identifies several distinct stages in the development of historical geography as a university subject. It emphasizes the role of D.N. Anuchin as the initiator of the first course in historical geography at Moscow University. The institutionalization of the discipline in the 20th century was associated above all with M.K. Liubavskiy and Yu.V. Gautier, and later with V.K. Yatsunskiy. The article also underscores the importance of the Department of Source Studies in the Faculty of History at Moscow University, and of the Academy full member M.N. Tikhomirov personally, in advancing the field and organizing its teaching, thereby laying the foundations for its modern form within the Faculty of History. Today, various aspects of historical geography are represented in the curricula of numerous academic units at Moscow State University.

Keywords: Moscow University, historical geography, auxiliary historical disciplines, Department of Source Studies, D.N. Anuchin, M.K. Liubavskiy, Yu.V. Gautier, V.K. Yatsunskiy, M.N. Tikhomirov.

Юбилейные события последнего времени — 270-летний юбилей Московского университета, 90-летие исторического факультета, восстановленного в его составе с 1 сентября 1934 г., 75 лет выхода Постановления Совета министров СССР об образовании Музея земледения и 70 лет открытия его экспозиции, тематика которой во многом связана с проблематикой исторической географии¹, — дают повод проследить формирование университетских учебных дисциплин, и, в частности, исторической географии.

Любое научное исследование невозможно без вспомогательных или специальных дисциплин. Их приемы и методы зависят от предмета этих разделов науки, стоящих перед ними задач и от используемых источников. Поскольку все они направлены на всестороннее изучение источника, то они тесно связаны с источниковедением. Многие из этих дисциплин со временем вышли за пределы стоявших перед ними вспомогательных задач и стали заниматься решением самостоятельных проблем.

В ходе профессиональной подготовки историков на историческом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова их изучению традиционно уделяется много внимания. Не последнее место среди них занимает историческая география, которая в современном понимании дает пространственную локализацию исторического процесса. Наряду с традиционными для географии проблемами, историки в рамках данной дисциплины изучают опыт взаимоотношений, существующих между человеческим обществом и пространством, взаимовлияние человека и окружающей среды, влияние природно-географического фактора на исторический процесс.

Историческая география как учебная дисциплина сформировалась относительно недавно. Опыт ее преподавания в России насчитывает немногим более ста лет. Процесс складывания исторической географии и как отрасли науки, и как учебной дисциплины не был простым. Определение собственного предметного поля исторической географии потребовало длительного времени, что может объясняться междисциплинарным характером историко-географического знания, его спецификой.

По мнению исследователей, точкой отсчета для занятий исторической географией в России можно считать XVIII век. Еще в одном

¹ Смуров А.В. Наука, образование и просвещение в Музее земледения МГУ // Жизнь Земли. 2016. Т. 38. № 1. С. 6–15.

из регламентов высших учреждений, созданных Петром I, а именно в Духовном регламенте, говорилось, что изучать историю без знания географии всё равно, что ходить по улице с завязанными глазами. Одним из первых значение географического знания для историков выделил и подчеркнул В.Н. Татищев. В его трудах можно встретить замечание о том, что без знания географии «история ясною и внятною быть не может», что «география показывает положение мест, где что прежде было и ныне есть»².

Географические экскурсии содержали работы Г.Ф. Миллера, М.В. Ломоносова³. Последний примыкал к В.Н. Татищеву по своим взглядам на место исторической географии в общеисторических работах. В центре первой части его труда «Древняя российская история от начала российского народа до кончины Великого князя Ярослава Первого, или до 1054 года» была проблема происхождения русского народа и государства. В труде «О слоях земных» М.В. Ломоносов говорил о связи географии исторической и географии современности: «Видимые телесные на земли вещи и весь мир не в таком состоянии были с начала от создания, как ныне находим, но великие происходили в нем перемены, что показывает история и древняя география, с нынешнею снесенная»⁴.

В целом для историографии XVIII в. было характерным в большей степени накопление фактического материала, который дал толчок для развития исторической географии в XIX в.

В первой половине XIX в. географическое пространство рассматривалось как пространство политическое, как территория владения. География выступала в первую очередь как инструмент, необходимый для изучения политической истории. Историческим повествованиям предшествовали географические обзоры формирования границ, административного деления, направлений военных походов и т.п.⁵

Во второй половине XIX в. обозначились основные пути и направления историко-географических исследований, сформирова-

² Татищев В.Н. История Российская. Т. 1. М., 1962. С. 82, 345–348.

³ Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное / Сост. А.Б. Каменский. М., 1996; Ломоносов М.В. Древняя российская история от начала российского народа до кончины Великого князя Ярослава Первого, или до 1054 года, сочиненная Михайлом Ломоносовым // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6. М.; Л., 1952.

⁴ Ломоносов М.В. О слоях земных // Ломоносов М.В. Избранные философские произведения. М., 1950. С. 396.

⁵ Полевой Н.А. История русского народа. Т. 1. М., 1829; Надеждин Н.И. Опыт исторической географии русского мира // Библиотека для чтения. Т. XXII. Отд. III. Науки и искусства. СПб., 1837. С. 27–79.

лись представления о предмете исторической географии. В это время было опубликовано большое число историко-географических сочинений, охватывающих разные хронологические периоды и области нашей страны, особенностью которых был комплексный подход, тесная связь предметной области исторической географии, археологии, этнографии, лингвистики и пр.

Дальнейшее развитие научной дисциплины привело к тому, что в конце XIX — начале XX в. она стала предметом преподавания в высших учебных заведениях России, получила статус учебной дисциплины. Первыми высшими учебными заведениями, поставившими в число преподаваемых предметов историческую географию, были Московский университет, а также Археологические институты в Петербурге и Москве. Именно в это время появились и первые печатные издания, которые претендовали быть сводными учебными курсами исторической географии России.

В Московском университете историко-географическая проблематика рассматривалась в рамках курса «Вспомогательные науки истории» еще в 30-е гг. XIX в. Однако, по мнению исследователей, студентов знакомили с географией «преимущественно по литературе западноевропейских историков и филологов»⁶. В те же годы на историко-филологическом факультете М.А. Коркунов и М.С. Гастев читали курс «Древняя география», а М.Т. Каченовский — курс «История, статистика и география Российского государства».

В 1880-е гг. вопросами географии в Московском университете занимался известный антрополог, этнограф, географ, археолог Д.Н. Анучин. С 1885 г. на историко-филологическом факультете он начал читать курс по истории землеведения, в 1886 г. — курс «Древняя география», а с 1887 г. — курс географии России. Однако в 1889 г. кафедра географии и этнографии была передана на естественное отделение физико-математического факультета, что соответствовало пониманию места географии в системе наук и содержания ее предмета.

С 1894 г. по 1917 г. под редакцией профессора Д.Н. Анучина выходил журнал «Землеведение» Географического отделения Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, традиции которого продолжил журнал «Жизнь Земли» — издание Музея землеведения МГУ. После открытия этого музея сюда были переданы сохранившиеся материалы фотоархива Д.Н. Анучина, иллюстрировавшие особенности географии, геоло-

⁶ Историческая наука в Московском университете. 1755–2004. М., 2004. С. 199.

гии, биологии, климата, этнографии, антропологии, истории и архитектуры разных регионов⁷.

Вводную лекцию по истории землеведения Д.Н. Анучин начал с определения содержания и задач «новых предметов, введенных в университетское преподавание», подчеркнув, что география на историко-филологическом факультете «поставлена рядом с историей, приурочена к обширному циклу наук, разъясняющих развитие человеческой культуры»⁸, хотя у него в работах преобладал естественнонаучный подход. Именно Д.Н. Анучину принадлежала идея чтения курса по исторической географии в Московском университете⁹.

Следует отметить, что историки при разработке общих курсов истории России учитывали географические условия и их влияние на экономику и политический строй страны. В.О. Ключевский, в частности, рассматривал «совокупное действие различных форм поверхности нашей равнины, условий орографических, почвенных и гидрографических» при объяснении исторического процесса¹⁰. В магистерской диссертации ученый ставил вопрос о житиях святых как об источнике информации о процессе колонизации Северо-Восточной Руси¹¹.

В силу объективных условий роль географического фактора в России гораздо больше, чем на Западе. Поэтому русские историки уделяли большое внимание этой проблеме, часто даже преувеличивали роль географического фактора. Впервые в России концепцию географического детерминизма отстаивают представители «государственной школы» в историографии Б.Н. Чичерин и К.Д. Кавелин, сотрудничавшие с Московским университетом. Наиболее полно воплотил ее в жизнь С.М. Соловьёв (ректор Московского университета в 1871–1877 гг.).

С.М. Соловьёв считал географический фактор универсальным методом развития мировой цивилизации, при этом каждый народ проживает в условиях определенной окружающей среды. Для народов России — природа мачеха, а для Западной Европы —

⁷ Джобадзе Т.Ф., Максимов Ю.И., Снакин В.В. Фотоархив Д.Н. Анучина как источник естественнонаучной информации (ученые, этнография, страноведение) // Ломоносовские чтения: Материалы секции музееведения / Под ред. А.В. Смурова и В.В. Снакина. М., 2014. С. 79–87.

⁸ Анучин Д. Н. Курс лекций по истории землеведения. М., 1998. С. 19.

⁹ Там же. С. 29.

¹⁰ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 1. М., 1956. С. 66.

¹¹ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988.

мать. Равнинный характер территории обусловил, по Соловьёву, и черты характера русского народа, и медленность государственного развития, и господство племенного начала. Не доводя природно-климатический фактор до абсолюта, он полагал, что народ имеет в самом себе способность подчиниться или не подчиниться этому фактору.

Из природного фактора С.М. Соловьёв выводил и периодизацию российской истории. За ним в этом вопросе последовал и В.О. Ключевский (в 1887–1889 гг. был деканом историко-филологического факультета и проректором Московского университета). По Ключевскому, природно-географический фактор не влияет на историю непосредственно, воздействие его не столь всеобъемлюще, как полагал Соловьёв. Всю историю России он делил согласно периодам колонизации и освоения той или иной речной области (Русь Днепровская, Русь Верхневолжская и т. д.), при этом колонизацию он связывал и с влиянием других стран, т.е. с международным фактором.

Историческая география в это время становится популярной и динамично развивающейся исторической дисциплиной. Среди прочих исследователей следует назвать профессора Московского университета Ю.В. Готье. При описании Замосковского края он уделял внимание особенностям климата, характеризовал рельеф и гидрографическую сеть, расположение лесов. Он подчеркивал тесную связь между природными условиями и экономической жизнью населения¹².

В начале XX в. в Москве — в Московском университете и в Археологическом институте — читали свои лекционные курсы по исторической географии С.К. Кузнецов и М.К. Любавский, в которых рассматривалась практически только география расселения. Эти курсы были изданы¹³ и должны были стать пособиями по исторической географии, но не охватили даже в общих чертах всего накопленного к тому времени материала. Историческая география получила в этот период репутацию научной дисциплины с неопределенным содержанием. Так, С.К. Кузнецов свой курс русской исторической географии в Московском археологическом институте в 1907/1908 учебном году начинал словами: «Едва ли я ошибусь, если скажу, что содержание той науки, которую мне предстоит излагать — русской исторической

¹² Готье Ю.В. Замосковский край в XVII в. М., 1906; 2-е изд. М., 1937. Ю.В. Готье к работе приложил составленную им самим карту, на которой нанесены границы уездов и станов XVI–XVII вв.

¹³ Кузнецов С.К. Русская историческая география. М., 1910; Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909 (издана гектографическим способом по записям студентов).

географии, — крайне неопределенно, самое понятие о ней крайне смутно, метод еще не выработан»¹⁴.

Продолжил развитие исторической географии как самостоятельного направления исторических исследований и как учебной дисциплины М.К. Любавский (ректор Московского университета в 1911–1917 гг.). В своем учебном курсе он видел задачи науки в изучении размещения населения и его состава, промышленности и т.п., в выяснении влияния окружающей природы на человека. Проблемы исторической географии рассматривались им в связи с историей колонизации, что представляет собой развитие положения В.О. Ключевского о колонизации как стержневом моменте отечественной истории. Особенностью этого курса было использование преимущественно письменных источников, а также широкий временной охват — от восточных славян до XIX в. На рубеже XX–XXI вв. труды М.К. Любавского по исторической географии были переизданы¹⁵.

В 20–30-е гг. XX в. произошло забвение исторической географии как науки. Практически на три с лишним десятилетия исчез соответствующий курс из программ высшей школы.

Рубежным для развития дисциплины стал 1941 год. В 5-м номере журнала «Историк-марксист» за 1941 г. появилась статья В.К. Яцунского «Предмет и задачи исторической географии». Эта статья послужила стимулом для привлечения внимания к данной науке. За короткое время (за 5–6 лет) произошел прорыв в изучении основных задач, проблем исторической географии, чтении лекционных курсов. В 1950-е годы, благодаря стараниям академика М.Н. Тихомирова, преподавание дисциплины было введено в МГУ. Ко второй половине XX в. можно уже говорить о том, что историческая география опять заняла свое место среди специальных исторических дисциплин, преподававшихся в Московском университете и в других вузах.

С именем В.К. Яцунского связана разработка теоретических основ современной исторической географии и изучения историко-географических источников¹⁶. С 1943 г. он начал вести на географическом факультете Московского педагогического института наряду с экономической географией созданный им курс исторической гео-

¹⁴ Кузнецов С.К. Указ соч. С. 1.

¹⁵ Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб., 2000; Он же. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX в. М., МГУ, 1996.

¹⁶ Наиболее полно содержание исторической географии раскрыто В.К. Яцунским в статье «Историческая география как научная дисциплина» (Вопросы географии. 1950. № 20).

графии, потом читал его в Историко-архивном институте и в Московском университете.

В развитии преподавания исторической географии на историческом факультете МГУ особую роль сыграл М.Н. Тихомиров, возглавивший кафедру источниковедения, созданную в 1952 г. При всем многообразии тематики его трудов заметен неослабевающий интерес к историко-географическим проблемам. «Из историков столь широкого профиля М.Н. Тихомиров, — по мнению С.О. Шмидта, — пожалуй, единственный, кто, подобно В.Н. Татищеву, уделял бы так много внимания географическому аспекту в конкретном изучении страниц русского прошлого и в обобщающих трудах о России периода феодализма»¹⁷.

Для М.Н. Тихомирова исторические явления всегда существовали в определенной географической среде. Уже в начале 1920-х гг. географический фактор особо отмечается им в трудах по истории подмосковного города Дмитрова и его уезда. Еще в большей мере это очевидно в знаменитых монографиях 1940-х гг. о средневековой Москве и древнерусских городах (где приложен и специальный указатель географических, топографических и этнографических названий). Географическому размещению городов посвящена самая большая глава его книги «Древнерусские города» (1947), занимающая треть всей книги. Первой синтетической монографией по исторической географии России конца XV–XVI вв. стала книга «Россия в XVI столетии» (1962). Такой же подход обнаруживается и в собственно источниковедческих трудах, в учебном пособии по источниковедению отечественной истории и в других, и в воспоминаниях ученого.

Небольшой коллектив кафедры источниковедения с первых лет ее существования (50-е гг. XX в.) наладил преподавание вспомогательных исторических дисциплин, в том числе исторической географии, которая является обязательным предметом для изучения, начиная с первого учебного плана кафедры. С того времени историческая география прочно заняла свое место среди специальных исторических дисциплин, преподающихся на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. Для всех студентов, специализирующихся на изучении отечественной истории, курс отечественной исторической географии традиционно читают преподаватели кафедры источниковедения, а для всех остальных студентов в зависимости от профиля подготовки (специализации), выбранного

¹⁷ Шмидт С.О. М.Н. Тихомиров как историк-географ // Исторический источник: Человек и пространство. М., 1997 С. 61.

студентом, преподавателями профильных кафедр факультета читаются курсы исторической географии соответствующих периодов и регионов.

Проблемы исторической географии включены сегодня в учебный процесс многих структурных подразделений МГУ. Преподавание этого курса способствует формированию у студентов более широкого взгляда на возможности исторического познания, обогащает исследования конкретных исторических проблем, позволяет расширить круг используемых методов.

Таким образом, отчетливо прослеживается периодизация становления преподавания курса исторической географии в Московском университете: XIX в. — зарождение; рубеж XIX–XX вв. — развитие и трансформация; вторая половина XX в. — превращение в обязательную историческую дисциплину.

References

Anuchin D.N. *Kurs lektsiy po istorii zemlevedeniya* [A Course of Lectures on the History of Earth Studies]. Moscow: Geograficheskiy fakul'tet MGU, 1998. 254 p.

Gautier Yu.V. *Zamoskovnyy kray v XVII v.* [The Region Beyond the Moscow River in the Seventeenth Century]. Moscow: Tipografiya G. Lissnera i D. Sovko, 1906. 602 p.; 2nd rev. ed. Moscow: Sotsekgiz, 1937. 411 p.

Dzhobadze T.F., Maksimov Yu.I., Snakin V.V. *Fotoarkhiv D.N. Anuchina kak istochnik estestvennonauchnoy informatsii (uchenyte, etnografiya, stranovedenie)* [D.N. Anuchin's Photo Archive as a Source of Natural-Scientific Information (Scholars, Ethnography, Area Studies)] // *Lomonosovskie chteniya. Materialy sekti muzevedeniya* [Lomonosov Readings. Proceedings of the Museology Section] / Ed. by A.V. Smurov and V.V. Snakin. Moscow: IKAR; Muzei zemlevedeniya MGU, 2014. P. 79–87.

Istoricheskaya nauka v Moskovskom universitete. 1755–2004 [Historical Scholarship at Moscow University, 1755–2004] / Ed. by S.P. Karpov. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2004. 640 p.

Klyuchevskiy V.O. *Drevnerusskie zhitiya svyatykh kak istoricheskiy istochnik* [Old Russian Saints' Lives as a Historical Source]. Moscow: Nauka, 1988. 509 p.

Klyuchevskiy V.O. *Sochineniya* [Works]. In 8 vols. Vol. 1. *Kurs russkoy istorii* [A Course of Russian History]. Part 1. Moscow: Politizdat, 1956. 431 p.

Kuznetsov S.K. *Russkaya istoricheskaya geografiya. Kurs lektsiy, chitannykh v Moskovskom arheologicheskom institute v 1907–1908 g.* S.K. Kuznetsovym [Russian Historical Geography. A Course of Lectures Delivered at the Moscow Archaeological Institute in 1907–1908 by S.K. Kuznetsov]. Issues 1–2. Moscow: Moskovskiy arheologicheskiy institut. Issue 1. 1910. 197 p.; Issue 2. 1912. 73 p.

Lomonosov M.V. *Drevnyaya rossiyskaya istoriya ot nachala rossiyskogo naroda do konchiny velikogo knyazya Yaroslava Pervogo, ili do 1054 goda, sochinennaya Mikhailom Lomonosovym* [Ancient Russian History from the Beginning of the Russian People to the Death of Grand Prince Yaroslav I, or to 1054, Composed by Mikhail Lomonosov] // *Lomonosov M.V. Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 6. *Trudy po russkoy istorii, obshchestvenno-ekonomicheskim voprosam i geografii*.

1747–1765 [Works on Russian History, Socioeconomic Questions, and Geography. 1747–1765]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1952. P. 163–286.

Lomonosov M.V. *O sloyakh zemnykh* [On the Layers of the Earth] // Lomonosov M.V. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected Philosophical Works]. Moscow: Gospolitizdat, 1950. P. 363–441.

Lyubavskiy M.K. *Istoricheskaya geografiya Rossii v svyazi s kolonizatsiey* [Historical Geography of Russia in Connection with Colonization]. 2nd ed. Saint Petersburg: Lan', 2000. 302 p.

Lyubavskiy M.K. *Istoricheskaya geografiya Rossii v svyazi s kolonizatsiey: kurs, pročitanny v Moskovskom universitete v 1908–1909 akademicheskom godu* [Historical Geography of Russia in Connection with Colonization: A Course Delivered at Moscow University in the Academic Year 1908–1909]. Moscow: Tipolitografiya [Tityaeva?], 1909. 405 p.

Lyubavskiy M.K. *Obzor istorii russkoy kolonizatsii s drevneyshikh vremen i do XX v.* [A Survey of the History of Russian Colonization from Ancient Times to the Twentieth Century]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1996. 682 p.

Müller G.F. *Sochineniya po istorii Rossii. Izbrannoe* [Works on Russian History. Selected Writings] / Comp. by A.B. Kamenskiy. Moscow: Nauka, 1996. 448 p.

Nadezhdin N.I. *Opyt istoricheskoy geografii russkogo mira* [An Essay on the Historical Geography of the Russian World] // *Biblioteka dlya chteniya* [Library for Reading]. Vol. XXII. Section III. *Nauki i khudozhestva* [Sciences and Arts]. Saint Petersburg: Izdanie knigoprodavtsa Aleksandra Smirdina, 1837. P. 27–79.

Polevoy N.A. *Istoriya russkogo naroda* [History of the Russian People]. Saint Petersburg: Tipografiya Avgusta Semena pri Imperatorskoy mediko-khirurgicheskoy akademii, 1829. Vol. 1. 368, VII p.

Shmidt S.O. *M.N. Tikhomirov kak istorik-geograf* [M.N. Tikhomirov as a Historical Geographer] // *Istoricheskiy istochnik: chelovek i prostranstvo* [Historical Source: Person and Space]. Moscow: RGGU, 1997. P. 61–62.

Smurov A.V. *Nauka, obrazovanie i prosveshchenie v Muzee zemlevedeniya MGU* [Science, Education, and Enlightenment in the Museum of Earth Studies of Moscow State University] // *Zhizn' Zemli*. 2016. Vol. 38. N 1. P. 6–15.

Tatishchev V.N. *Istoriya Rossiyskaya* [Russian History]. In 8 vols. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Nauka, 1962. 500 p.

Tikhomirov M.N. *Drevnerusskie goroda* [Old Russian Towns]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1946. 256 p. (Series “*Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M.V. Lomonosova*” [Scholarly Notes of M.V. Lomonosov Moscow State University]. Issue 99).

Tikhomirov M.N. *Rossiya v XVI stoletii* [Russia in the Sixteenth Century]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1962. 584 p.

Yatsunskiy V.K. *Istoricheskaya geografiya kak nauchnaya distsiplina* [Historical Geography as a Scholarly Discipline] // *Voprosy geografii* [Issues of Geography]. Issue 20. *Istoricheskaya geografiya SSSR* [Historical Geography of the USSR]. Moscow: Geografiz, 1950. P. 13–41.

Yatsunskiy V.K. *Predmet i zadachi istoricheskoy geografii* [The Subject and Tasks of Historical Geography] // *Istoriik-marksist*. 1941. N 5. P. 3–29.

Поступила в редакцию
6 сентября 2025 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2025-66-6-145-171

Т.В. Юденкова

**П.М. ТРЕТЬЯКОВ И В.М. ВАСНЕЦОВ:
К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
КОЛЛЕКЦИОНЕРА И ХУДОЖНИКА**

T.V. Yudenkova

**PAVEL TRETYAKOV AND VIKTOR VASNETSOV:
TOWARD A HISTORY OF THE RELATIONSHIP
BETWEEN COLLECTOR AND ARTIST**

Аннотация. Отношения П.М. Третьякова с художниками, произведениями которых он пополнял свою галерею, — обширная тема, раскрывающая многие аспекты жизни коллекционера, его представления об искусстве и об эпохе, в которую он жил, его эстетические симпатии. История приобретения произведений того или иного художника в галерею, место, которое П.М. Третьяков отводил этим произведениям в экспозиции, а также переписка и воспоминания, освещающие историю формирования его коллекции, — всё это позволяет составить представление об отношении коллекционера к творчеству конкретных мастеров. Рассмотрение перечисленных аспектов деятельности П.М. Третьякова подводит к решению и более сложной задачи, связанной с реконструкцией роли и места каждого живописца, чьи работы представлены в созданной им галерее, в истории отечественного искусства. П.М. Третьяков выделял художественную деятельность В.М. Васнецова, высоко оценивал его решение участвовать в росписи Владимирского собора в Киеве, поддерживал мастера на протяжении многих лет его жизни. Несмотря на неоднозначное отношение современников к творчеству В.М. Васнецова, Павел Михайлович приобретал его произведения и принимал их в дар. К концу жизни коллекционера «монография Васнецова» в галерее насчитывала десятки

Юденкова Татьяна Витальевна, доктор искусствоведения, заместитель генерального директора по научной работе Государственной Третьяковской галереи

Yudenkova Tatyana Vitalievna, Doctor in Art History and Criticism, Deputy Director General for Research, State Tretyakov Gallery

iudenkovatv@tretyakov.ru

ORCID: 0009-0006-8816-0130

живописных и графических произведений. Есть все основания считать, что П.М. Третьяков стал одним из первых, кто сумел вовремя оценить оригинальный художественный стиль В.М. Васнецова в области церковных росписей и сказочно-былинного направления в русской живописи конца XIX в. Анализ экспозиции галереи — в частности, зала В.М. Васнецова — позволяет говорить о продуманном и далеко не случайном итоговом решении П.М. Третьякова, отражающем его отношение к искусству мастера, а также место живописца в художественном поле современного искусства в рамках движения от реализма к символизму и модерну.

Ключевые слова: коллекционирование второй половины XIX в., Третьяковская галерея, экспозиция, музей национального искусства, основатель Третьяковской галереи, искусство второй половины XIX в., Владимирский собор в Киеве, образ Христа, модерн, символизм, национально-романтическое направление.

Abstract. P.M. Tretyakov's relations with the artists whose works he acquired for his gallery constitute a vast subject, one that illuminates many aspects of the collector's life, his understanding of art and of the age in which he lived, and his aesthetic predilections. The history of the acquisition of a given artist's works for the gallery, the place Tretyakov assigned those works within the display, together with correspondence and memoirs that shed light on the formation of his collection — all this makes it possible to reconstruct the collector's attitude toward the oeuvre of particular masters. Consideration of these facets of Tretyakov's activity also leads to a more complex task: the reconstruction of the role and place of each painter represented in the gallery he created within the broader history of Russian art. Tretyakov singled out the artistic achievement of V.M. Vasnetsov, highly esteemed the latter's decision to participate in the decoration of St. Vladimir's Cathedral in Kiev, and supported the artist over many years of his life. Despite the ambivalent response of Vasnetsov's contemporaries to his work, Tretyakov purchased his paintings and readily accepted them as gifts. By the end of the collector's life, the gallery's Vasnetsov holdings — a veritable "monographic ensemble" — numbered dozens of paintings and graphic works. There are ample grounds for concluding that Tretyakov was among the first to appreciate, at the proper moment, the originality of Vasnetsov's artistic language both in ecclesiastical mural painting and in the fairy-tale and bylina mode of late nineteenth-century Russian art. An analysis of the gallery display, and of the Vasnetsov room in particular, permits us to speak of Tretyakov's deliberate and nonrandom final decision. It also testifies both to the collector's attitude toward Vasnetsov's art and to his high estimation of the painter's place within the artistic culture of his own day, as well as within the broader moving from realism toward symbolism and Art Nouveau.

Keywords: collecting in the second half of the 19th century, Tretyakov Gallery, exhibition display, museum of national art, founder of the Tretyakov Gallery, art of the second half of the 19th century, St. Vladimir's Cathedral in Kiev, image of Christ, Art Nouveau, symbolism, national-romantic movement.

Общение П.М. Третьякова с художниками — важная составляющая его собирательской политики, которая выявляется по письмам и мемуарам, и представляет отдельный, живой, захватывающий сюжет, приоткрывая многие грани жизни, взглядов и предпочтений эпохи. С большинством художников коллекционер легко устанавливал деловые отношения, которые нередко переходили в приятельские. Тех, кому симпатизировал, приглашал в дом в Замоскворечье, «в Толмачи» — так любовно называли особняк Третьяковых в Лаврушинском, ставший ядром будущей Третьяковской галереи. Художники приходили к завтраку или обеду, были желанными гостями на музыкальных вечерах, которые в 1870-е гг. устраивала его супруга Вера Николаевна.

Эпистолярное наследие собирателя стало богатым источником для изучения художественной жизни тех лет, рисуящим не только историко-культурный контекст эпохи, но и характер отношений коллекционера с представителями творческой, прежде всего художественной, элиты. Однако его письма не всегда приоткрывают его реальные отношения с художниками. Он состоял в переписке с теми, кто часто отсутствовал в Москве, кто жил в Петербурге или за границей. Московские контакты Павла Михайловича прослеживаются с трудом — он предпочитал непосредственное, личное общение. Его письма носят в основном деловой характер, отличаются краткостью. В то же время, к счастью для исследователей, сохранился большой блок писем Третьякова, который характеризуется точными и верными замечаниями не только относительно процессов, происходящих в русском искусстве, но и его эстетических предпочтений, его взглядов на творчество ряда мастеров. Порой он высказывался как бы между прочим. Известно, что художники интересовались его суждениями, ценили его чистосердечные и прямые высказывания о картинах, художниках, выставках.

Общаясь с живописцами, Третьяков неизбежно сталкивался с непростыми ситуациями, сложными человеческими характерами, разного рода интригами, разумеется, возникали непонимания, иногда — трения и даже конфликты.

Отношения Третьякова с некоторыми художниками привлекали внимание исследователей, например — с Иваном Крамским, Федором Васильевым, Василием Верещагиным, Николаем Ге¹ и др. Что же

¹ Юденкова Т.В. П.М. Третьяков и Н.Н. Ге. К истории взаимоотношений // Русское искусство Нового времени. Исследования и материалы: сборник статей. Вып. 14. М., 2012. С. 246–268.

касается Виктора Васнецова, то эта тема до сей поры осталась слабо затронутой специалистами.

Третьяков любил творчество В.М. Васнецова, признавшись как-то в этом Толстому, в ответ на размышления писателя, причислившего этого живописца к группе европейских художников, создающих «бессмысленные жанры и выдуманные исторические или религиозные композиции», и назвавшего их «мазней, исполненной лжи»². Тогда коллекционер спокойно ответил: «Я люблю произведения Васнецова и не опасюсь это говорить, хотя, может быть, да и, наверное, многие от них приходят в такой ужас, как другие от последних произведений Ге. Не могу подозревать неискренность Васнецова, не имею данных, он давно, очень задолго до киевских росписей³, занимался компоновкой церковной живописи, да и кто видит чужую душу?»⁴. Это письмо было написано Третьяковым уже после смерти Н.Н. Ге.

В переписке писателя и коллекционера имя Ге возникло неслучайно. Для читателей, непосвященных в дискуссию Третьякова и Толстого, следует упомянуть о том, что разговор начался по существу в 1890-м, когда Лев Николаевич настоятельно рекомендовал коллекционеру приобрести картину Н.Н. Ге «“Что есть истина?” Христос и Пилат» (1890, ГТГ), экспонированную на 18-й передвижной выставке. Через три недели после открытия картина была запрещена к показу и изъята из каталога.

Третьяков в уважение к мнению Толстого и невзирая на цензуру, полотно приобрел, но честно признался, что картины не понял. Он попытался объяснить Толстому причину своих колебаний: «...я знал наверно, что картину снимут с выставки ... следовательно, приобретение ее ...было бесполезно ... Но не эти только соображения были. Я ее не понял. Я видел и говорил, что тут замечен большой талант, как и во всем, что делает Ге, и только ... очень бы был благодарен, если бы Вы мне объяснили ... почему считаете это произведение эпохой в христианском искусстве. Окончательно решить может только время, но Ваше мнение так велико и значительно, что я должен, во избежание невозможности поправить ошибку, теперь же приобрести картину и беречь ее до времени, когда можно будет выставить»⁵.

² Письмо Л.Н. Толстого П.М. Третьякову, 7–14 июня 1894 г. // Л.Н. Толстой и художники: Толстой об искусстве: Письма, дневники, воспоминания / Сост., вступ. ст. И.А. Бродский. М., 1978. С. 119, 121–122.

³ Речь идет о росписи Владимирского собора в Киеве в 1885–1896 гг.

⁴ Письмо П.М. Третьякова Л.Н. Толстому, 29 июня 1894 г. // Бабенчиков М. Переписка Толстого с П.М. Третьяковым // Литературное наследство. Т. 37–38: Л.Н. Толстой: В 2 кн. Кн. 2. Неизданная переписка. М., 1939. С. 255–256.

⁵ Там же.

Собиратель сомневался в том, что картина будет куплена в Америке, тем не менее, полотно было им приобретено⁶ и отправлено за границу на его деньги, однако предприятие успеха не имело ни в Германии, ни в США.

В одном из писем Толстому Третьяков позволил себе сказать несколько слов о собственных предпочтениях в искусстве: «Много раз и давно думалось: дело ли я делаю? Несколько раз брало сомнение, — и все-таки продолжаю. Положим ... [я] сотню беру ненужных вещей, чтобы не упустить одну нужную ... Я беру, весьма может быть ошибочно, все только то, что нахожу нужным для полной картины нашей живописи, избегая по возможности неприличного. Что Вы находите нужным, другие находят это ненужным, а нужным то, что для Вас не нужно. Одни говорят — должно быть непременно поучительное содержание, другие требуют поэтического, третьи народного быта, и только его одного, четвертые только легкого, приятного, пятые, прежде всего самой живописи, техники, колорита; и так далее без конца. Мое личное мнение то, что в живописном искусстве нельзя не признать главным самую живопись»⁷.

Позиция Третьякова проливает свет на суть дискуссии, которая в полной мере развернулась после смерти художника с июня 1894 г. Несколько огрубляя существо спора, следует сказать, что Толстой в искусстве Николая Ге ценил прежде всего новаторство идеи, избранный момент евангельской истории, который был глубоко пережит художником, и потому именно в нем писатель находил ощущение подлинности. И это даровало искусству право, по мысли Толстого, обличать современного человека. При этом он допускал формальную недоговоренность или художественную непроясненность идеи в картине. Между тем писатель остерегал Ге от излишней «непривлекательности» образа Христа в его полотне «Суд синедриона», сознавая, что «техника должна удовлетворять требованиям художнической толпы»⁸. Третьяков, так же, как и Толстой, ценил высокую идею, но, напротив, полагал, что она должна быть выражена прежде всего эстетически, художественно. Он признавал «главным

⁶ А.П. Боткина пишет, что на первом съезде художников и любителей 1894 г. Ге заблуждался, рассказывая историю приобретения «Что есть истина?»: «Павел Михайлович стоял в раздумье, он не знал, как поступить. Тогда он обратился к графу Л.Н. Толстому, который ему сказал, что картина имеет огромное значение, и Павел Михайлович со всю скромностью написал мне, что душевно благодарен за то, что ему открыта истина и просит уступить ему мою картину». Цит. по: *Боткина А.П. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве*. М., 2012. С. 225.

⁷ Цит. по: *Бабенчиков М.* Указ. соч. С. 255–256.

⁸ Л.Н. Толстой и художники... С. 113.

самую живопись» — это принципиальное положение его программы коллекционирования. Он отвергал нехудожественную «мазню», как порой характеризовали живопись Ге современники (понятно, что критерий «мазни», в особенности из XXI столетия, весьма относителен, и сегодня позиция Третьякова может быть оспорена). Однако очевидно: за длинными рассуждениями о формальной и содержательной сторонах искусства скрывались более глубокие, непреодолимые религиозные и мировоззренческие противоречия, о которых прямо не говорит ни писатель, ни собиратель, но о которых каждый из них имел свое твердое представление.

Возвращаясь к характеристике, данной Третьяковым искусству Васнецова, следует акцентировать, пожалуй, понятие искренности. Думается, коллекционер имел в виду подлинность веры, религиозного чувства, без которого, по его глубокому убеждению, невозможно подступать к исполнению произведений на сюжеты из Священного Писания. Для Третьякова первенствующей была цельность христианского или, иначе, церковного мирозерцания, которую он находил и чувствовал в Васнецове более, нежели в других. Конечно, он понимал, что для современников по большей части характерен так называемый «полупозитивизм» — понятие, введенное позже В.В. Зеньковским⁹ в его фундаментальном труде «История русской философии», под которым понималось сочетание позитивизма и идеалистической этики, разума и веры, европейского просвещения и святоотеческой мысли. Баланс одного и другого, по логике человека эпохи, определял религиозно-нравственную цельность личности. «Странное сочетание бескрылого позитивизма и вдохновенного этического энтузиазма осознаётся очень часто с полной силой, но философская мысль готова примириться с таким внутренним диссонансом, — но лишь бы не уйти от секуляризма. Внутренний драматизм создается и поддерживается этой внутренней несвободой духа, кующего самому себе цепи, боящегося Церкви, а в тоже время одушевленного темами христианства, и только ими, и только для них горящего творческим огнем»¹⁰.

Уместно напомнить высказывания Третьякова о соотношении веры и науки в творческой практике А.А. Иванова и И.Н. Крамского, также его невысокую оценку образа Христа В.Д. Поленова («На Тивериадском (Генисаретском) озере», 1888, ГТГ). В свете поднятых вопросов объяснение Поленовым Васнецову причины его отказа от участия в росписи Владимирского собора в Киеве подтверждает

⁹ Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1. Ч. 2. Л., 1991. С. 151.

¹⁰ Там же. С. 152.

верность определений Третьякова: «...я решительно не в состоянии взять ее (работу в соборе. — Т.Ю.) на себя. ... ты искренне веришь в высоту задачи... а я этого не могу, мне бы пришлось делать вещи, в которые я не только не верю, да к которым душа не лежит. ... в деле искусства притворяться не следует...»¹¹. Поленов откровенно пишет своему близкому другу Васнецову, а они в самом деле на протяжении всей жизни тесно и доверительно общались: «... для меня Христос и его проповедь одно, а современное православие и его учение — другое; одно есть любовь и прощение, а другое ... далеко от этого...»¹².

Для верующего человека понятие Церкви неотделимо от христианства, в то время как христианское просвещение и европейский рационализм стали неким стержнем, вокруг которого вращались и разбивались лучшие умы русской философской мысли XIX столетия. Мера сопряжения одного и другого для Третьякова была основополагающей. В границах свойственного ему мышления он дал исчерпывающую характеристику Христу Поленова¹³ и творчеству Ге в целом.

Павел Михайлович познакомился с молодым художником Виктором Васнецовым в апреле 1873 г., в тот год он приобрел его первую картину «Рабочие с тачками»¹⁴, впоследствии переданную им художественному училищу г. Вильно.

Третьяков и Васнецов предпочитали личное общение, с годами художник стал человеком, близким семье коллекционера, и был частым гостем дома в Толмачах. «Безусловно и безоговорочно все у Третьяковых полюбили Васнецова»¹⁵, — вспоминала дочь коллекционера А.П. Боткина. Васнецов был большим любителем музыки и всякий раз, когда предоставлялась возможность, посещал музыкальные вечера в гостеприимном доме замоскворецкого купца. А после отъезда в Киев в 1885 г., живя в отдалении от Первопрестольной столицы, очень скучал: «Теперь голова моя наполнена святыми, апостолами, мучениками, пророками, ангелами, орнаментами, и все почти в гигантских размерах. И как бы было хорошо

¹¹ Письмо В.Д. Поленова В.М. Васнецову, 8 января 1888 г. // Виктор Михайлович Васнецов. Письма. Дневники. Воспоминания. Суждения современников. М., 1987. С. 270.

¹² Там же.

¹³ «Поленова не считаю, так как у него Христа совсем нет» (Черновик письма П.М. Третьякова Л.Н. Толстому, 9 июля 1894 г. // ОР ГТГ. Ф. 1. Ед. хр. 4780. Л. 1–1 об.).

¹⁴ П.М. Третьяков подарил ее Виленской художественной школе в 1893 г. (см.: Письма И.Е. Репина. Переписка с П.М. Третьяковым. 1873–1898. М.; Л., 1946. С. 183).

¹⁵ Боткина А.П. Указ. соч. С. 374.

для меня теперь слушать великую музыку. Как бы я рад был теперь приютиться у печки между двумя столиками (мое обыкновенное место) и слушать Баха, Бетховена, Моцарта, слушать и понимать, что волновало их душу, радоваться с ними, страдать, торжествовать, понимать великую эпопею человеческого духа, рассказанную их звуками. Ну, покуда это только для меня дорогое воспоминание и грезы»¹⁶.

Третьяков интересовался ходом работ в киевском соборе, стараясь навещать художника. Однажды в 1889 г. его супруга Вера Николаевна вместе с дочерьми побывала в Киеве и поделилась сильным впечатлением от церковных композиций Васнецова «Преддверие Рая» и «Страшный суд», образов Богородицы, апостолов, святых, но прежде тонко заметила о самом художнике, его духовном возмужании, сравнив его с «бывшими здешними печерскими отшельниками»¹⁷: «Какое счастье Васнецову, что талант его нашел выход, да и как заметно в нем удовлетворение»¹⁸.

Переписка коллекционера с Васнецовым не столь обширна и регулярна, как например, с Репиным или Крамским. Вместе с тем, воззрения Васнецова на задачи современного искусства и миссию художника изложены им не раз в переписке с разными корреспондентами. В произведениях других художников Васнецов ценил самостоятельность, глубину, душевную теплоту¹⁹, а в людях — «духовное настроение». Разумеется, Третьяков был знаком с позицией Васнецова по вопросам искусства.

По признанию художника, ему было трудно принять решение об участии в работах по украшению Владимирского собора. Непосредственно росписям предшествовал период собирания сил и размышлений Васнецова. Важным этапом для него стало короткое — длившееся всего один весенний месяц 1885 г. — путешествие по Европе. Эта поездка, по выражению живописца, напоила его «ясно и ярко» «сильным художественным византийским настроением»²⁰, и он обрел необходимую «бодрость духа». Летом того же года, живя в Абрамцеве, художник исполнил большую часть эскизов алтаря,

¹⁶ Письмо В.М. Васнецова П.М. Третьякову [1885] // ОР ГТГ. Ф. 1. Ед. хр. 862. Л. 1–2.

¹⁷ Письмо В.Н. Третьяковой П.М. Третьякову, 28 апреля [1889] // ОР ГТГ. Ф. 1. Ед. хр. 6390. Л. 2–2 об.

¹⁸ Письмо В.Н. Третьяковой П.М. Третьякову, 1 мая [1889] // ОР ГТГ. Ф. 1. Ед. хр. 6391. Л. 1 об.

¹⁹ Письмо В.М. Васнецова Е.Г. Мамонтовой, 14 января 1890 г. // Виктор Михайлович Васнецов. Письма... С. 85.

²⁰ Письмо В.М. Васнецова А.В. Прахову, 8 июня 1885 г. // Там же. С. 66.

купола, пророков и святителей²¹. К июлю, по заверению Васнецова, «композиции [для храма] в идее» все были готовы.

Насколько Третьяков был погружен в ход замысла Васнецова, известно мало, но со всей вероятностью можно предположить, что он был в курсе событий и видел эскизы, сделанные Васнецовым в Абрамцеве, так как, приехав в Киев, Васнецов сообщил Павлу Михайловичу, что ему пришлось прибавить «уже к известным Вам эскизам (курсив мой. — Т.Ю.) еще 22 эскиза...»²². В этом письме он подробно описал объемы взятых им на себя работ в храме, рассчитывая потратить на них около двух лет, потому он поставил коллекционера в известность о том, что на три года приостанавливает работу над картинами, хотя и прибавляет, что «вероятно, “Богатырей” выпишу к себе [в Киев]»²³. Это приписка — по всей видимости, ответ на вопрос Третьякова и своего рода оправдание собственной занятости: «Дело и по значению и по величине считаю чрезвычайно серьезным, и дай Бог силу хорошо исполнить»²⁴.

На долю Васнецова на исходе XIX столетия выпала разработка не только новой религиозной живописи, призванной сплавить древние образцы византийского искусства и современные приемы реалистического письма, понятные и доступные человеку эпохи. Сам художник понимал, что использование традиций византийских и русских памятников возможно лишь частично, что ему придется «мирить» «древнее с новым» при сохранении сердцевины целого: «время теперешнее не всё переваривает из древнего, богословского и поэтического настроения древней иконописи»²⁵. Нечего и говорить, что он также погружался в богословские аспекты храмовой росписи, участвовал в составлении новой иконографии. Это вызвало глубокое уважение и неподдельный интерес к фигуре Васнецова и его делу, но и дискуссии в разных кругах, как церковных, так и светских. С его именем единомышленники связывали понятие «русского ренессанса», возрождения искусства «Дионисиев», «Андреев Рублевых»²⁶.

Переписка Васнецова с Е.Г. Мамонтовой, супругой С.И. Мамонтова, основателя Абрамцевского кружка, стала основополагающей

²¹ Письмо В.М. Васнецова А.В. Прахову, 23 июня 1885 г. // Там же. С. 66–67.

²² Письмо В.М. Васнецова П.М. Третьякову, 5 октября 1885 г. // Там же. С. 68.

²³ Там же. С. 69.

²⁴ Там же.

²⁵ Письмо В.М. Васнецова В.Т. Георгиевскому, 7 декабря 1890 г. // Виктор Васнецов: письма: новые материалы. СПб., 2004. С. 91.

²⁶ Нестеров М.В. Давние дни. Встречи и воспоминания. М., 1959. С. 93.

для прояснения взглядов художника на образ Христа и задачи русского искусства. Елизавета Григорьевна в конце 1880-х — начале 1890-х гг., в период работы Васнецова в храме, была, как говорится, его доверенным другом. Проникновенны суждения художника о поиске образа Христа и его лика — «образа самого центра света»²⁷, по его выражению. Он ставил перед собой задачу «великую и невообразимо труднодостижимую»²⁸ — приблизиться к образу Мирового Христа. По его мысли, «личное» представление художника должно было совпасть с «Мировым образом». Он получил сильнейшее вдохновение от византийских образов Христа, увиденных в храмах Равенны и Палермо, от полотен, созданных Тицианом, Леонардо. Они казались ему очень «личными» («европейское искусство светит, а не греет»²⁹). К этому ряду «негреющих» картин, причисленных им к европейской традиции, к тем, в которых отсутствует душевное тепло, он отнес образы, созданные его современниками, — Крамским, Ге, Поленовым. Васнецов выделил лишь Христа Александра Иванова, в котором находил соединение черт византийского Христа с народным, а в народном он предчувствовал черты Мировые. Для него «Христос Иванова все-таки лучший Христос всей Европы за несколько веков»³⁰. Кстати, можно напомнить, что мнение Третьякова в этом вопросе также оказалось близко васнецовскому, когда коллекционер в письме Толстому поделился своими впечатлениями о превосходном типе Иоанна Крестителя, созданном с оглядкой на византийский образец³¹. Признание важности обращения к древним, византийским в данном контексте, источникам, приоритетности изучения художественного наследия, завещанного предками, определяет общность их взглядов и круг общения.

Для самого Васнецова в его воображении существовал образ Христа, вобравший в себя черты «народного» образа: с определенной долей вероятности, хочется предположить, что он понимал под ним древнюю традицию иконописания, усвоенную им с детских лет. Васнецов был увлечен вдохновляющей его работой и поиском черт Мирового Христа, полагая, что обретение этого образа должно стать главной задачей русского искусства. «А где же и когда же Дух Божий

²⁷ Письмо В.М. Васнецова Е.Г. Мамонтовой, 20 августа 1889 г. // Виктор Михайлович Васнецов. Письма... С. 81.

²⁸ Там же.

²⁹ Письмо В.М. Васнецова Е.Г. Мамонтовой, 27 октября 1889 г. // Там же. С. 83.

³⁰ Письмо В.М. Васнецова Е.Г. Мамонтовой, 20 августа 1889 г. // Там же. С. 81.

³¹ Черновик письма П.М. Третьякова Л.Н. Толстому, 9 июля 1894 г. // ОР ГТГ. Ф. 1. Ед. хр. 4780. Л. 1–1 об.

отразился полнее, глубже, шире и могущественнее в человеческом образе как не в Христе?!»³². Главной задачей искусства в этой связи становится «наибольшее отражение духа в человеческом образе»³³. Именно русским мастерам предстоит преуспеть после византийцев в поиске образа Христа и Богородицы, полагал Васнецов. Свой образ Вседержителя для главного купола в соборе он исполнил углем в 1886 г.³⁴, — одним из первых, назвав его «слабой попыткой» приближения к Образу. А работая над образом Богородицы, он напишет о непревзойденности земного облика, найденного Рафаэлем и вслед за ним европейскими мастерами, в то время как русские мастера искали синтез земного и небесного «Матери Господа Вышняго, Царицы Небесной, Заступницы усердной всего мира...»³⁵, и эта задача составит сердцевину поиска будущего гениального православного мастера.

В том же письме Мамонтовой он произнес весомые слова, созвучные идеям Достоевского и Вл. Соловьева: «задача искусства не одно отрицание добра (наше время), но и само добро (образ его проявлений)»³⁶. Васнецов признавался, что необычайно дорожил творчеством Достоевского: «Я не знаю, сколь раз я перечитывал его великие трагедии, трагедии человеческой души. “Бесы” его — это пророческое провидение настоящего нашего времени. Апокалиптическая прозорливость... вся семья моя достойно чтит Великого Достоевского»³⁷. Со всей очевидностью, Достоевский, находясь на своем мировоззренческом Олимпе, не мог принять творчество Ге, как и Толстой — Васнецова...

На одном краю художественной арены располагался Николай Ге, на другом — Виктор Васнецов. Протестантизм Ге и почвенничество Васнецова нашли приют в Галерее Третьякова, как и в русской культуре один писатель составлял важное дополнение другому, иначе русская культура утратила бы свою целостность и особость.

Отношение к храмовым росписям Васнецова на протяжении всей его творческой жизни было едва ли не самым противоречивым.

³² Письмо В.М. Васнецова Е.Г. Мамонтовой, 20 августа 1889 г. // Виктор Михайлович Васнецов. Письма... С. 81.

³³ Письмо В.М. Васнецова Е.Г. Мамонтовой, 20 августа 1889 г. // Там же.

³⁴ ГТГ. Инв. ДМВ Г-2446.

³⁵ *Васнецов В.М.* Божественный смысл икон // Православная икона. Канон и стиль. М., 1998. С. 123.

³⁶ Письмо В.М. Васнецова Е.Г. Мамонтовой, 20 августа 1889 г. // Виктор Михайлович Васнецов. Письма... С. 81.

³⁷ Письмо В.М. Васнецова И.Л. Щеглову-Леонтьеву, 8 сентября 1906 г. // Там же. С. 209–210.

На рубеже XIX–XX вв. в эпицентре полемики оказалось творчество мастера, о котором неоднозначно высказывались современники³⁸, потом и исследователи. Современники, симпатизировавшие Васнецову, наделяли его глубиной осмысления, чисто русским мирозерцанием, простотой, искренностью, цельностью натуры. «Делом нашего спасения» назвал А.В. Прахов созданный Васнецовым памятник монументального искусства в конце позапрошлого столетия³⁹.

А противники окрестили его представителем фальшивого академизма: «Люди ужасаются на произведения Васнецова, потому что они исполнены лжи, и все знают, что ни таких Христов, ни Савоофов, ни Богородиц не было, не могло и не должно быть; люди же, ужасающиеся на произведения Ге, ужасаются только потому, что не находят в них той лжи, которую они любят»⁴⁰, — утверждал Толстой в письме к Третьякову.

Не так много нашлось ценителей искусства Васнецова при его жизни, сумевших своевременно осмыслить вклад мастера в дело становления русской художественной культуры XIX столетия. Так, французский археолог де Байи дал точку зрения «издалека» — из Европы — в 1895 г.: он назвал Васнецова новатором, стоящим во главе Ренессанса и подъема русской национальной живописи, противопоставившим свой стиль господствующим в то время направлениям⁴¹. Один из сыновей Ге — Петр Ге, связывал с именем Васнецова рождение столь ярко проявленного в искусстве «русского национального духа», обретенного благодаря его реализму⁴².

Открыто и резко против Васнецова выступил А.Н. Бенуа, автор знаменитой «Истории русской живописи», один из основоположников «Мира искусства», уверенно утверждавший, что ничего нового не было внесено художником в сфере храмовой росписи: «В своей религиозной живописи Васнецов по-прежнему остался ловким мастером-импровизатором и иллюстратором, не брезгающим пикант-

³⁸ «Обедал у Ярошенко, долго спорили о Васнецове, Серове и других, жаль, что он их не хочет понять...» (Письмо М.В. Нестерова родным, 4 февраля 1893 г. // Поленова И.В. Николай Александрович Ярошенко: письма, документы, современники о художнике. М., 2018. С. 175).

³⁹ *Атрощенко О.Д.* «Дело нашего спасения». Монументальные росписи В.М. Васнецова во Владимирском соборе // Виктор Васнецов. Радость праведных. Религиозная живопись и графика. Каталог. Нижний Новгород, 2025. С. 8.

⁴⁰ Письмо Л.Н. Толстого П.М. Третьякову, 14 июля 1894 // Виктор Михайлович Васнецов. Письма... С. 388.

⁴¹ *L'oeuvre de Victor Vasnetzov devant l'ecole moderne de peinture de Russie / Par M. le baron de Baye.* Reims. 1895. P. 9.

⁴² «Васнецов в душе реалист» (*Ге. П.Н.* Характерные течения современной русской живописи // Жизнь. 1899. Январь. Кн.1. С. 145–170).

ным шиком, остроумным подчеркиванием и театральной подстроенностью.....остроумно замаскированный отголосок помпезного, поверхностного и эклектичного академизма»⁴³. И напротив, его сподвижник, один из лидеров «Мира искусства», художественный критик Дм.В. Философов считал, что Васнецов первым из отечественных художников почувствовал «искру жизни в верованиях своего народа, и весь свой талант положил на то, чтобы не дать ей померкнуть. Владимирский собор останется навсегда памятником служения русского художника конца XIX в. — родной своей церкви»⁴⁴.

Очень точно восприятие творчества Васнецова описал С.П. Дягилев: «Я говорил Вам, что Вы, Ваше творчество, и оценка его — за уже много лет самое тревожное, самое жгучее и самое нерешенное место в спорах нашего кружка [«Мир искусства»]»⁴⁵. Он пытался успокоить художника, уловив его творчески уязвимую душу: «Даже делая одно и то же дело... нельзя быть солидарными во всем: возраст, разность во взглядах поколений делают свое, но поймите же Вы, что из всего поколения наших отцов Вы ближе к нам, чем все остальные»⁴⁶, — подобное признание дорогого стоило для Васнецова.

Был ли Васнецов провозвестником модерна и символизма в русском искусстве, насколько он был укоренен в реалистической традиции и как он противостоял пресловутому академизму — эти и другие вопросы будут волновать историков искусства и культурологов на протяжении всего периода XX–XXI вв. Уже много позже росписи Владимирского собора обретут всенародное признание и будут названы «памятником русского самосознания»⁴⁷, а Васнецов найдет свое место как основоположник национально-романтического стиля в отечественном искусстве, стоявший у истоков модерна и символизма⁴⁸.

В последней трети XIX в., в период религиозного «распутья», цельность христианского мирозерцания выделяла Васнецова среди художников-единомышленников. Родившись в глубокой про-

⁴³ Бенуа А.Н. История русской живописи в XIX веке. М., 1995. С. 194–195.

⁴⁴ Философов Д.Н. Иванов и Васнецов. («Иванов и Васнецов в оценке Александра Бенуа»). — URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Иванов_и_Васнецов_\(Философов\)?usclid=mmguonlsnx688187876](https://ru.wikisource.org/wiki/Иванов_и_Васнецов_(Философов)?usclid=mmguonlsnx688187876) (дата обращения 08.12.2025).

⁴⁵ Письмо С. П. Дягилева В.М. Васнецову, 11 ноября 1901 г. // Виктор Михайлович Васнецов. Письма... С. 285

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Булгаков С.Н. Тихие думы. М., 1996. С. 143.

⁴⁸ Атрощенко О.Д. Указ. соч.; Фёдорова Л.В. «Я прилагал все свои силы к делу плодотворному». Живопись В.М. Васнецова во Владимирском соборе в Киеве // Васнецовы. Связь поколений. Из XIX в XXI век. [Каталог выставки]. М., 2024. С. 79–89.

винции, в семье сельского священника, невзирая на искушения позитивистского столетия, он сохранил отношение к православию как главному стержню русской жизни и истории. «В православной церкви мы родились, православными дай Бог и помереть»⁴⁹, — приводит его слова Стасов. Он был весьма откровенен в своем признании, что «украшение храма — это уже поистине и дело народное, и дело высочайшего искусства»⁵⁰.

Итак, после мучительных размышлений Васнецов согласился на предложение участвовать в росписи Владимирского собора, тем не менее, заметив, что «с некоторым страхом»⁵¹, и попросил пригласившего его А. Прахова дать гарантии творческой свободы: «Я верю, ... что мои представления о задаче нисколько не противоречат ни идеалу высоко христианскому, ни церковному. И если я желаю где художественной свободы, так только в формах проявления этих представлений, в формах моего личного воображения»⁵².

Третьяков не мог не знать и не ценить выбор Васнецова. Он единственный из русских художников согласился взять на себя труд создания росписи Владимирского собора, сознавая всю меру ответственности этого шага. Предложение поступило также Сурикову, Polenovu, Репину, но принял его лишь Васнецов, осмысленно выбравший сложный путь «возвращения» в храм для выявления «символического языка церковной мудрости», основанной на старых традициях византийского искусства, озабоченный донесением его смысла для будущих поколений. Когда Прахов рекомендовал Васнецова ректору Киевской духовной академии, он назвал два основополагающих качества: «...Васнецов — человек, обладающий гениальным дарованием, сверх того, что очень важно в данном случае, дарованием *глубоко-русским*, и, наконец, человек *искренне* религиозный. Он будет незаменим для двух исторических картин (изображение веры и Св. апостол Андрей на горах киевских), для изображения всех русских святых и для икон Божией Матери»⁵³. Получив согласие Васнецова, Прахов эмоционально написал: «Вы наш! Слава Богу!»⁵⁴.

⁴⁹ Стасов В.В. Виктор Михайлович Васнецов и его работы // Стасов В.В. Статьи и заметки, не вошедшие в собрание сочинений. Т. II. М., 1954. С. 214.

⁵⁰ Письмо В.М. Васнецова В.Д. Polenovu, 31 декабря 1887 г. // Виктор Михайлович Васнецов. Письма... С. 72.

⁵¹ Письмо В.М. Васнецова А.В. Прахову, февраль–март 1885 г. // Там же. С. 62.

⁵² Письмо В.М. Васнецова А.В. Прахову, февраль–март 1885 // ОР ГТГ. Ф. 66. Ед. хр. 308. Л. 4 об.

⁵³ Петров Н.И. Из истории Киевского Владимирского собора. Киев, 1898. С. 15.

⁵⁴ Письмо А.В. Прахова В.М. Васнецову, 18 марта 1885 г. // ОР ГТГ. Ф. 66. Ед. хр. 377. Л. 1.

Третьяков, думается, был всецело солидарен по многим позициям с критиком. Он несколько раз навещал Васнецова в Киеве, но и живо интересовался ходом работ в соборе у всех, кто побывал в гостях у художника: «Был у Вас Нестеров, но я его еще не видел. Интересно, что он будет рассказывать»⁵⁵.

Оценки Третьякова, как всегда, более осторожны, там, где можно было, он избегал определенности суждений: «Работы Васнецова для меня лично очень интересны. Что они в эскизах интереснее против исполненных в соборе, очень может быть, я давно не был в Киеве, видел там все еще недоконченным или только начатым»⁵⁶.

Однако выбор Третьякова был сделан, и он был однозначен, невзирая на сомнения и брюзжания современников. Павел Михайлович принял большой дар в 1893–1894 гг. — более трехсот картин, картонов, этюдов, набросков для Владимирского собора в Киеве, по которым сегодня можно сделать реконструкцию комплекса васнецовских церковных росписей, одного из главных памятников монументального искусства конца XIX столетия. Особым даром художника П.М. Третьякову⁵⁷ стал монументальный образ «Богоматери с младенцем» (бумага, наклеенная на холст, уголь, мел, 1885–1886, 1894, ГТГ). По-видимому, это было одним из самых «дорогих» изображений для обоих, являясь к тому же тем самым основным рабочим картоном⁵⁸, с которого был исполнен перенос изображения на стены храма (масштабная сетка видна невооруженным глазом). Ряд работ коллекционер приобрел, материально поддержав художника.

Существенно, что коллекционер с самого начала работ над храмовыми росписями не упускал из вида творческий процесс, сумев угадать будущее значение Васнецова, поставившего перед собой серьезную задачу, — утверждение современной системы религиозной росписи храма. И именно творчеству Васнецова Павел Михайлович посвятит заключительный зал второго, главного, этажа своей последней экспозиции, завершенной незадолго до кончины основателя Третьяковской галереи.

⁵⁵ Письмо П.М. Третьякова В.М. Васнецову, 28 апреля 1890 г. // ОР ГТГ. Ф. 1. Ед. хр. 29. Л. 1 об.

⁵⁶ Письмо П.М. Третьякова В.В. Стасову, 16 августа 1895 г. // Переписка П.М. Третьякова и В.В. Стасова. 1874–1897. М.; Л., 1949. С. 191.

⁵⁷ Справа внизу надпись: *Викторъ Васнецовъ Павлу Михайловичу Третьякову 1894 г. 25 марта* / ГТГ. Инв. 1028.

⁵⁸ Горбачева С.Д. Графика стен Владимирского собора в Киеве // Васнецовы. Связь поколений. С. 192.

Творческая судьба Васнецова складывалась непросто не только в сфере монументальной живописи. Былинно-сказочное направление его поисков также вызывало самые противоречивые оценки. Васнецова называли то новатором, то неудачником. И началось это с момента его неожиданного для всех перехода «из жанриста в историка (несколько на фантастический лад)», когда на передвижной выставке он представил картину «После побоища Игоря Святославича с половцами» (1880, ГТГ) на сюжет «Слова о полку Игореве».

Это полотно вызвало недюжинные споры даже среди единомышленников, не говоря уже о периодической печати. В век реализма обращение к миру легендарно-поэтическому было необъяснимо и вызвало недоумения у «Русской газеты»⁵⁹. Рецензенты вопрошали: «Отчего картина Васнецова производит отталкивающее чувство?»⁶⁰. В ответе на вопрос звучало обвинение в излишней любви к трупам и мертвецам.

В.В. Стасов, Г.Г. Мясоедов и их сподвижники раскритиковали картину «После побоища...». Васнецова упрекали в недостоверной трактовке исторического события, в романтической сказочной приподнятости и театрализации. На общем собрании Товарищества передвижных художественных выставок встал вопрос о снятии картины с выставки, Васнецов покинул собрание, даже заявил о своем выходе из Товарищества. Однако ситуацию спешно переломили. Из переписки, кстати, понятно, что запрос великого князя Владимира Александровича о стоимости картины также сыграл на пользу Васнецову, изменив отношение к нему некоторых передвижников. Но Васнецов был обижен, хотя вскоре получил слова поддержки от К.А. Савицкого, И.И. Шишкина, В.М. Максимова, И.Е. Репина и И.Н. Крамского, которые оценили его полотно по достоинству. Чистяков, стоявший немного особняком в русском искусстве, назвал его «поэтом-художником», отметив «далекий, такой грандиозный и по-своему самобытный русский дух»⁶¹, которым повеяло на него от этого произведения. Он растрогал Васнецова своей сердечностью: «Вы, русский по духу и смыслу, родной для меня!»⁶². А тот в свою очередь был несказанно благодарен Чистякову: «...есть человек,

⁵⁹ Цит. по: Русская газета. 1880. № 41. 30 апреля // Виктор Михайлович Васнецов. Письма... С. 354.

⁶⁰ Цит. по: Московские ведомости. 1880. № 119. 1 мая // Там же.

⁶¹ Письмо П.П. Чистякова В.М. Васнецову [1880] // Чистяков П.П. Письма, записные книжки, воспоминания. М., 1953. С. 102.

⁶² Там же.

который угадал самое сокровенное в моей картине, о чем я только втихомолочку мечтал...»⁶³.

«Тонкая душа-девица», так окрестил Крамской Васнецова, болезненно переживавшего несправедливое отношение единомышленников, критиков и зрителей: «Публика недовольна, перед моей картиной стоят больше спиной, ну что делать — не привертывать же новые глаза на спине»⁶⁴, — сокрушался последний в письмах. «Меня, как нарочно, нынче более ругают, чем когда-либо — я почти не читал доброго слова о картине»⁶⁵.

Крамской еще долгое время испытывал чувство вины, выразив надежду, что происшедшее откроет «свободу движения от мертвящих постановлений и бюрократических тонкостей»⁶⁶, мешающих жизни. Кроме того, он полагал, что этот эпизод должен заставить передвижников задуматься о «человечности» в отношениях при обсуждении произведений на общих собраниях. В тот год он жаловался и Третьякову на «передряги» в Товариществе, оставившие «скверный осадок»⁶⁷. Сделанный им вывод сегодня предстает по существу прозорливым высказыванием: «Трудно Васнецову пробить кору рутины художественных вкусов. Его картина не скоро будет понята. Она то нравится, то нет, а между тем вещь удивительная...»⁶⁸.

На появление спорного полотна Третьяков среагировал быстро — немедленно его приобрел. Логично предположить, что о травле Васнецова ему стало известно сразу. Правда, не исключено, что его покупке предшествовало сообщение Репина: «... пишут, что картину Васнецова покупает вел. кн. Владимир (губа не дура). Вещь прекрасная, поэтическая и глубоко национальная — украшение составит хорошее...»⁶⁹. Конечно, Третьяков прислушивался к советам, но поступал всякий раз по своему внутреннему разумению. Ему хотелось разобраться самому, и он консультировался у почитаемого им Чистякова: «Очень бы Вам был благодарен, если

⁶³ Письмо В.М. Васнецова П.П. Чистякову, 22 апреля 1880 г. // Виктор Михайлович Васнецов. Письма... С. 57.

⁶⁴ Письмо В.М. Васнецова В.М. Максиму [апр. 1880] // Там же. С. 56.

⁶⁵ Письмо В.М. Васнецова П.П. Чистякову, 22 апреля 1880 г. // Там же. С. 57.

⁶⁶ Письмо И.Н. Крамского И.Е. Репину, 17 марта 1880 г. // Переписка И.Н. Крамского. Т. 2. Переписка с художниками. М., 1954. С. 393.

⁶⁷ Письмо И.Н. Крамского П.М. Третьякову, 24 апреля 1880 // Переписка И.Н. Крамского. Т. 1. И.Н. Крамской и П.М. Третьяков. 1869–1887. М., 1953. С. 270.

⁶⁸ Письмо И.Н. Крамского И.Е. Репину, 17 марта 1880 г. // Переписка И.Н. Крамского. Т. 2. С. 393.

⁶⁹ Письмо И.Е. Репина П.М. Третьякову, 20 марта 1880 г. // Письма И.Е. Репина. Переписка с П.М. Третьяковым. С. 46.

бы Вы указали, т.е. объяснили мне, в каком смысле картину Васнецова следовало бы поработать, я в ней главный недостаток находил и нахожу в колорите; нет настроения в колорите (не знаю, как выразиться?) Пестро и светло для наступающей ночи»⁷⁰. Реакция современников вызывала у него чувство досады: «Васнецова “Поле” (“После побоища Игоря Святославича с половцами”. — Т.Ю.) менее образованные не понимают; образованные говорят, что не вышло»⁷¹.

Быть может, только в 1890-е гг., ближе к концу века, стало очевидно, что Васнецов в русском искусстве занял место «первопроходца», реформатора русской живописи, но, как водится, сразу не был понят и принят. «Васнецов в свое время произвел на нас сильное впечатление — в особенности его “После битвы”, мы многим ему обязаны»⁷², — признавался в 1897 г. Врубель. Нестеров вспоминал о трудностях постижения творчества старшего наставника на рубеже веков: «Новый путь Васнецова... с одинаковым увлечением поносили как “западники”, так и “славянофилы”. Ругал их (картины. — Т.Ю.) и неистовый Стасов, и горячий патриот Иван Сергеевич Аксаков...»⁷³. Картина «После побоища...» открыла новую эру в русском искусстве, — заявил И.Э. Грабарь, высказав со всей определенностью, что «с нее начинается длинный ряд страстных попыток разгадать идеал национальной красоты, которые не прекращаются до сих пор»⁷⁴. В этом смысле он продолжил развитие мысли Д. Философова и С. Дягилева о новаторстве мастера. Но и после смерти художника, когда Нестерову, прошедшему длинный путь рядом с Васнецовым, предложили написать воспоминания о нем, он признался, что история восприятия наследия художника продолжает быть спорной: «О нем мне писать трудней, чем о ком-либо.... Но как дать, как очертить лицо его художественное и человеческое, не впадая в крайности оценок... Восторгов, как и хулы, на него [Васнецова] было много. ... В.М. был человек страстный, там жила стихия сложная, гамма его деяний, ... чувствований была тоже сложная»⁷⁵.

⁷⁰ Письмо П.М. Третьякова П.П. Чистякову, 9 мая 1880 г. // Чистяков П.П. Указ. соч. С. 107–108.

⁷¹ Письмо П.М. Третьякова И.Н. Крамскому, 14 мая 1880 г. // Переписка И.Н. Крамского. Т. 1. С. 271.

⁷² Яремич С. М.А. Врубель. Жизнь и творчество. М., 1911. С. 154.

⁷³ Нестеров М.В. Давние дни. М., 1959. С. 89.

⁷⁴ Грабарь И.Э. История русского искусства. Т. 1. М., 1910. С. 95.

⁷⁵ Письмо М.В. Нестерова А.А. Турыгину, 12 сентября 1926 г. // Нестеров М.В. Письма. Л., 1988. С. 316.

Приобретение Третьяковым «Поля» Васнецова предстаёт, несомненно, поступком, заслуживающим уважения. В сфере сказочно-былинной линии развития отечественной живописи у Васнецова не было предшественников. «Недоставало нам сказки, и ты пополнил это»⁷⁶, — свидетельствовал Константин Савицкий.

Сложение оригинального поэтического стиля Васнецова проходило через глубокое погружение в самое серьезное изучение памятников старины, исторических костюмов и предметов археологии. В то же время он сознательно отходил от правды исторической в пользу правды художественной, ради образной выразительности постепенно отказывался от реалистической трактовки формы в сторону повышенной обобщенности и декоративности. От картины веяло спокойствием и умиротворением, что придавало эпическое звучание и приближало к пониманию национального через обращение к былинной тематике. Избранные Васнецовым герои — прекрасные мужественные воины, поданные идеализировано, они одухотворены и возвышенны, погружены в вечный сон после смертоносного боя.

Спустя девять лет, в конце 1880-х, появление сказочного полотна «Иван Царевич на Сером волке» передвижники уже восприняли с энтузиазмом: «Картина говорит сама за себя и говорит так выразительно и много, что мы все в великой радости и восторге за тебя. Она делает огромное впечатление, и выставка сразу приобрела окончательность, смысл, нарушено однообразие, тяжеловесность содержания. Если можно так выразиться...»⁷⁷, — писал К.А. Савицкий. С.И. Мамонтов признался в пережитом чувстве восторга: «... я все кругом забыл, я ушел в этот лес, я надышался этого воздуха, нанюхался этих цветов.... Таково неотразимое действие истинного и искреннего творчества... пусть говорят, что в картине много недостатков, неверностей, я не буду спорить, но пусть кто-нибудь другой так просто и непосредственно повлияет на мою душу, как твоя картина»⁷⁸. И.С. Остроухов описал свои впечатления от картины, скорее всего, на запрос Третьякова: «Всем, кого я ни спрашивал о ней, она очень нравится, в особенности Савицкому, Кузнецову, Поленову, даже Ярошенко. Мне она очень, очень нравится. С тех пор как я ее видел, в ней явились новые детали, но все ее только красят и делают еще и еще интереснее и поэтичнее»⁷⁹.

⁷⁶ Цит. по: Лобанов В.М. Виктор Васнецов в Москве. М., 1961. С. 179.

⁷⁷ Письмо К.А. Савицкого В.М. Васнецову, 24 февраля 1899 г. // Виктор Михайлович Васнецов. Письма... С. 271

⁷⁸ Письмо С.И. Мамонтова В.М. Васнецову, март 1889 г. // Там же.

⁷⁹ Письмо И.С. Остроухова П.М. Третьякову, 22 февраля 1889 г. // Там же. С. 368.

За несколько дней до открытия Третьяков получил от Васнецова сообщение о том, что «Царевич» будет на передвижной выставке: «Конечно, хотелось бы, чтобы картина нравилась, а достиг ли этого, — увидите сами»⁸⁰. Коллекционер начал переговоры о покупке, добившись некоторого снижения стоимости картины, получил благодарность художника: «мы ценим помещение своих картин в Вашу галерею»⁸¹. Высокая оценка полотна отражена в комментарии коллекционера: «Выставка очень интересна. Царит над всем Васнецов со своим серым волком»⁸².

В ожидании открытия передвижной выставки 1889 г. критики гадали, какие картины выберет Третьяков. Ему приписывали интерес к полотнам в «русском стиле», отличающимся «бессмысленной, декоративной ходульностью, преувеличенными эффектами, драматизмом классическим, в самом утрированном и вульгарном смысле»⁸³. Им противопоставлялась живопись, опиравшаяся на традиции академизма и реалистического видения окружающего мира. Те новые живописно-пластические элементы, которые вносил Васнецов в искусство, опираясь на опыт, полученный им во Владимирском соборе, были непонятны общественности и вызывали негативную реакцию. О том, что искусство двигалось к открытию нового мировосприятия, догадывались лишь немногие, и среди них — Третьяков.

Принципиальным в отношении коллекционера к творчеству того или иного художника являлось определение его места в экспозиции Галереи.

При жизни Павла Михайловича и после его смерти экспозиция Галереи никого не оставляла равнодушным. Современники восхищались его активной коллекционерской деятельностью, называя этот труд титаническим, в то же время критиковали его за невнимание к экспозиционной систематизации собрания. Третьяков сохранял хладнокровие и держал оборону, хотя и признавал собственные промахи в размещении произведений живописи и графики. Его редкие суждения об экспозиции раскрывают его размышления, глубокое понимание проблем музейной развески и трудности, с которыми он регулярно сталкивался: «Насчет помещения картин и освещения их мнения так различны, что просто беда, каждый по-своему судит, у каждого свой вкус, а о вкусах не спорят; вот Вы довольны, — об-

⁸⁰ Письмо В.М. Васнецова П.М. Третьякову, 21 февраля 1889 г. // Там же. С. 75.

⁸¹ Письмо В.М. Васнецова П.М. Третьякову, 6 марта 1889 г. // ОР ГТГ. Ф. 1. Ед. хр. 4665. Л. 1.

⁸² Письмо П.М. Третьякова В.Н. Третьяковой, 27 февраля 1889 г. // ОР ГТГ. Ф. 1. Ед. хр. 6044.

⁸³ Петербургская газета. 1889. № 44. 14 января.

ращался он к Репину, — Суриков доволен, ну и слава Богу. А все никогда не будут довольны»⁸⁴.

Пристальный анализ экспозиции Третьякова позволяет уловить продуманные и далеко не случайные аналогии и сопряжения художников и картин, размещенных в одном зале. Отдельные произведения вступают в неожиданные диалоги.

Возвращаясь к обозначенному ранее противостоянию Николая Ге и Виктора Васнецова, являвших собой два антипода в художественной культуре, следует сказать, что они очень ревниво следили друг за другом.

«Правда ли, что картина Ге у Третьякова?»⁸⁵, — с настороженным беспокойством интересовался Васнецов судьбой «скандального» полотна «“Что есть истина?” Христос и Пилат», быть может, не поверив слухам о приобретении. Ге, в свою очередь, резко оценивал живопись Васнецова — главный труд его жизни — росписи Владимирского собора. В 1890 г. он писал М.Ф. Каменскому: «Васнецовская Божья Матерь на меня всегда производила отвратительное впечатление отсутствием ребенка в ребенке, эти резкие движения и не верны, и противны»⁸⁶. В 1893–1894 гг., встречаясь с учащейся молодежью, Ге дал неллицеприятную характеристику не столько конкуренту в искусстве, сколько идейному противнику: «В общественных сферах тогда ураганом носилась новоявленная слава Васнецова; на этого-то “отца религиозной живописи” и закинули удочку, — вспоминал один из мемуаристов. — Ге даже привскочил и ахнул: ... да какая же у него религиозная живопись. У него варварская, дикая живопись ... видел его идольские образа, был у Третьякова нынче; созерцал противозаконные прелести со змеями, чертями, богами, грешниками...»⁸⁷.

В целом отношения двух художников отличала нетерпимость и «великая вражда» друг к другу, выявившаяся особенно в 1890-е гг.

Экспозиция Галереи, в свою очередь, отразила отношение к ним Третьякова. Если в первых вариантах развески залов, судя по изданным Описям и каталогам Галереи 1893–1896 гг., жанровые картины Васнецова, как и картины и портреты Ге, оставались на втором этаже

⁸⁴ Письмо П.М. Третьякова И.Е. Репину, 22 августа 1887 г. // Письма И.Е. Репина. С. 120.

⁸⁵ Письмо В.М. Васнецова Ап.М. Васнецов, у 8 января 1891 г. // Виктор Михайлович Васнецов. Письма... С. 92.

⁸⁶ Письмо Н.Н. Ге М.Ф. Каменскому [август 1890] // Николай Николаевич Ге. Письма. Статьи. Критика. Воспоминания современников. М., 1978. С. 151.

⁸⁷ Ульянов Н.П. Ге среди молодежи. Воспоминания. 23 января 1897 г. // Там же. С. 300.

в привычной кампании «передвижнического» зала, в основном включавшего бытовые произведения 1870–1880-х (зал № 6), то последняя смена экспозиции в 1897–1898 гг. внесла серьезную корректировку, отделив одного художника от другого навсегда. И этот факт — еще одно свидетельство неустанного поиска новых решений в вариантах экспозиций Третьякова и его желания отразить реальное соотношение сил в художественном поле современного искусства.

Монографический зал В.М. Васнецова в последней экспозиции Третьякова 1897–1898 гг. стал важным этапом в осмыслении творчества художника. Коллекционер не раз называл его одним из главных живописцев в русском искусстве. Но это не означает, что он покупал все его произведения. Однажды, по воспоминаниям М.В. Нестерова, коллекционер отказался принять в дар его «Аленушку»⁸⁸ (1881, ГТГ).

В 1893 г. собиратель приобрел восемь картонов и более 300 эскизов, исполненных в период работы над росписями «чудного храма»⁸⁹, по определению Третьякова, — Владимирского собора в Киеве. В том же году Васнецов подарил⁹⁰ в Галерею четыре картона «Собор святителей Вселенской Церкви», «Собор Святителей Русской церкви» и «Пророков»⁹¹, а в 1894 — Образ «Богоматери с Младенцем». Так за два года сформировалась большая и цельная коллекция эскизов и картонов Васнецова к одному из главнейших православных храмов середины — конца XIX в.

Тогда же становится очевидной ценность коллекции, собранной Третьяковым. С середины 1890-х гг. она начала вызывать пристальный интерес современников. Стасов, ранее не скрывавший своего неприятия религиозного творчества Васнецова, переменил мнение, отметив значимость наследия художника: «...я пришел к убеждению, что Ваше собрание эскизов Васнецова — во многих случаях, даже в большинстве, важнее и лучше оригинальных его живописей в Киеве. ... Каждая отдельная фигура, каждый отдельный орнамент, каждая полоса орнамента — лучше, характернее, талантливее, чем то, что потом было выполнено на стенах храма. Конечно, может

⁸⁸ Письмо М.В. Нестерова А.В. Нестеровой, 5 апреля 1897 г. // Нестеров М.В. Письма. С. 157 (приобретена Советом ТГ в 1900 у В.В. фон Мекка).

⁸⁹ Письмо П.М. Третьякова В.Н. Третьяковой, 12 сентября 1896 г. // ОР ГТГ. Ф. 1. Ед. хр. 6144. Л. 2 2 об.

⁹⁰ В 1892 г. Третьяков подарил свою Галерею Москве, она находилась в ведении Московского городского управления, сам он стал ее попечителем, и всё, что он приобретал, отныне он дарил Галерее.

⁹¹ Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Серия: Рисунок XVIII–XX веков. Т. 2. Кн. 1: Рисунок XIX века. М., 2007. С. 287–289.

быть, это лишь мое личное всегдашнее мнение и вкус; я во всю свою жизнь имел бесконечную, беспредельную страсть к эскизам и первоначальным этюдам художников; мне всегда казалось, что тут они невольно, сами себе не давая отчета, вкладывали всю свою душу, весь свой огонь, всю горячую, первую и настоящую мысль...»⁹².

В начале 1890-х гг. Третьяков «изобрел» новую форму экспонирования эскизов малого формата, так называемые вертикальные витрины-«вертушки»⁹³ с двусторонними рамами и подвижной системой, позволяющей «перелистывать» рисунки. Не исключено, что Третьяков мог познакомиться с подобными витринами в европейских музеях. Благодаря искусному монтажу, в этих витринах выставлялось около 200 орнаментов. Сегодня они хранятся в том же виде, как их наклеил Васнецов перед продажей Третьякову.

Путь к признанию художника был долгим, и только в конце 1890-х гг. для Васнецова настал период своего рода триумфа. С начала 1890-х художник удостоивается академических наград, в 1892 г. получает, наконец, звание профессора живописи Академии художеств, в 1893 г. избран действительным членом Академии, с 1894 г. ему предложена должность профессора-руководителя мастерской Академии, но он отказался ее принять. В 1896 г. он присутствует на освящении Владимирского собора, во время которого он был представлен императору Николаю II.

В конце 1890-х наступает перемирие между Васнецовым и Стасовым, последний напишет статью по поводу 50-летнего юбилея признанного мастера. В ноябре 1898 г. выходит первый номер журнала «Мир искусства» с репродукциями работ Васнецова.

В 1897 г. Третьяков договаривается о покупке с 25-й передвижной выставки картины «Иван Грозный», на которую претендует великий князь Павел Александрович. Яркое впечатление, произведенное этой картиной, опишет М.В. Нестеров: «... центром юбилейной выставки будет “Грозный” ... у него уже был, и Третьяков сказал ему, что от впечатления Грозного он не может отделаться. Что-де с ним редко бывает... Лучшего Грозного у нас не было. Антокольского кажется бледен. У Репина не Грозный, а обезьяна. Шварц тоже лишь в намеке дает то, что Васнецов во всю силу своего огромного таланта»⁹⁴. В апреле 1898 г. Третьяков приобретает долгожданную картину «Богатыри».

⁹² Письмо В.В. Стасова П.М. Третьякову, 11 августа 1895 г. // Переписка П.М. Третьякова и В.В. Стасова. С. 188–189.

⁹³ Горбачева С.Д. Указ. соч. С. 96.

⁹⁴ Цит. по кн.: Виктор Михайлович Васнецов. Письма... С. 397.

В череде событий устройство монографического зала Васнецова является знаменательным фактом и важным итоговым решением коллекционера. В.Д. Поленов, узнав о том, что Третьяков купил «Богатырей», дал ему дельный совет: «Не знаю правильно или нет, но я себе представил произведения Васнецова, собранные в большой зале, где была иностранная школа; посередине «Богатыри»; на боковых стенах с одной стороны — эпосы и сказки, с другой — религиозные сюжеты, а внизу в виде пояса — рисунки и акварели, какое цельное и величавое впечатление получилось бы от такого размещения»⁹⁵. Прошло чуть более месяца, и Поленов получил ответ Третьякова: «Виктор Михайлович переехал в верхнее помещение — но не поместился, как Вы рекомендовали, в одном зале: «Рай [«Радость праведных о Господе. Преддверие Рая»] остался там, где был»⁹⁶, то есть в предыдущем зале с лестницей. Таким образом, Васнецов занял последний зал № 11, замыкающий второй этаж, ранее отданный под иностранных мастеров коллекции С.М. Третьякова.

«Богатыри», поступившие в Галерею в год завершения экспозиции, венчали анфиладу залов, которая начиналась с зала исторической картины, включившего композиции «Перова–Сурикова» (№7). Путь к ним лежал через монографический зал Репина (№ 8) и зал живописи молодых художников 1880–1890-х гг. (№ 9 с лестницей, над которой висела композиция Васнецова «Радость праведных о Господе...»)

Но конечной точкой, по существу, главного этажа, логичным если не эпилогом, то венцом, украсившим галерею, стал цельный и гармоничный зал Виктора Михайловича Васнецова. Над входом в зал встречал его живописный портрет работы Н.Д. Кузнецова. Важнейшей точкой притяжения зала стала картина «Богатыри». Слева от нее стена была отдана эпическим и сказочным картинам «После побоища», «Иван Царевич на сером волке», «Иван Грозный» и частично картонам к Владимирскому собору, правая стена — живописным и графическим композициям также к собору. Общее впечатление от этого зала оставалось несомненно торжественное, если не пафосное.

«Его картина [«Богатыри»] въехала в галерею Третьякова еще в конце лета, и времени прошло с тех пор довольно. Но она успела, кажется до нынешней минуты по-настоящему, во всю меру, востор-

⁹⁵ Письмо В.Д. Поленова П.М. Третьякову, 14 мая 1898 г. // ОР ГТГ. Ф. 1. Ед. хр. 2717.

⁹⁶ Письмо П.М. Третьякова В.Д. Поленову, 21 июня 1898 г. // ОР ГТГ. Ф. 1. Ед. хр. 77.

гнуть одного только человека: самого Третьякова, незадолго до его конца, это как будто в истинную награду за долгую жизнь любви, самоотвержения, беспредельной преданности своему собственному и общему народному делу. Нашлось, правда, и еще несколько человек, которые уразумели новую картину и прильнули к ней всей душой и сердцем»⁹⁷, — писал Стасов, осуждая петербургскую публику, которая не пошла на выставку Васнецова, открывшуюся в Академии. Стасов отвел картине «Богатыри» одно из первейших мест в истории русской живописи. Здесь он несомненно солидарен с позицией Третьякова. Но далее он вспомнил репинских «Бурлаков», который назвал «панданом» «Богатырям» в представлении «силы и мощи русского народа... там — угнетенная и еще затоптанная... а здесь — сила торжествующая, спокойная и важная...»⁹⁸.

Думается, что Третьяков смотрел на процессы искусства глубже, чем его современник. Во всяком случае, его приобретения и разведска свидетельствуют о поисках выхода русской живописи в модерн, символизм, в XX век.

Одним из ярких выступлений в эту пору стало появление в печати статьи С. Дягилева, который выделил в русском искусстве три крупных имени и мощных дарования, определивших русское культурное поле, — Суриков, Репин, Васнецов. Именно в творчестве этих трех мастеров коренилось национальное самосознание⁹⁹, утратившее наконец страх быть самим собой, заявил молодой критик. «Васнецов признан и признан вполне. Владимирский собор и Третьяковская галерея сослужили незабвенную услугу. Выставка в Академии художеств... апофеоз значения Васнецова...»¹⁰⁰.

В русле сказанного роль Третьяковской галереи и ее основателя в те годы в процессе утверждения значения того или иного мастера или явления в истории отечественного искусства оказывается несомненно принципиальной.

* * *

После смерти П.И. Третьякова Васнецов был привлечен к работе над реконструкцией Третьяковской галереи (к перестройке главного дома и фасада). Он исполнил проект в неорусском стиле, отразивший программу коллекционера, нацеленную на создание музея на-

⁹⁷ Стасов В.В. Мой адрес публике 1899 г. // Виктор Михайлович Васнецов. Письма... С. 326.

⁹⁸ Там же. С. 327.

⁹⁹ Дягилев С.П. К выставке В.М. Васнецова // Там же. С. 330.

¹⁰⁰ Там же. С. 331.

ционального искусства. С течением времени фасад приобрел всеобщую известность и стал символом Галереи.

Позднее, когда обострилась в художественной жизни 1910-х гг. дискуссия, связанная с реформой Третьяковской галереи, затеянной И.Э. Грабарем, Васнецов, один из немногих единомышленников и современников Третьякова, встал на его защиту, выступив против умаления личности основателя Третьяковской галереи, человека, который «с такой энергией, страстью и знанием посвятил свою жизнь искусству». Васнецов утверждал, вопреки мнению большинства, что Третьяков был фигурой совершенно самостоятельной, он честно реализовывал свое воззрение при формировании Галереи, «приобретал картины на свой страх, под своей личной ответственностью и на свои личные средства»¹⁰¹. Васнецов считал невозможным после смерти Третьякова вносить в «старую» галерею вновь приобретенные картины¹⁰², предлагая отделить «старую» экспозицию от новой. В этом состояло, по мнению Васнецова, бережное сохранение «принципа подлинности Третьяковской галереи». Но в те годы уже сложилось отношение к Васнецову, как и к Третьякову, как к архаичным, консервативным представителям отошедшей эпохи.

References

Atroshchenko O.D. *“Delo nashego spaseniya”. Monumental’nye rospisi V.M. Vasnetsova vo Vladimirskom sobore* [“The Work of Our Salvation”: V.M. Vasnetsov’s Monumental Murals in St. Vladimir’s Cathedral] // Viktor Vasnetsov. *Radost’ pravednykh. Religioznaya zhivopis’ i grafika. Iz sobraniya Gosudarstvennoy Tret’yakovskoy galerei pri uchastii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya i Nizhegorodskogo gosudarstvennogo khudozhestvennogo muzeya* [Viktor Vasnetsov. The Joy of the Righteous. Religious Painting and Graphic Art. From the Collection of the State Tretyakov Gallery with the Participation of the State Historical Museum and the Nizhny Novgorod State Art Museum]. Nizhny Novgorod: BegemotNN, 2025. P. 8–19.

Baye Joseph de. *L’oeuvre de Victor Wasnetzoff: devant l’Ecole modern de peinture en Russie: accompagnee de 21 planches hors texte*. Paris: Librairie Nilsson, 1896. 35 p.

Benois A.N. *Istoriya russkoy zhivopisi v XIX veke* [The History of Russian Painting in the 19th Century] / Comp., introd. article, and comment. by V.M. Volodarskiy. Moscow: Respublika, 1995. 446 p.

Botkina A.P. *Pavel Mikhaylovich Tret’yakov v zhizni i iskusstve* [Pavel Mikhailovich Tretyakov in Life and Art] / Ed. by L.I. Iovleva; scientific ed. by T.V. Yudenkova. 6th ed. Moscow: Art-Volkhonka, 2012. 632 p.

Fedorova L.V. *“Ya prilagal vse svoi sily k delu plodotvornomu”. Zhivopis’ V.M. Vasnetsova vo Vladimirskom sobore v Kieve* [“I Applied All My Strength to a Fruitful

¹⁰¹ Письмо В.М. Васнецова И.Э. Грабарю [1913] // Там же. С. 234.

¹⁰² Там же. С. 235.

Cause”: V.M. Vasnetsov’s Painting in St. Vladimir’s Cathedral in Kiev] // *Vasnetsovy. Svyaz’ pokoleniy. Iz XIX v XXI vek* [The Vasnetsovs. Connection of Generations: From the 19th to the 21st Century] / Ed.-comp. by O.D. Atroshchenko, D.V. Manukyan. Moscow: Gosudarstvennaya Tretyakovskaya galereya, 2024. P. 79–89.

Gorbacheva S.D. *Grafika sten Vladimirskogo sobora v Kieve* [Wall Graphics of St. Vladimir’s Cathedral in Kiev] // *Vasnetsovy. Svyaz’ pokoleniy. Iz XIX v XXI vek* [The Vasnetsovs. Connection of Generations: From the 19th to the 21st Century] / Ed.-comp. by O.D. Atroshchenko, D.V. Manukyan. Moscow: Gosudarstvennaya Tretyakovskaya galereya, 2024. P. 90–97.

Grabar’ I.E. *Istoriya russkogo iskusstva* [A History of Russian Art]. Vol. 1. *Arkhitektura* [Architecture]. Moscow: Izdanie I. Knebel’, 1910–1913. 508 p.

Lobanov V.M. *Viktor Vasnetsov v Moskve* [Viktor Vasnetsov in Moscow]. Moscow: Moskovskiy rabochiy, 1961. 242 p.

Petrov N.I. *Iz istorii kievskogo Vladimirskogo sobora* [From the History of St. Vladimir’s Cathedral in Kiev]. Kiev: Tipografiya Imperatorskogo universiteta Svyatogo Vladimira, 1898. 40 p.

Yaremich S.P. *Mikhail Aleksandrovich Vrubel’. Zhizn’ i tvorchestvo* [Mikhail Aleksandrovich Vrubel: Life and Work] / Foreword by I. Grabar’. Moscow: Izdanie I. Knebel’, 1911. 187 p.

Yudenkova T.V. P.M. Tretyakov i N.N. Ge. *K istorii vzaimootnosheniy* [P.M. Tretyakov and N.N. Ge: Toward a History of Their Relationship] // *Russkoe iskusstvo Novogo vremeni. Issledovaniya i materialy: sbornik statey* [Russian Art of the Modern Era. Studies and Materials: A Collection of Articles]. Issue 14. *Po itogam Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii “Otechestvennoe iskusstvo XVIII–XIX vekov: stilevye predpochteniya, personalii, obuchenie, vzaimootnosheniya s gosudarstvom i obshchestvom”* [Based on the Results of the All-Russian Scholarly Conference “National Art of the 18th and 19th Centuries: Stylistic Preferences, Individual Figures, Education, and Relations with the State and Society”] / Ed.-comp. by I.V. Ryazantsev. Moscow: NII teorii i istorii izobrazitel’nykh iskusstv, 2012. P. 246–268.

Zen’kovskiy V.V. *Istoriya russkoy filosofii* [A History of Russian Philosophy] / Comp. by A.V. Polyakov. In 2 vols. and 4 books. Leningrad: Ego, 1991. Vol. 1. Part 2. 280 p.

Поступила в редакцию
6 сентября 2025 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2025-66-6-172-174

Л.Г. Окрошидзе

**ПОРТРЕТ АДМИРАЛА ПЕТРА ИВАНОВИЧА РИКОРДА
ИЗ СОБРАНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ВОЕННО-МОРСКОГО
МУЗЕЯ ИМЕНИ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКОГО:
НОВАЯ АТРИБУЦИЯ**

L.G Okroshidze

**PORTRAIT OF ADMIRAL PETR IVANOVICH RIKORD
FROM THE COLLECTION OF THE EMPEROR PETER
THE GREAT CENTRAL NAVAL MUSEUM:
A NEW ATTRIBUTION**

Аннотация. Статья посвящена неизученному живописному портрету адмирала Петра Ивановича Рикорда — выдающегося флотоводца, дипломата и ученого XIX в., сыгравшего заметную роль в истории Российской империи. Фигура Рикорда, отличившегося как военными подвигами, так и дипломатическими инициативами, занимает почетное место в российской истории, однако его прижизненные портретные изображения крайне редки и малоизвестны. В исследовании основное внимание уделено непарадному портрету адмирала, авторство и датировка которого долгие годы оставались неопределенными. Анализ архивных источников позволил установить его автора — художника Дмитрия Петровича Маляренко (1824–1860), выпускника Императорской Академии художеств, позднее удостоенного звания академика. Данный факт представляется принципиально важным для искусствоведения, поскольку до последнего времени в наследии Маляренко числилось всего несколько работ. Биография живописца, чье дарование позволило ему освободиться от крепостной зависимости и войти в круг признанных портретистов середины XIX в., была воссоздана по архивным документам Российского государственного исторического архива. Портрет Рикорда, представленный впервые на выставке Императорской Академии художеств в 1854 г., интерпретируется как образец академической пор-

Окрошидзе Лия Гурамиевна, кандидат искусствоведения, старший инспектор исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Okroshidze Liya Guramievna, PhD Candidate in Art History and Criticism, Senior Inspector, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

vaudetar@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4685-7619

третней школы середины XIX в. Композиция, колористическое решение и внимание к деталям свидетельствуют о высоком мастерстве Маляренко, а богатство символических элементов, присутствующих на портрете, — бюст И. Каподистрии, портрет В.М. Головнина, книги, связанные с морскими экспедициями, — раскрывают интеллектуальный и личностный мир адмирала. Открытие авторства портрета адмирала Рикорда существенно расширяет представления о наследии Маляренко в контексте истории русской портретной живописи XIX в. Исследование демонстрирует, насколько важен комплексный подход, объединяющий архивную работу, искусствоведческий анализ и биографические изыскания. На фоне 250-летия со дня рождения П.И. Рикорда, отмечавшегося зимой 2026 г., данное открытие не только актуализирует его исторические заслуги, но и способствует переоценке вклада малоизвестных портретистов в художественную культуру России.

Ключевые слова: П.И. Рикорд, Д.П. Маляренко, Императорская Академия художеств, русская портретная живопись XIX в., атрибуция живописи, Российский государственный исторический архив.

Abstract. This article examines a previously unstudied painted portrait of Admiral Petr Ivanovich Rikord, an outstanding nineteenth-century naval commander, diplomat, and scholar who played a significant role in the history of the Russian Empire. Although Rikord has long occupied an important place in Russian history owing to his military achievements and diplomatic initiatives, lifetime portraits of him remain extremely rare and little known. The study focuses on an informal portrait of the admiral whose authorship and date had long remained uncertain. A detailed analysis of archival sources has made it possible to identify its author as the artist Dmitry Petrovich Malyarenko (1824–1860), a graduate of the Imperial Academy of Arts who was later awarded the title of Academician. This attribution is of particular importance for art history, since until recently only a small number of works were known to belong to Malyarenko's oeuvre. The artist's biography, including his emancipation from serfdom and his subsequent entry into the circle of recognized portrait painters of the mid-nineteenth century, has been reconstructed on the basis of archival documents preserved in the Russian State Historical Archive. The portrait of Rikord, first exhibited at the Imperial Academy of Arts in 1854, is interpreted as an example of the academic school of portraiture of the mid-nineteenth century. Its composition, colour scheme, and attention to detail testify to Malyarenko's considerable skill, while its rich symbolic elements — the bust of I. Kapodistrias, the portrait of V.M. Golovnin, and books associated with maritime expeditions — reveal the admiral's intellectual and personal world. The attribution of Rikord's portrait significantly broadens our understanding of Malyarenko's legacy within the history of nineteenth-century Russian portrait painting. The study demonstrates the importance of an integrated approach combining archival research, art-historical analysis, and biographical inquiry. Against the background of the 250th anniversary of P.I. Rikord's birth, marked in the winter of 2026, this discovery not only brings renewed attention to his historical and cultural achievements, but also contributes to a reassessment of the role played by lesser-known portraitists in Russian artistic culture.

Keywords: P.I. Rikord, D.P. Malyarenko, Imperial Academy of Arts, nineteenth-century Russian portrait painting, attribution of paintings, Russian State Historical Archive.

* * *

Пётр Иванович Рикорд (1776–1855) — поистине выдающаяся личность в истории Российской империи. Адмирал, флотоводец, дипломат и ученый, на протяжении почти шестидесяти лет служивший стране. Он отличился в кругосветном плавании на шлюпе «Диана» под командованием Василия Головнина, затем в мирном разрешении русско-японского конфликта в 1813 г. В 1828 г. во время русско-турецкой войны Рикорд блестяще осуществил блокаду Дарданелл зимой, что приблизило заключение Адрианопольского мира. Во главе русской эскадры он поддержал образование независимого Греческого государства, а в 1854 г. его действия при обороне Кронштадта привели к бескровной победе над англо-французской эскадрой. Он проявил дипломатические способности на Дальнем Востоке и в Греции, был отличным организатором и стратегом, разработал план развития Камчатки и способствовал переходу флота от парусных к паровым кораблям. Рикорд стоял у истоков Русского географического общества, был членом-корреспондентом Академии наук, почетным членом Московского университета и ряда других научных организаций¹.

На фоне столь насыщенной и яркой биографии особую актуальность приобретает изучение образа адмирала в изобразительном искусстве. Примечательно, что, несмотря на масштаб личности Рикорда, на его заслуги и продолжительную публичную деятельность, до нашего времени дошло лишь два живописных портрета, хранящихся в коллекции Центрального военно-морского музея имени императора Петра Великого. К большому сожалению, о самих портретах известно совсем немного: авторство их до сих пор не установлено, а датировка работ слишком размытая — XIX век.

В 2026 г. исполняется 250 лет со дня рождения адмирала Петра Ивановича Рикорда, в связи с юбилеем были подготовлены масштабная выставка и серия культурных и научных мероприятий, цель которых — сохранение и популяризация его достижений. Памятная дата послужила мощным импульсом для новых исторических поисков, в том числе для исследования прижизненных портретных изображений выдающегося адмирала.

Объект настоящего исследования — единственный «непарадный» портрет Петра Ивановича Рикорда. Согласно официальным

¹ Тихоцкий А. И. Адмирал Пётр Иванович Рикорд. Жизнеописание в цитатах и сопоставлениях. СПб., 2016. С. 5–6.

данным, работа датируется XIX веком, авторство не установлено². Отсутствие точной атрибуции произведения лишь усиливает интерес к этому портрету: загадочность происхождения работы побуждает обращаться к архивным источникам, анализировать стилистические особенности и выдвигать новые гипотезы, превращая изучение картины в увлекательный процесс раскрытия тайн прошлого.

Дмитрий Маляренко. Портрет Петра Ивановича Рикорда, 1854 г.
Холст, масло, 121 x 91 см. Инв. 01 Ж-482. Центральный военно-морской
музей имени императора Петра Великого Министерства обороны
Российской Федерации

Эта неопределенность происхождения картины закономерно привела к необходимости более глубокого изучения возможных обстоятельств ее создания.

В биографической литературе, посвященной П.И. Рикорду, неизменно подчеркивается многогранность его личности: адмирал,

² Там же.

реформатор, гуманист, дипломат — все эти ипостаси определяют высокий общественный интерес к нему современников.

Впервые изучаемый портрет адмирала П. И. Рикорда был упомянут в работе В. П. Мельницкого «Адмирал Петр Иванович Рикорд и его современники»³. Это раннее свидетельство подтверждает известность изображения уже в середине XIX в. и придает ему дополнительную ценность. Автор указывает, что портрет впервые был представлен публике на выставке Академии художеств в 1854 г.⁴ Адмирал Рикорд изображен не просто в шелковом халате, как может показаться на первый взгляд, а в парадном японском «мундире», который он получил в подарок из Японии по случаю 50-летия своей службы⁵. Эти данные послужили отправной точкой в настоящем исследовании.

Упоминание биографом адмирала В.П. Мельницким портрета нуждается в подтверждении, и с этой целью была предпринята попытка найти каталог выставки Императорской академии художеств 1854 г. Ежегодные выставки Академии стали доброй традицией начиная с 1762 г.⁶, а к 1854 г. уже сложилась практика публикации печатных каталогов таких выставок.

В каталоге выставки Императорской Академии художеств 1854 г. под номером 158 (во 2-м зале) действительно указан портрет адмирала Петра Ивановича Рикорда. Более того, в каталоге указан и автор произведения — художник Дмитрий Маляренко⁷.

И здесь важно подчеркнуть, что с нескольких парадных военных портретов адмирала Петра Ивановича Рикорда кисти Дмитрия Маляренко были выполнены гравюрные образы (сами портреты, видимо, не сохранились).

О самом Дмитрие Маляренко известно немного. В научной литературе о нем лишь пишут, что он был крепостным, получившим вольную, и написал несколько портретов, либо не упоминают вовсе. Безусловно, он фигура не столь значительная, как его именитые коллеги-современники, например, Кипренский или Брюллов, но не менее интересная и безусловно заслуживающая внимания специалистов, ведь созданный им живописный портрет адмирала Петра

³ Мельницкий В.П. Адмирал Петр Иванович Рикорд и его современники: с портретом Рикорда. Ч. 1. СПб., 1856.

⁴ Там же. С. 219.

⁵ Там же.

⁶ Павлинов П.С. Российская академия художеств // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. — URL: <https://bigenc.ru/c/rossiiskaia-akademiiia-khudozhestv-19ffd6/?v=8458342> (дата обращения 05.08.2025).

⁷ Указатель художественных произведений, выставленных в Музее Императорской Академии художеств. СПб., 1854. С. 12.

Ивановича Рикорда по своей художественной ценности мог бы принадлежать кисти художников самого первого круга, что говорит о высоком профессиональном уровне мастера.

До недавнего времени считалось, что в отечественных коллекциях находится всего несколько произведений Маляренко: портрет поручика Веревкина С.Н.⁸, портрет артиста М. Щепкина⁹ и портрет молодой женщины в белом платье с розовыми лентами¹⁰.

В документах же Императорской Академии художеств сохранились свидетельства об исполнении живописцем нескольких других работ: «Академик Маляренко исполнил с натуры портреты: княгини Е.П. Трубецкой, надворного советника С.Д. Воронина, генерал-адъютанта [Н.Ф.] Плаутина, г-жи И.Д. Мусиной-Пушкиной и две женские головки, копии: “Моление Христа Спасителя о чаше”; портреты государя императора во весь рост, в провинцию, его императорского высочества в Бозе почивающего великого князя Михаила Павловича для Главного штаба и портрет графини Морни»¹¹.

В ходе исследования также была обнаружена еще одна работа кисти Дмитрия Маляренко — портрет молодого человека в интерьере, проданный на торгах аукционного дома Sotheby's 17 июля 1996 г.¹²

Ограниченность биографических сведений о Маляренко объясняется несколькими факторами. Во-первых, его крепостное происхождение означало, что в молодости он не принадлежал к кругам, где систематически велись записи и сохранялась документация. Во-вторых, относительно короткая жизнь художника (всего 36 лет)¹³ не позволила ему оставить обширное творческое наследие или же значительный след в мемуарной литературе эпохи. Кроме того, в отличие от более именитых современников, Дмитрий Петрович Маляренко не был окружен широким кругом учеников или последователей, которые могли бы сохранить воспоминания о нем.

К счастью, архивные документы сохранили любопытные сведения о становлении Маляренко как художника. Они свидетельствуют

⁸ Инв. ЕД-497-Х. Холст, масло, 1852 г. Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный художественно-архитектурный дворцово-парковый музей-заповедник “Царское Село”»

⁹ Инв. ГЦММК КП-12388. 3946/II. Картон, масло, первая пол. XIX в. Российский Национальный музей музыки.

¹⁰ Инв. Ж-4859. Холст, масло, 1946 г. Государственный Русский музей.

¹¹ Торжественные публичные собрания и отчеты Императорской Академии художеств (1817–1859) / Сост., авт. вступ. и примеч. Н.С. Беляев. СПб., 2015. С. 670.

¹² Sotheby's: русское искусство на аукционах. Живопись и графика, 1990–2000 / Под ред. М. Боксера. М., 2002. С. 115.

¹³ Кондаков С.Н. Юбилейный справочник Императорской Академии художеств, 1764–1914. Ч. II: Часть биографическая. СПб., 1915. С. 122.

о том, что именно его талант в живописи дал ему возможность получить свободу от крепостной зависимости. В деле¹⁴ Дмитрия Маляренко канцелярии Императорской Академии художеств приведено несколько документов относительно его «освобождения». Президентом Академии герцогом Максимилианом Лейхтенбергским 24 декабря 1845 г. было направлено письмо Ивану и Александру Мусиным-Пушкиным, в котором он излагал следующее: «Принадлежащий вам крепостной человек Екатеринославской губернии Славяносербского уезда деревни Уткиной Дмитрий Маляренко представил в Императорскую Академию художеств живописные свои работы. Усматривая из этих работ дарование Маляренко к художеству и полагав, что он при возможности и дальнейшему усовершенствованию в искусстве в Академии мог бы сделаться хорошим художником, <...> Маляренку доставить возможность поступить в Академию. <...> я обращаюсь к вам и призываю даровать ему свободу из крепостного сословия»¹⁵. Подобное обращение президента Академии свидетельствует о безусловном таланте тогда еще совсем юного художника.

Из документов дела (от 23 февраля 1846 г.) обнаруживается, что незамедлительно даровать свободу юному художнику не получалось в связи с тем, что Иван и Александр Мусины-Пушкины находились на службе в Новомирогородском Уланском полку за границей, а имение их до сих пор не разделено было с наследницами-дочерьми умершей «генеральши Мусин-Пушкиной»¹⁶.

Далее переписка продолжается с законным попечителем имения, дядей Ивана и Александра, Иваном Петровичем Штеричем уже в феврале 1848 г.:

«Я имею честь получить отношение Ваше с предложением принять участие об освобождении из крепостного состояния крестьянина Дмитрия Маляренка, принадлежащего находящимся под попечительством моим родственникам моим наследникам Генерал Лейтенантши Мусин-Пушкин, который дарованием своим в живописном искусстве удостоился иметь счастье обратить на себя высокое внимание Вашего Императорского Высочества.

С истинным удовольствием принимаю на себя обязанность исполнить желание Ваше быть ходатаем у родственников моих Мусин-Пушкиных в пользу Маляренка и могу даже уверить Ваше Императорское Высочество в несомненном успехе этого предприятия, которое я имел всегда ввиду проникнув в Маляренке скры-

¹⁴ РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Литера «М». Д. 100.

¹⁵ Там же. Л. 1–1 об.

¹⁶ Там же. Л. 2.

вавшийся талант к живописи и заботясь с того времени о развитии оного. Выезд мой по болезни за границу и несовершенная уверенность в способностях Маляренки отдалили исполнение намерения моего согласия владельцам которым он принадлежит на освобождение его из крепостного сословия для доставления ему возможности усовершенствовать дарования свои в Императорской Академии художеств если найдут его достойным.

Благотворное попечение Вашего Императорского Высочества о развитии таланта Дмитрия Маляренка найденного Советом Академии достойным, подают мне полную надежду, что заботы мои о нем принесут делаемые плоды и не теряя времени приступаю к ходатайству о освобождении его.

Вашего Императорского Высочества

Всепокорнейший слуга

Иван Петров сын Штерич

Париж

Февраля 6/18 дня 1848 года»¹⁷.

Без сомнения можно сказать, что наиболее ценным документом в деле является сама вольная грамота, данная Дмитрию Маляренко. Несмотря на трудночитаемость текста, нам удастся опознать некоторые важные свидетельства о внешности художника: «24 лет росту 2 аршин 5 1/2 вер, волосы на голове светлорусые, лицо чистое белое....»¹⁸.

Пребывание Дмитрия Маляренко в Академии художеств можно назвать успешным. Уже в сентябре 1850 г. он представил портрет с натуры «для получения звания художника вольноприходящих учеников Академии»¹⁹. В своем прошении художник писал: «Представляя при сем портрет писанный мною с натуры, покорнейше прошу Совет академии удостоить меня звания Свободного Художника, если работа моя будет того достойна отпускная мне находится при делах Академии»²⁰. После чего было определено: «...во внимание к хорошим познаниям в художестве, удостоить звания некласного художника»²¹.

¹⁷ Там же. Л. 5–5 об.

¹⁸ Там же. Л. 10.

¹⁹ Сборник материалов для истории Имп. С.-Петербургской академии художеств за сто лет ее существования / Изд. под ред. П.Н. Петрова и с его примеч. Ч. 3. СПб., 1864–1866. С. 144.

²⁰ РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Литера «М». Д. 100. Л. 9.

²¹ Сборник материалов для истории Имп. С.-Петербургской академии художеств ... С. 144.

Спустя пять лет живописец направляет в Совет Академии очередное прошение. На этот раз он просит признать его «назначенным в Академики»: «Получив от Академии звание Художника в 1850 год, я желал бы заняться исполнением программы на получение звания Академика, а потому представляя при сем написанный мною с натуры портрет Негоцианта Симонсона, прошу покорнейше Совет Академии признать меня по этой работе Назначенным в Академики и разрешить написать для звания Академика чей-либо портрет с натуры»²².

В 1855 г. в документах академии появляется следующее упоминание: «По двум прошениям художников Дмитрия Маляренко (№1483) и Михаила Васильева (№1405), при которых представляя работы свои: 1-й портрет с натуры, а 2-й картину цветов и плодов, — просят о признании их назначенными в академики и о задаче программ на получение звания академика, с дозволением последнему написать картину цветов и плодов, по представленному им эскизу. — Определено: Маляренко и Васильева признав назначенными в академики, задать программы на звание академика, дозволить Васильеву написать картину, по представленному и одобренному Советом эскизу»²³.

Данные свидетельства подчеркивают специализацию Дмитрия Маляренко исключительно на портретной живописи, в которой он совершенствовался от одного произведения к другому.

Уже в 1856 г. Маляренко направил в Императорскую Академию художеств прошение, в котором он просил разрешения исполнить портрет А.И. Левшина и на которое получил положительный ответ²⁴. Это произведение должно было принести ему звание Академика, и в своем прошении от 7 августа 1856 г. Маляренко писал об этом так: «В сентябре месяце прошлого года признан был я Назначенным в Академики по представленному мною на рассмотрение в Академии портрету. Ныне изготовляя портрет с натуры Товарища Министра Внутренних Дел Левшина, я покорнейше прошу Совет Императорской Академии художеств разрешить мне представить оный как программу на звание Академика»²⁵.

Уже 12 февраля 1857 г. в журнале Совета Академии появляется следующая запись: «Рассматривали написанный по назначению Академического Совета Художником Маляренко на звание Академика

²² РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Литера «М». Д. 100. Л. 9.

²³ Сборник материалов для истории Имп. С.-Петербургской академии художеств ... С. 248.

²⁴ Там же. С. 276.

²⁵ РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Литера «М». Д. 100. Л. 14.

портрет Товарища Министра Внутренних дел Левшина, Определено, Художника Маляренко за искусством познания в живописи портретной, доказанный исполнением означенного портрета возвести в звание Академика и представить к утверждению Общего Собрания Академии»²⁶.

Как можно заметить, карьера Дмитрия Маляренко развивалась довольно стремительно. Несмотря на свое происхождение, в художественных кругах Петербурга портретисту удалось добиться признания и сформировать определенный круг заказчиков, и еще до получения звания Академика, в 1854 г., он принимается за написание портрета адмирала Петра Ивановича Рикорда.

Полноценного искусствоведческого описания настоящего произведения еще не было составлено, поэтому постараемся дать краткий обзор. Портрет Петра Ивановича Рикорда, написанный Дмитрием Маляренко в 1854 г., является блистательным примером академического портрета XIX столетия. Рассматриваемое живописное произведение принадлежит к кругу классических портретных изображений, созданных в период творческого расцвета русской академической школы середины XIX в. Картина демонстрирует характерные особенности переходного этапа в развитии отечественного портретного искусства, когда классицистические принципы постепенно обогащались элементами реализма. Маляренко располагает фигуру адмирала Рикорда в трехчетвертном повороте с легким наклоном корпуса. Композиционная структура базируется на принципе пирамидального построения, где кульминационной точкой выступает голова портретируемого, а широкое основание формируют развернутые складки одежды и предметы мебельного убранства. Мастерство художника проявляется в виртуозном владении красками и тонком понимании различных фактур. Особого внимания заслуживает воспроизведение шелковых поверхностей японского военного мундира, где игра света и тени создает иллюзию объема. Цветовая организация произведения строится на сопоставлении интенсивных цветовых пятен с нейтральными охристыми оттенками фона. Цветовой доминантой выступает сочетание глубокого кобальтового синего цвета «мундира» с пурпурно-красными акцентами декоративных элементов, — подобное решение создает эффект цветового резонанса, усиливающего общее впечатление от произведения. Не менее примечательно и то, как написана мебель, в особенности кресло, обивка, как дана фактура ткани и гладкая поверхность благородного цвета дерева. Подобное внимание к деталям, к фотографичной

²⁶ Там же. Л. 16.

передаче внешности и к их ювелирному воспроизведению отличало и некоторых современников Дмитрия Маляренко — Сергея Зарянко, Аполлинария Горавского и Гавриила Яковлева.

Атрибуты портрета формируют систему знаковых элементов, раскрывающих многогранность личности изображенного. Исчерпывающее их описание составлено главным исследователем биографии Петра Ивановича Рикорда, его потомком А.И. Тихоцким: «Разглядывая этот великолепный портрет, можно видеть на нем отражение личных вкусов и предпочтений самого Петра Ивановича, изображение того, что он любил и уважал. Выше всего, на уровне головы Петра Ивановича, расположен бюст его друга и соратника в период становления молодой греческой государственности, первого президента Греческой республики Иоанна Каподистрии. Ниже, на уровне сердца, размещен портрет его друга в течение всей жизни В.М. Головнина, на котором Василий Михайлович изображен кавалером ордена Св. Анны I степени с крестом на красной ленте через левое плечо и звездой на правой стороне груди. Перед портретом изображена книга, раскрытая на карте. Это, несомненно, “Записки Василия Михайловича Головнина в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах”. И, наконец, ниже всего, под правой рукой, тоже видна книга. Это его собственное рукотворное деяние — “Записки капитана Рикорда” — описание плаваний к берегам Японии для спасения Головнина и других русских моряков»²⁷.

На портрете адмирал Рикорд предстает уже в преклонном возрасте, человеком, обладающим внутренним достоинством и жизненной мудростью. Статичность позы сочетается с выразительностью взгляда, устремленного непосредственно на зрителя. Пластическая выразительность рук заслуживает особого анализа. Левая рука, свободно лежащая на подлокотнике, демонстрирует естественность жеста, в то время как правая, покоящаяся на книге, подчеркивает связь Рикорда с интеллектуальной сферой.

Как уже было обозначено ранее, Маляренко, очевидно, был автором нескольких портретов адмирала, в том числе сам исполнил и один из его гравюрных образов. При этом позволим высказать предположение, что объект данного исследования и прообраз для гравюры (парадный военный образ) могли создаваться одновременно. Допустим даже, что Рикорд позировал Маляренко сразу для обоих портретов. Это предположение мы делаем, исходя из сравнения живописного и гравюрного изображений. Применяя метод

²⁷ Тихоцкий А. И. Адмирал Пётр Иванович Рикорд. Жизнеописание в цитатах и сопоставлениях. С. 465.

композитинга и сравнительного анализа, можно прийти к выводу, что оба портрета почти идентичны. И это выражается не просто в подобии образов одного и того же человека, а в повороте головы, положении глаз, самой фигуры и так далее.

Таким образом, Дмитрием Маляренко был создан определенный корпус произведений, связанных с формированием визуального образа адмирала Петра Ивановича Рикорда. Интересно, что будучи человеком, обладающим значительным положением в обществе, Рикорд заказал портрет у художника безусловно и неоспоримо талантливого, но не слишком известного. Возможно, Рикорд, как отмечали современники, отличавшийся добрым нравом²⁸, искренне хотел поддержать молодое дарование. История жизни Маляренко была далеко не чужда адмиралу, который в 1823 г. взял на воспитание подкидыша Георгия Мейера, который родился «14 марта 1823 г. от свободного состояния иностранного негоцианта Мейера»²⁹. Впоследствии тот также поступил в Академию художеств и в 1843 г. уже получил серебряную медаль за работы «Цепь гор Шабина Ола с долиною и рекою Алаш в Китайской провинции Уло-тай» и «Ущелье Карасу близ китайской границы»³⁰.

Изучение портрета Петра Ивановича Рикорда, помимо установления датировки и авторства, принесло еще одно интересное открытие, — это выявление определенного композиционного сходства между портретом адмирала Рикорда и портретом адмирала Григория Кушелева кисти Ореста Кипренского из собрания Государственного Эрмитажа. Это сходство становится еще более примечательным, когда мы узнаём, что оба выдающихся военно-морских деятеля имели общие корни — они родились в древнем русском городе Торопце. Допустимо, что Маляренко, при написании портрета мог ориентироваться на образ Кушелева, дабы создать некоторую линию преемственности и связи с Торопцом и не менее прославленным уроженцем города Кушелевым. Оба адмирала изображены в статичной, величественной позе, они сидят в богато украшенных креслах, что является классическим приемом для портрета XVIII–XIX вв. В обоих портретах присутствуют характерные элементы интеллектуальной и государственной деятельности: бюсты исторических личностей, имеющих непосредственное отношение к жизни и деятельности изображенных героев.

²⁸ Там же. С. 312.

²⁹ РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Литера «М». Д. 41. Л. 19.

³⁰ Кондаков С. Н. Юбилейный справочник Императорской Академии художеств, 1764–1914. Ч. II. С. 127.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что сохранившийся портрет Петра Ивановича Рикорда является произведением, занимающим важное место в творческом наследии Дмитрия Петровича Маляренко, художника, получившего классическое академическое образование и впоследствии удостоившегося высокого звания академика живописи. Этот портрет свидетельствует о незаурядном таланте художника, который заслуживает большего внимания исследователей русского искусства XIX в.

Установление авторства и точной датировки портрета адмирала является, безусловно, значимым событием для истории отечественного искусства и исторической науки. Это открытие вносит вклад в изучение портретной живописи XIX в. и способствует дальнейшему научному интересу не только к наследию Маляренко, но и к другим малоизученным живописцам и произведениям, хранящимся в музейных собраниях.

Результаты исследования, кроме того, подчеркивают значимость комплексного научного подхода к изучению произведений искусства, объединяя архивную и искусствоведческую работу.

References

Kondakov S.N. *Yubileynyy spravochnik Imperatorskoy Akademii khudozhestv, 1764–1914. Ch. II. Chast' biograficheskaya* [Anniversary Reference Book of the Imperial Academy of Arts, 1764–1914. Part II: Biographical Section]. Saint Petersburg: Tovarishchestvo R. Golike i A. Vilborg, 1915. 4, VI, 454, 5 p.

Pavlinov P.S. *Rossiyskaya akademiya khudozhestv* [Russian Academy of Arts] // *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya: nauchno-obrazovatel'nyy portal* [Great Russian Encyclopedia: Scientific and Educational Portal]. — URL: <https://bigenc.ru/c/rossiiskaia-akademii-khudozhestv-19ffd6/?v=8458342>

Sotheby's: russkoye iskusstvo na auktsionakh. Zhivopis' i grafika, 1990–2000 [Sotheby's: Russian Art at Auction. Painting and Graphic Art, 1990–2000] / Ed. by M. Bokser. Moscow: Artlibris, 2002. 320 p.

Tikhotskiy A.I. *Admiral Petr Ivanovich Rikord. Zhizneopisaniye v tsitatakh i sopostavleniyakh* [Admiral Petr Ivanovich Rikord: A Biography in Quotations and Comparisons]. Saint Petersburg: Aletea, 2016. 638 p.

Torzhestvennyye publichnyye sobraniya i otchety Imperatorskoy Akademii khudozhestv (1817–1859) [Solemn Public Meetings and Reports of the Imperial Academy of Arts, 1817–1859] / Comp., intr., and notes by N.S. Belyaev. Saint Petersburg: BAN, 2015. 768 p.

Поступила в редакцию
21 августа 2025 г.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2025 г.

	Стр.
Абрамова Н.Г. Из истории становления исторической географии как учебной дисциплины в Московском университете	№ 6 134–144
Аверченко С.В. «Работал главным инженером авиации». Советские военные авиационные инженеры во главе инженерно-авиационной службы ВВС Республиканской Испании.	№ 3 134–152
Агратина Е.Е. Королевский заказ во Франции XVIII столетия и карьера живописца	№ 1 174–195
Акимов Ю.Г. Создание Компании Гудзонова залива и английская экспансия на канадском Севере в последней трети XVII — начале XVIII века	№ 2 3–22
Андреев А.Ю., Григорьева Е.А. Гимназия в составе Московского университета: проблемы исторической памяти и создания музея (к 270-летию со дня основания)	№ 2 40–54
Ахмадуллин В.А., Тропникова Д.В. Новые публикации в постсоветских государствах о Второй мировой и Великой Отечественной войнах	№ 1 84–100
Бабюк М.И. Хозяйственные аспекты развития издательства «Правда» в 1920-е годы.	№ 6 60–86
Белянкин Ю.С. Выговское послание «Благопослушным и трудоподвижным братьям»	№ 6 3–12
Березкина О.С. Механизмы власти: эволюция конференций РКП(б)–ВКП(б) в 1920-е годы	№ 4 106–126
Бодров А.В. Образ М.Н. Каткова во французской прессе в последней трети XIX века	№ 6 13–32
Буданов А.И. Организация разработки советских ядерных ракетных двигателей в 1953–1962 гг.	№ 4 127–146
Волгин Е.И. Парламентские выборы 1993 г.: основные аспекты модернизации избирательной системы Российской Федерации	№ 6 106–133
Гавристова Т.М. Колониальная ментальность в формате нигерийского мошенничества	№ 1 123–137
Голиков А.Г. Источниковедческие проблемы изучения изобразительных источников.	№ 5 135–163
Гордеев П.Н. «Поездки необходимо делать в условиях комфортабельных»: А.В. Луначарский в борьбе за номенклатурные привилегии	№ 5 64–78
Горская Н.И. Военнопленные Крымской войны (1853–1856) в Смоленской губернии: материальное обеспечение и отношения с местным населением	№ 3 65–82

Григорова Д. Русский марш к «Брестскому соглашению»: болгарские дипломатические документы о судьбе СССР (1990–1991)	№ 4	167–185
Жукова Ю.А., Подейко В.А., Гаджиламаммаев А.Г., Солопов А.П. Изменения в миграционном законодательстве Российской Федерации 2024 г.	№ 2	138–154
Загора М.Г., Петрова О.С., Пожарский А.Ю. Миграционные процессы начала 1920-х годов в Советской России в отражении делопроизводственных материалов Правительственной контрольно-оптационной комиссии Эстонской Республики	№ 6	44–59
Захаров Е.Е., Иванов А.В., Смуров А.В., Снакин В.В., Богданов В.П. Функциональные и исторические предпосылки социокультурного позиционирования современного молодежного музея.	№ 3	153–173
Иванов А.В., Смуров А.В., Снакин В.В., Богданов В.П., Погожев Е.Ю. Молодежный музей как драйвер научно-просветительского (публичного) университетского мероприятия: опыт представления на всероссийском «Фестивале науки» в Московском университете	№ 1	101–122
Иванов Н.С. Великая Победа советского народа и Латинская Америка (1945–1948)	№ 5	79–94
Казьмина О.Е., Соловей Т.Д., Бахматова М.Н., Федорова О.В. Советская и российская идентичности в общественно-политическом дискурсе и переписях населения.	№ 3	174–194
Казьмина О.Е., Соловей Т.Д., Бахматова М.Н., Федорова О.В. Этнокультурные идентичности в зеркале статистики: переписи населения России 1897–1937 гг.	№ 1	158–173
Калмыкова Е.В. Джон Уиклиф (1320/24–1384) о праве государя вести войну.	№ 3	50–64
Карагодин А.В., Масликова А.С. Воспоминания Зинаиды Григорьевны Морозовой (1867–1947) как исторический источник	№ 4	40–62
Кирчанов М.В. Кельтизм как изобретенная традиция галисийского национализма	№ 4	63–82
Кузнецов А.Я., Ореховская Н.А. Кинематограф США как инструмент формирования массового сознания: проблема ядерной войны через призму американской фильмографии в 1947–1964 гг.	№ 5	124–134
Лабутина Т.Л. Российская императрица Елизавета Петровна в восприятии британских послов.	№ 4	24–39
Лаушкин А.В. Христианские праздники в военной практике русских князей конца X — первой трети XIII века	№ 4	3–23
Лившин А.Я., Соловьев К.А. Патриотизм на сломе эпох: политические эмоции накануне революции 1917 г.	№ 1	50–61
Малявин В.В. О смысле истории в ареале Евразии.	№ 1	138–157
Марней Л.П., Чернов С.Л. А.М. Панкратова о панъевропейских тенденциях в исторической науке стран Западной Европы середины XX в.	№ 5	107–123
Минаева О.Д., Денисова Г.В., Смирнова О.В., Денисова И.Н. Особенности работы советских журналистов в условиях Великой Отечественной войны: историко-хронологический анализ.	№ 1	62–83

Налимова Н.А., Ненахова М.Н. Семантика образа крылатой Афины в искусстве периода архаики.	№ 5	164–178
Никонов С.А. Крест кормщика: груманлан Иван Рогачев на службе Выгорецкого общежития и Беломорской компании (конец XVIII — начало XIX в.).	№ 5	49–63
Окрошидзе Л.Г. Портрет адмирала Петра Ивановича Рикорда из собрания Центрального военно-морского музея имени императора Петра Великого: новая атрибуция.	№ 6	172–184
Парфиров Д.С. «Новый край» и «Червонная Русь»: опыт издания русской частной газеты во Львове в 1915 г.	№ 2	74–90
Парфиров Д.С., Аджиева З.А., Олифер Л.В. Политика СССР по отношению к Русской православной церкви в Запорожской и Херсонской областях в 1944–1948 гг.	№ 6	87–105
Попова О.Д. В редакцию поступило письмо... Письма граждан на страницах газет в системе коммуникации власти и общества в 1950–1960-е годы.	№ 4	147–166
Приходько Е.В. Алфавитный оракул из святилища в Солах–Холладес на Кипре: история изучения и открытые вопросы.	№ 3	23–49
Прозоров В.Б. Канон XIV собора в Сплите 925 г.	№ 1	3–29
Разумная Н.Н. Социальное страхование рабочих Юга России в 1903–1917 гг.	№ 3	108–133
Рудаков В.Н. «Лучше нам умереть»: поведение князей во время осады Владимира Батыем в русском историописании второй половины XIII — XVIII века.	№ 3	3–22
Салиенко А.П. Концепция «жанр как проблема стиля» в советском искусствознании конца 1920-х годов (Н.М. Тарабукин и А.А. Федоров-Давыдов).	№ 3	195–214
Сапрыкин С.Ю. М.И. Ростовцев о Боспорском царстве рубежа эр: взгляд через столетие.	№ 5	3–29
Севиенюк Н.А., Соколова М.В. Замковый стиль Роберта Адама в эпоху шотландского Просвещения.	№ 4	186–196
Селезнев Ф.А., Князев М.А. Дипломат Н.Н. Шебеко о взаимоотношениях России с Австро-Венгрией и Германией в конце XIX — начале XX века.	№ 2	55–73
Столярова Е.К. Технология изготовления перегородчатых эмалей: письменные и археологические источники.	№ 2	155–169
Суслопарова Е.А. Трагедия «Изумрудного острова» глазами современников: лейбористские комиссии в Ирландии в 1920 г.	№ 2	91–112
Хитров Д.А. О формировании границ наместничеств в ходе губернской реформы Екатерины II.	№ 5	30–48
Холев Р.Р. «Три гиганта» на площади Синьории во Флоренции: республиканские и монархические символы на службе герцога Козимо I Медичи.	№ 2	170–187
Хорошева А.В. Советские женщины в физкультуре и спорте в 1920-е годы: теория, идеология, практика.	№ 4	82–105
Хрулева И.Ю. «Искоренить их порочные привычки и полностью изменить их образ жизни»: попытки культурной ассимиляции индейцев Новой Англии в первой половине XVIII столетия.	№ 1	30–49

Царегородцева Г.И. Палестинская проблема как одно из ключевых направлений внешней политики США в 1946–1947 гг. (по материалам конгресса).	№ 5	95–106
Цыпкина А.Г. История одного неосуществленного проекта академика В.А. Стеклова	№ 2	113–137
Черникова Н.В. Извилистые пути высшего женского образования в России: «Курсы ученых акушеров» как первый женский государственный вуз	№ 3	83–107
Шпирко С.В. Моделирование динамики численности русского сельского населения по данным ревизий XVIII — середины XIX века (на примере одной вотчины Костромской губернии)	№ 2	23–39
Юденкова Т.В. П.М. Третьяков и В.М. Васнецов: к истории взаимоотношений коллекционера и художника.	№ 6	145–171
Юй Цзе. Деятельность общества ревнителей русского исторического просвещения по популяризации зарубежной литературы в конце XIX — начале XX века.	№ 6	33–43

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич (главный редактор) — доктор исторических наук, академик РАО, профессор; **АНДРЕЕВ Дмитрий Александрович** (заместитель главного редактора) — доктор исторических наук; **БОРИСЁНОК Юрий Аркадьевич** (заместитель главного редактора) — кандидат исторических наук; **БОРОДАЕВ Владимир Алексеевич** (ответственный секретарь) — доктор исторических наук, профессор; **БОРОДКИН Леонид Иосифович** — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор; **ВАНЕЯН Степан Сергеевич** — доктор искусствоведения; **ГОЛИКОВ Андрей Георгиевич** (заместитель главного редактора) — доктор исторических наук, профессор; **ДЕВЯТОВ Сергей Викторович** — доктор исторических наук, профессор; **КАЗЬМИНА Ольга Евгеньевна** — доктор исторических наук; **КАНТОРОВИЧ Анатолий Робертович** — доктор исторических наук; **КАРЕВ Андрей Александрович** — доктор искусствоведения, профессор; **КАРПОВ Сергей Павлович** — доктор исторических наук, академик РАН, профессор; **КОЗЛОВА Наталия Вадимовна** — доктор исторических наук, профессор; **КОШЕЛЕВА Галина Владимировна** (редактор); **КОШМАН Лидия Васильевна** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник; **ЛИТВИНА Наталья Викторовна** — старший научный сотрудник; **МАТВЕЕВ Геннадий Филиппович** — доктор исторических наук, профессор; **МИРОНЕНКО Сергей Владимирович** — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор; **ОРЛОВ Степан Владимирович** — кандидат экономических наук; **ПИВОВАР Ефим Иосифович** — доктор исторических наук, академик РАН, профессор; **ПОДОСИНОВ Александр Васильевич** — доктор исторических наук; **РАЕВСКАЯ Ольга Владимировна** — доктор филологических наук, профессор; **САПРЫКИН Сергей Юрьевич** — доктор исторических наук; **СЕДОВ Владимир Валентинович** — доктор искусствоведения, член-корреспондент РАН, профессор; **СИМОНОВ Вениамин Владимирович** — доктор экономических наук, профессор; **СОЛОПОВА Оксана Вячеславовна** — кандидат исторических наук; **ТАЛЫЗИНА Анна Аркадьевна** — кандидат исторических наук

Адрес редакции:

119992, Москва, Ленинские горы, исторический факультет, Е-124

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации
Российской Федерации. Свидетельство о регистрации № 1554 от 14 февраля 1991 г.

Подписано в печать 15.07.2026. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 11,88.
Уч.-изд. л. 10,69. Тираж 100 экз. Изд. № 13039. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15.

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.

E-mail: zakaz@amirit.ru. Сайт: amirit.ru